



Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 3 (96) июль – сентябрь 2019 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru



Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 3 (96) July – September 2019

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ АЗИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА МИД РОССИИ

Вах К.А.

Первый «иерусалимский» консул К.М. Базили и вопросы защиты русских паломников в Иерусалиме..... 10

Петрунина О.Е.

«Соглядатаи Востока»: русские путешественники о посещении Сирии, Египта и Палестины в первой половине XIX века..... 22

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шуныков М.В., Деревянко А.П., Козликин М.Б.

Динамика палеолитических индустрий Алтая по археологической летописи Денисовой пещеры..... 35

Тункина И.В.

Археология Сибири в документах Д.Г. Мессершмидта..... 45

Дмитриева З.В., Козлов С.А.

История российского налогообложения в XVI–XVIII вв. в контексте проблемы «налоги—войны»..... 62

ЭКОНОМИКА

Архипова М.Ю., Ямбуренко Е.Н.

Сопоставление и классификация экономик мира по уровню развития электронной коммерции..... 75

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., Чугров С.В.

Современные конгрессы как форма научной коммуникации: отечественный и зарубежный опыт 87

Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В.

Революционные волны в Европе и мире как следствия и факторы глобальной модернизации..... 102

Романовская О.В.

Правовые основы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права..... 112

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л.

Поэтическое наследие П.А. Вяземского..... 123

Карачевская М.А.

М.Ф. Гнесин: художественное мировоззрение и черты композиторского стиля..... 134

Ходаковский Е.В., Бодэ А.Б., Зинина О.А., Носкова А.Г.

Деревянное храмостроительство Русского Севера конца XVIII – начала XX века..... 145

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА**Шукова Г.В.**

Психология восприятия: трансцендентальная перспектива..... 157

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Рыбина Е.А., Сингх В.К., Покровская Л.В.**Археологические исследования Людина конца в Новгороде
(Троицкий раскоп)..... 167**КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ****Коршунов Ю.М.**Российско-германский научный коллоквиум
«Советско-германские экономические отношения, 1917–1991 гг.»
(Воронеж, 11–12 июля 2019 г.)..... 186**Кибальник С.А.**XVII Симпозиум Международного Общества Ф.М. Достоевского
(Бостон, США, 14–19 июля 2019 г.)..... 192**МИР КНИГИ РФФИ****Кренке Н.А. —**Брянский клад украшений с выемчатой эмалью
восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский.
М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. — 560 с.:
ил. — (Раннеславянский мир. Вып. 18)..... 198**Федотова С.В. —**Иванов Вяч.И. По Звёздам. Опыты философские, эстетические и критические.
Статьи и афоризмы: В 2 кн. Кн. I: Тексты; Кн. II: Примечания / Отв. ред. К.А. Кумпан.
СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. — Т. I. — 432 с.; Т. II. — 672 с.: ил. 203**Памяти Виктора Викторовича Ивантера** 207

CONTENTS

TO COMMEMORATE THE 200TH ANNIVERSARY OF THE ASIAN DEPARTMENT OF THE RUSSIAN MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS

Vakh K.A.

The First “Jerusalem” Consul K.M. Basili and the Protection
of Russian Pilgrims in Jerusalem..... 10

Petrunina O.E.

“Observers of the East”: Russian Travelers about Visiting Syria,
Egypt and Palestine in the First Half of the 19th Century..... 22

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Shunkov M.V., Derevyanko A.P., Kozlikin M.B.

Evolution of the Paleolithic Industries in Altai According to the Archaeological
Records of Denisova Cave..... 35

Tunkina I.V.

Archeology of Siberia in D.G. Messerschmidt’s Documents..... 45

Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A.

History of Russian Taxation in the 16th — 18th Centuries in the Context
of “Taxes and Wars” 62

ECONOMICS

Arhipova M.Yu., Yamburenko E.N.

Comparison and Classification of World Economies by E-Commerce Level..... 75

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I., Chugrov S.V.

Modern Congresses as Scientific Communication: Domestic and
Foreign Experience 87

Rozov N.S., Pustovoyt Yu.A., Filippov S.I., Tsygankov V.V.

Revolutionary Waves in Europe and the World as the Aftermath and Factors
of Global Modernization..... 102

Romanovskaya O.V.

Legal Framework for the Delegation of State Authority to Entities
under Private Law..... 112

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Zhatkin D.N., Vasilyev N.L.

P.A. Vyazemsky’s Poetic Heritage..... 123

Karachevskaya M.A.

M.F. Gnesin: Artistic Vision and Features of the Composer Style..... 134

Khodakovskiy E.V., Bode A.B., Zinina O.A., Noskova A.G.

Wooden Temple Construction in the Russian North of the Late 18th —
Early 20th Century..... 145

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Shukova G.V.

Perceptual Psychology: a Transcendental Perspective..... 157

FIELD RESEARCH

Rybina E.A., Singh V.K., Pokrovskaya L.V.

Archaeological Study of Lyudin End in Novgorod (Troitsky Site)..... 167

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Korshunov Yu.M.

Russian-German Scientific Colloquium “Soviet-German Economic Relations
in 1917–1991” (Voronezh, July 11–12, 2019)..... 186

Kibalnik S.A.

17th Symposium of F. Dostoevsky International Society
(Boston, USA, July 14–19, 2019)..... 192

THE RFBR BOOK WORLD

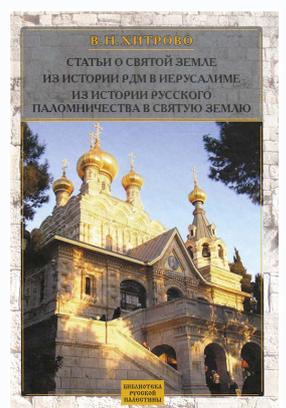
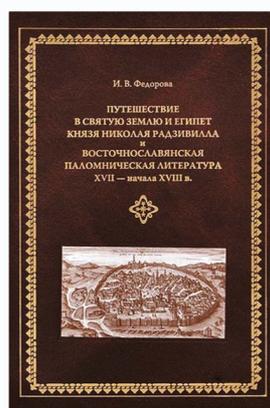
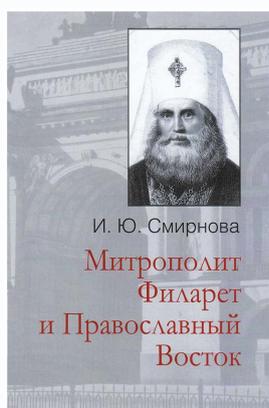
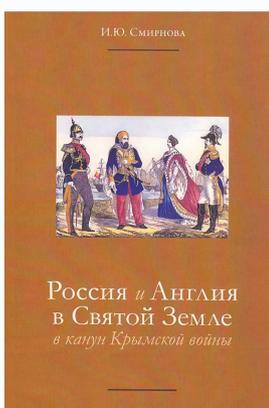
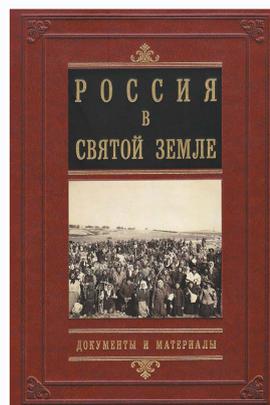
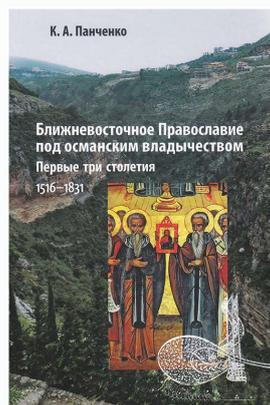
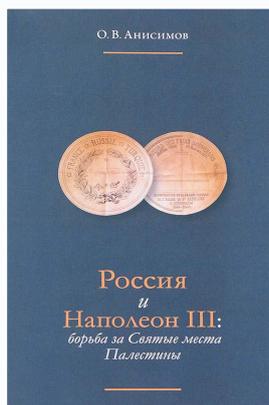
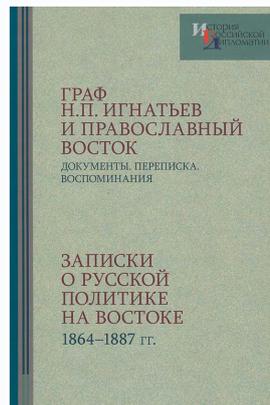
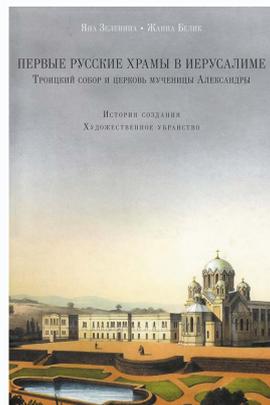
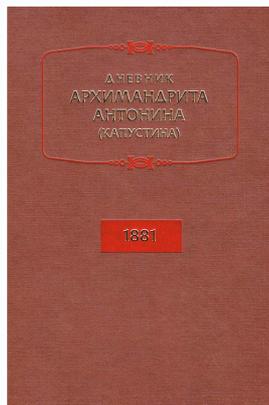
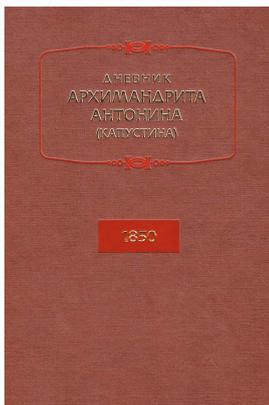
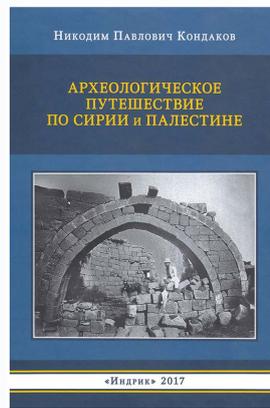
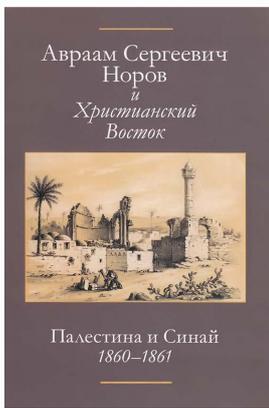
Krenke N.A. —

Bryansk Treasure of Jewellery with Chiseled Enamel of the Eastern European Style
(3^d Century AD) / Publishing Editor A.M. Oblomsky. Moscow: Institute of Archeology
of the Russian Academy of Sciences; Vologda: Drevnosti Severa Publishing House,
2018. — 560 p.: Ill. — (Early Slavic World. Issue 18)..... 198

Fedotova S.V. —

Ivanov, Vyach. I. By the Stars. Philosophical, Aesthetic
and Critical Experiments. Papers and Aphorisms in 2 vol. Vol. I: Texts; Vol. II: Notes /
Publishing Editor K.A. Kumpan. St. Petersburg: Pushkin House Publishing House,
2018. — Vol. I. — 432 p.; Vol. II. — 672 p.: Ill. 203

In memory of Viktor Viktorovich Ivanter 207



К 200-летию создания
Азиатского департамента МИД России

Научные труды, изданные при финансовой поддержке Фонда

**К.А. ВАХ***

Первый «иерусалимский» консул К.М. Базили и вопросы защиты русских паломников в Иерусалиме

В статье рассматривается вопрос о восприятии русского паломничества к святым местам Православного Востока, с одной стороны, российским правительством в лице центрального аппарата МИД, с другой — дипломатами на местах. На основании анализа архивных источников делается вывод о различиях в оценках и подходах к феномену паломничества, присущих различным уровням российской власти. Это позволяет под новым углом зрения взглянуть на причины возникновения охлаждения и недоверия между российскими властями и представителями греческой церковной иерархии в Иерусалиме, а также объяснить отсутствие адекватной реакции в Петербурге на нараставшие проблемы с русскими паломниками на Востоке. Кроме этого, исследуется роль и конкретный вклад К.М.Базили в развитие вопроса о русских паломниках в Святой Земле.

Ключевые слова: паломничество, К.М.Базили, история дипломатии, Иерусалимская Патриархия, консульство в Иерусалиме, Азиатский департамент, Святогробское братство

Последовательная непоследовательность: консул в Иерусалим назначен, но консульство не открыто

Проблемы, связанные с русским паломничеством к святым местам, всегда находились под пристальным контролем Азиатского департамента МИД. Православное паломничество было одним из основных элементов системы, связывающей Россию с источником её цивилизационной идентичности, и это гарантировало ему государственную поддержку.

В МИД живо реагировали на информацию о негативных явлениях среди русских паломников, приходившую из Константинополя или из Иерусалима. Однако для формирования собственного взгляда чиновникам в Петербурге требовалось время. А потому позиция руководства Азиатского департамента зачастую оказывалась более осторожной, чем те меры, которые предлагали дипломаты на местах.

В конце 1830-х гг. в официальных документах МИД появляются настойчи-

* **Вах Кирилл Алексеевич** — историк, генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик», руководитель проекта «История русского консульства в Иерусалиме: 1858–1914 гг.» (19-09-41008).
E-mail: k_vach@mail.ru



Ил. 1. К.М. Базили

вые упоминания о падении нравственного уровня среди русских богомольцев в Иерусалиме. Вместе с тем приходило понимание, что для борьбы со злом необходимо менять сами условия организации паломничества, которое было целиком отдано в руки принимающей стороны — местного греческого духовенства. Следовательно, требовалось открыть в Иерусалиме постоянное русское консульское представительство, которое занималось бы организацией пребывания российских подданных в Палестине.

Решение о создании российского консульства в Иерусалиме было принято в 1838 г. Первым «иерусалимским» консулом стал Константин Михайлович Базили (3 (15) февраля 1809 – 10 (22) февраля 1884) (ил. 1). Но позднее местоположением для консульства был назначен Бейрут. Бейрутское консульство распространяло свою юрисдикцию на Сирию и Палестину и в этом отношении дублировало соответствующую административную единицу османского государственного устрой-

ства. Это отражало возросшее политическое значение Сирии как раз накануне ухода египетских войск с захваченных в 1830–1831 гг. территорий, однако не решало вопрос о необходимости постоянного русского консульского присутствия в Иерусалиме.

Меры К.М. Базили и его «договор» со святогробцами

Первым же поручением, выданным Азиатским департаментом вновь назначенному консулу К.М.Базили, стало как раз выявление причин беспорядков с русскими паломниками в Святом Граде [1]. Едва прибыв в Бейрут, Базили вынужден был сразу же выехать в Иерусалим. 6 (18) февраля 1838 г. посланник в Константинополе А.П.Бутенев отправил в Петербург канцлеру К.В.Нессельроде (ил. 2) отчёт Базили [2] о мерах, принятых консулом для организации быта и пребывания русских паломников в Иерусалиме. Донесение Базили из Иерусалима датировано

Ил. 2. И.Е. Ботман.
Портрет графа К.В. Нессельроде



Ил. 3. Караван русских паломников в Святой Земле

21 декабря 1839 г. (2 января 1840 г.) [3]. А 30 апреля 1840 г. появился документ, утверждённый Николаем I, «О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников». Черновик его [4] содержит редакцию Нессельроде.

Прибыв в Святой Град, вероятно, в декабре 1839 г., Базили застал врасплох и греческое духовенство, и паломников. Картина, открывшаяся его глазам, была очевидно удручающей. Всех паломников из России (ил. 3–5) греческие духовные власти разместили в одном монастыре Св. Феодора «без различия пола» и, видимо, в страшной тесноте, учитывая слова консула о том, что он нашёл в Иерусалиме «довольно значительное число поклонников наших» [Там же]. Чтобы как-то сгладить впечатление, Базили сразу же упомянул, что с богомольцев брали за проживание весьма умеренную плату, а неимущих даже селили и содержали даром.

Плохую организацию быта русских паломников в Иерусалиме консул объяснил тем, что «в глубокой преданности и при-

знательности к высочайшему двору они (*т.е. греческие духовные власти*) боялись навлечь на себя неудовольствие укрощением своеволия и предосудительных поступков некоторых поклонников» [5]. К тому же греки, по словам Базили, «не имели ни власти ни довольно твёрдости» для обеспечения порядка в среде русских паломников «в отсутствие консула нашего». Чтобы устранить эту проблему, Базили выбрал из числа паломников отставного гвардейского унтер-офицера Туманцева и назначил его смотрителем за паломниками. В обязанности смотрителя входило «надзирать за поведением поклонников и удерживать их от всякого предосудительного поступка» [Там же. Л. 4 об.].

Другой, не менее важной, по мнению консула, причиной «беспорядков было помещение всех вообще поклонников в одном и том же монастыре и неимение за ними надлежащего надзора» [Там же. Л. 4]. Сам факт совместного размещения мужчин и женщин в Иерусалиме не был новостью для Петербурга [Там же],

но ситуация, несмотря на многочисленные предписания МИД, много лет не менялась. Вероятно, Базили нашёл сильные аргументы, потому что святогробцы мгновенно выделили в его распоряжение один из лучших и наиболее значимых монастырей Св. Авраама, примыкавший к входу в храм Воскресения. Судя по всему, Базили перевёл женщин-паломниц на жительство в Авраамиев монастырь в декабре 1839 г., и как минимум до конца апреля 1840 г. такое положение вещей оставалось неизменным.

Стремясь обеспечить приемлемые условия проживания паломников в будущем, Базили предлагал на усмотрение правительства два пути. Первым и более сложным вариантом была покупка одного из греческих монастырей в Иерусалиме, срытие его до основания и постройка на его месте нового здания. Второй путь, более лёгкий, — реконструкция двух монастырей: Св. Авраамия и Св. Феодора. Необходимые затраты на их ремонт консул оценивал в 3 000 руб. серебром, или 40 000 турецких пиастров. После этого, как утверждал Базили, греки готовы были передать оба монастыря «в вечное пользование исключительно российским подданным» [Там же. Л. 6 об.], а в дальнейшем взять на себя все будущие поправки зданий. Для юридического закрепления достигнутых договоренностей консул считал необходимым «заключить со старшинами иерусалимского духовенства контракт по принятому в Турции порядку и изложить в оном те основания, на коих упоминаемые монастыри поступают в полное распоряжение консульства нашего» [Там же. Л. 7]. Таким образом российские власти получили бы полный контроль за ситуацией с русскими паломниками в Иерусалиме.

«Сею благоразумною распорядительностью положена преграда существовавшим беспорядкам и возникавшие прежде на молельщиков наших жалобы в последнее время совершенно прекратились» [Там же. Л. 4 об.]. Эти слова



Ил. 4. И.Е. Репин. Паломник



Ил. 5. И.Е. Репин. Паломник

из доклада Нессельроде Николаю I свидетельствуют о том, что Базили, благодаря своим распоряжениям в Иерусалиме, приобрёл в министерстве авторитет человека, умеющего быстро и качественно решать сложные задачи.

Патриарх Афанасий: новые переговоры в Константинополе

О полученном от императора решении профинансировать все нужные поправки в иерусалимских монастырях на сумму 40 тыс. турецких пиастров Нессельроде информировал Бутенева 7 мая 1840 г. [6]. Однако летом 1840 г. никаких работ организовать не удалось. Возможно, политическое обострение в Сирии и смена посланника в Константинополе стали тому причиной. А возможно, процесс тормозился со стороны Иерусалимского Патриарха. 13 февраля 1841 г. посольство в Константинополе предложило Патриарху Афанасию (ил. 6) рассмотреть проект официального соглашения между Иерусалимским Синодом и российским правительством [Там же. Л. 23–26 об.]. Документ содержал семь пунктов, которые ранее Базили уже обсудил со святогробцами в Иерусалиме:

1. Два монастыря передаются «отныне навсегда» [Там же. Л. 23] для жительства исключительно русских паломников. Исключение составляет игумен и прислуга.
2. Строго соблюдается раздельное помещение женщин и мужчин.
3. С российской стороны выделяется 40 000 пиастров для ремонта зданий и закупки необходимого оборудования единовременно. Все же остальные расходы, «необходимые как на первый раз, так и впоследствии» [Там же. Л. 42 об.], берёт на себя греческое иерусалимское духовенство.
4. Плата за проживание устанавливается умеренная «по соглашению с консульством, приняв в основание существовавшую доселе цену по 50 пиастров с каждой особы или кровати за всё

время богомолья» [Там же. Л. 24–25] и не может изменяться.

5. Неимущие и нищие поселяются даром.
6. «Посуда, мебель и прочее» хранятся в монастырях по описи, «не позволяя устранять их на какую-либо необходимость, исключая употребление поклонников» [Там же. Л. 26].
7. Наблюдение за поклонниками «будет поручено предпочтительно одному из членов Синода, который в случае беспорядков между ними будет сноситься с консулом или откомандированною от него для надзора <за> благочинием поклонников особою.

Однако из донесения нового посланника В.П.Титова канцлеру Нессельроде от 13 июня 1841 г. [Там же. Л. 13–16 об.] следует, что в таком виде соглашение не устраивало Патриарха. Патриарх Иерусалимский Афанасий категорически отверг возможность заключения официального «турецкого» контракта о передаче монастырей русским паломникам и предлагал подписать соглашение «с Иерусалимским Патриаршим Престолом или Синодом» [Там же. Л. 14]. Он настаивал на том, чтобы все расходы на ремонт были проведены за счёт иерусалимского духовенства, «желающего сею малою жертвою доказать свою признательность к многочисленным благотворениям России» [7]. Российскому правительству оставалось лишь снабдить монастыри утварью и мебелью [Там же]. Вместо монастыря св.Авраама Патриарх Афанасий предложил для размещения паломниц-женщин использовать монастырь св.Екатерины [Там же. Л. 15]. Донося о новых договоренностях в Петербург, Титов упомянул о и выгодах для казны, и о бесполезности настаивать на стесняющих Патриарха строгих формах контракта [Там же].

В марте 1841 г. Титов поручил Базили выработать окончательное соглашение с Иерусалимским Синодом и «сообразить наилучшие меры для закупки пожитков, необходимых для пристойного помеще-

ния наших богомольцев» [Там же. Л. 15 об.]. Базили вновь посетил Иерусалим на Пасху. 21 апреля 1841 г. консул сообщал Титову, что оба монастыря (св. Феодора и св. Екатерины) официально отведены для размещения русских паломников и ремонтные работы в них начались [Там же]. О том же в июне 1841 г. Титову написал Патриарх Афанасий, прибавив, что отныне русские паломники будут находиться в отведённых для них монастырях «под сению попечительности августейшего монарха... и будут пользоваться всяким духовным пособием со стороны Преосвященного митрополита Петрского Мелетия, который на себя принял особое попечение о набожных российских богомольцах» [8]. Вероятно с этого момента и нужно вести отсчёт деятельности легендарной среди русских паломников всех рангов личности Святого Петра.

Патриарх также сообщал, что по договорённости с консулом Базили иерусалимский Синод согласился взять на свой счёт содержание доктора, которому поручено безвозмездно лечить всех православных и особенно — русских паломников [Там же. Л. 20–20 об.].

«Правила для русских православного исповедания поклонников пребывающих в Иерусалим»

8 мая 1841 г. Титов получил от Базили «Правила для паломников», разработанные совместно с иерусалимским Синодом. Этот документ должен был стать «руководством для российско-подданных православного исповедания, кои посещая святые места будут иметь жительство в тех монастырях» [9]. Копию «Правил» Титов отослал в Петербург, уточнив, что, по его мнению, этот документ, подписанный с иерусалимской стороны,



Ил. 6. Афанасий V, Патриарх Иерусалимский в 1827–1844 гг.

заменит собой «тот контракт, которым первоначально предполагалось упрочить за нашими поклонниками исключительное право пользоваться пристанищем в тех двух монастырях» [Там же. Л. 11 об.].

Естественно, «Правила» не имели юридической силы на территории Османской империи. Но согласие с ними Иерусалимского Патриарха и его Синода говорило том, что греки готовы были допустить российские официальные власти в свои взаимоотношения с русскими паломниками в Иерусалиме и на Святой Земле.

«Правила для русских православного исповедания поклонников пребывающих в Иерусалим» состояли из 68 параграфов [10]. По сути, они представляли компромисс, на который готов был пой-

ти Иерусалимский Патриарх Афанасий в вопросе о разделении власти и контроле за русскими богомольцами в Святой Земле. Духовный надзор за всеми паломниками в Иерусалиме оставался за руководством «греческого монастыря Гроба Господня» [Там же. Л. 48], однако юридическая власть над паломниками принадлежала недавно созданному в Бейруте российскому консульству, «под ведомством коего состоят по высочайшей воле все подданные Его Императорского Величества в сей стороне» [Там же. Л. 48 об.].

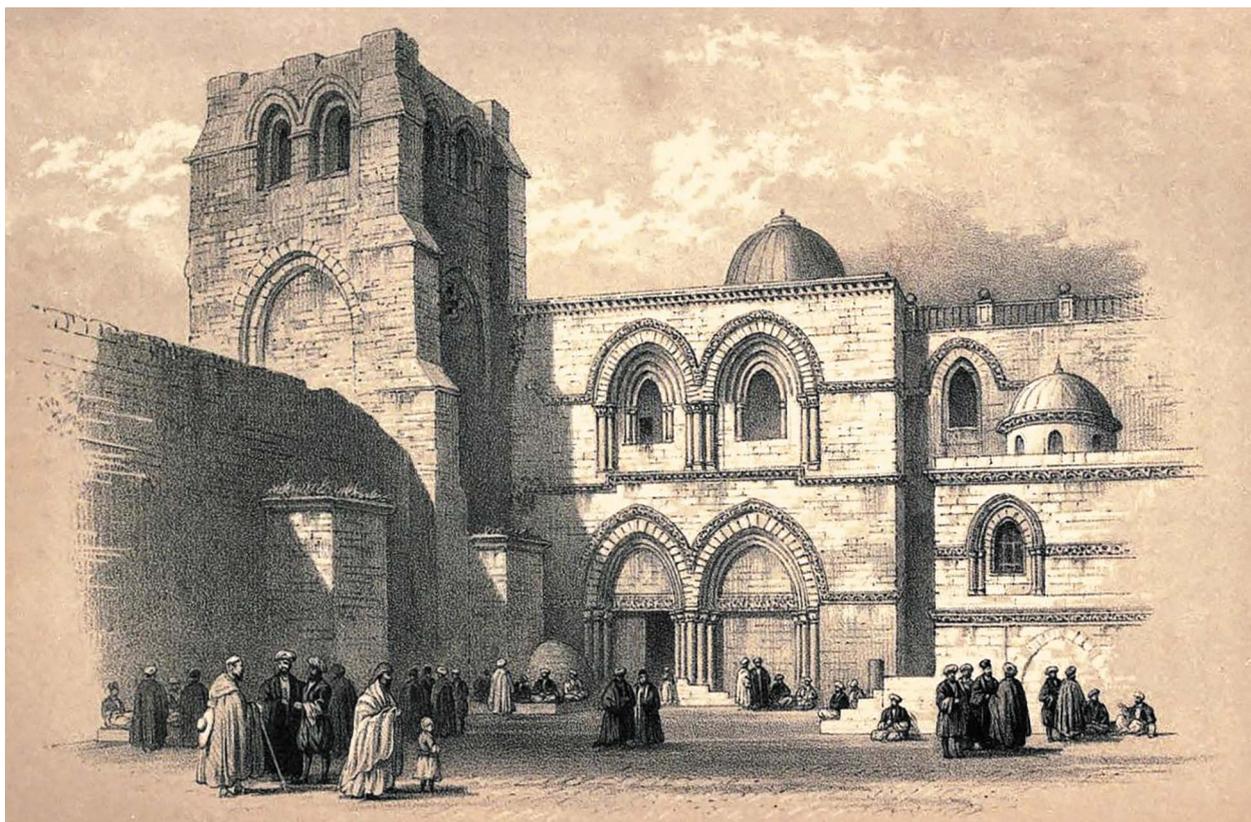
Согласно тем же «Правилам» собственно «русским», т.е. человеком, на которого распространяется покровительство российской консульской власти, признавался только тот, кто представит вице-консулу в Яффе российский паспорт и получит в обмен паспорт на арабском языке [Там же. Л. 50]. Всякий, у кого не было русского паспорта или выданного консульством паспорта на турецком языке (тескере), объявлялся бродягой и мог быть выслан из Иерусалима.

Из среды поклонников консул назначал надзирателя, которому они должны были повиноваться и к которому должны были адресовать свои требования и жалобы. Надзирателю «за труды» полагалось денежное вознаграждение «по мере его заслуг и по усмотрению г. консула» [Там же. Л. 67]. Его права и обязанности были определены «Правилами» довольно подробно. Со стороны Патриархии назначался монах-переводчик, к которому паломники могли относиться «с законными и рассудительными требованиями» [Там же. Л. 48–48 об.]. Обращаться за чем-либо к турецким властям паломникам строго воспрещалось [Там же. Л. 50 об.]. В случае необходимости пожаловаться на кого-то из иноверцев паломник должен был обратиться к святогробскому «духовному начальству», которое или удовлетворит его жалобу «немедленно», или передаст дело консулу [Там же. Л. 51]. Таким образом, документ сохранял за греческим

иерусалимским духовенством статус посредника при решении споров с местным населением и властями. Зато каждый богомolec имел право «излагать письменно г-ну консулу или агенту его в Яффе жалобы свои на надзирателя, равно как и неудовольствие своё на монастырское начальство» [Там же. Л. 49]. Таким образом, консул признавался высшей инстанцией при разрешении вопросов, связанных с пребыванием российских паломников на Святой Земле.

«Правила» подробно регламентировали проживание паломников в монастырях, их размещение в келиях и оплату, организацию караванов для посещения Иордана, Назарета и на Синай. «Да ведают поклонники, что в сей стороне путешествия сопряжены с большими опасностями, как от хищных бедуинов, так и от часто бунтующих жителей, а подвергать себя опасностям такого рода когда православный монастырь мудрыми мерами и большими издержками обеспечивает своевременно безопасность своих поклонников, не есть подвиг христианского благочестия, но дело безумия, а потому не только воспрещается, но в случае если кто будет замечен в возбуждении неудовольствия между своими за назначенную монастырским начальством отсрочку сего поклонения – будет немедленно выслан из Иерусалима как человек беспокойный» [Там же. Л. 54 об. – 55].

Отдельным разделом «Правил» был вопрос о пожертвованиях на Гроб Господень (ил. 7). Все приношения объявлялись только добровольным делом, и никто не имел права принуждать паломников делать взнос или укорять в недостаточном пожертвовании. «Казна монастыря Гроба Господня есть одна и нераздельная и потому все денежные взносы, в какое бы из святых мест не поступали, обращаются в монастырскую казну, которая с своей стороны обеспечивает по возможности нужды духовенства представленного к святым местам и расходует ежегодно огромные суммы без коих



Ил. 7. Вид площади перед храмом Гроба Господня в Иерусалиме

святыни давно бы перешли к иноверцам» [Там же. Л. 61]. Никто не вправе уклоняться от сдачи привезённых подарков или пожертвований «под предлогом недоверчивости к лицам, к кому вещи поступают, ибо всякая вещь, объявленная и сданная в синодальное присутствие, делается уже собственностью православного монастыря Гроба Господня и обеспечена от всякого злоупотребления» [Там же. Л. 61 об.]. Жертвователю может объявить, куда именно он желает направить свой дар. «Но сие несколько не даёт ему права требовать немедленного к тому распоряжения <...> когда монастырское начальство соображаясь с местными обстоятельствами, весьма уважительными, хотя и непонятными для человека ново-прибывшего в Иерусалим, откажет в помещении подарка в желаемом месте. <...> С другой стороны, поклонники должны иметь в виду, что ризница Гроба Господня есть одна для всех святых мест, подведомых монастырю и что Блаженнейший

Патриарх Иерусалимский и его епископы вправе во всякое время судя по обстоятельствам перемещать из одного места в другое, брать на сохранение в ризницу или выдавать из оной принадлежащие монастырю вещи» [Там же. Л. 62–63].

Взгляд на паломничество из Петербурга

12 июля 1841 г. император одобрил новый прядок для размещения паломников в Иерусалиме, предложенный Базили и Титовым [11]. Однако «Правила» для паломников такого утверждения не получили. В МИД их сочли недостаточно проработанными. 23 сентября того же года директор Азиатского департамента направил Титову комментарии к тексту «Правил» и просил его обязать Базили внести все замечания в проект перед его окончательным утверждением [12].

Замечания Азиатского департамента [13] позволяют судить о взглядах Петербурга на русское паломничество. Кроме незна-

чительных редакторских уточнений, все поправки по существу представляли собой попытку смягчить отношение к паломникам в Иерусалиме и усилить ответственность «начальства» за разрешение проблем русских людей на Святой Земле. «Вообще следует подвергнуть на месте ещё раз строгому обсуждению все меры о надзоре за поклонниками и постановить только такие, которые были бы удобоисполнимы, ибо в земле столь мало устроенной как Палестина, не возможно вводить такой порядок, который с трудом мог бы быть соблюдаем и внутри Империи <...>, а поклонникам едва ли следует воспрещать свободу, доколе они не подадут повода к сомнению в их поведении» [14].

Кроме этого, МИД предложил дифференцированный подход к паломникам из разных сословий. «Власть светского надзирателя не может распространяться на духовных лиц, приходящих на поклонение. При том же духовным лицам не следует ли предоставить избрать себе жительство в различных монастырях и подчинить их только наместникам патриаршим? А к консулу они могут прибегать в случае нужды с просьбою о защите и покровительстве» [15]. Такие же исключения, по мнению МИД, нужно было сделать «в пользу почётных лиц, которым предоставить жить в Патриархии или где пожелают и вообще не делать сим никакого стеснения» [16].

23 марта 1842 г. Титов писал Сенявину, что получил от Базили новый вариант «Правил», но предупредил, что они не были согласованы с иерусалимским духовенством из-за «дальности пребывания нашего консула и неудобства входить с ними в подробную переписку» [17]. В связи с этим Титов предлагал отложить утверждение «Правил» до возвращения из Иерусалима Базили и настоятеля русской посольской церкви иеромонаха Амвросия, «который может быть сообщит какие-либо дополнительные рассказы о теперешнем состоянии наших богомольцев в Святой

Земле» [Там же]. О. Амвросий посетил Иерусалим на Пасху 1842 г.

Русские паломники между дипломатами на Востоке, греческим духовенством в Иерусалиме и чиновниками в Петербурге

7 июля 1842 г. Титов получил два донесения Базили из Иерусалима. Первое касалось различных запретительных мер, которые консул предлагал установить в России для ограничения выезда за границу нищих и неблагонадёжных лиц. Это была попытка консула продолжить реформу русского паломничества. Предложения ограничить выезд паломников из России будут ещё не раз всплывать в официальных документах и консульства, и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и даже посольства в Константинополе.

Во втором донесении Базили предлагал учредить в Иерусалиме местопребывание постоянного чиновника консульства «для полицейского надзора за поклонниками, а также и для дружелюбного, при случае, содействия греческому духовенству» [Там же. Л. 6 об.]. Со своей стороны Титов, видимо, был согласен с Базили и предлагал на эту роль вице-консула в Яффе Марабути с прибавкою ему жалования [Там же. Л. 6 об. – 7]. Вероятно, это предложение было принято в министерстве, хотя документального подтверждения этому обнаружить не удалось. Российский вице-консул Марабути по национальности был греком и так же, как и Базили, должен был казаться удобной фигурой для греческого духовенства в Иерусалиме. Во всяком случае вице-консульство в Яффе стало с этого момента «местоблюстителем» русского консула в Палестине.

До начала Крымской войны, пока Базили занимал должность консула, а потом и генерального консула в Сирии и Палестине, в отношении русского паломничества действовал разработанный им порядок.

Реформа паломнического дела, проведённая Базили в 1840–1842 гг., не была последовательной. При жёстких ограничениях «Правила» перекладывали на богомольцев всю ответственность за возникавшие проблемы и возмущения, а попытка Азиатского департамента восстановить равновесие между ответственностью и правами паломников не достигла цели.

В Петербурге причину всех иерусалимских «нестроений» сначала искали только внутри самой паломнической среды, основу которой составляло податное население империи. Получалось, что паломники приносили с собой проблемы из России. Однако согласиться с тем, что богомольцы, которые в глазах императорской власти были носителями национального религиозного духа, на самом деле в массе своей состояли из поражённых различными пороками людей, правительство не могло. В Петербурге постепенно приходило понимание того, что именно местные условия, в которых оказывались богомольцы, были катализатором негативных явлений и мешали правительству использовать паломничество как полноценный инструмент по-

литического влияния в Османской империи. В этом состояло принципиальное отличие в определении значения русского паломничества между Петербургом и представителями российской власти (светской и духовной) на Православном Востоке.

С точки зрения правительства следовало продолжить реформу паломнического дела на Востоке, а по мнению дипломатов, работавших в Османской империи, необходимо было сначала значительно ограничить возможности богомольцев для выезда за границу. Неудивительно, что возобладала точка зрения Петербурга.

С 1848 г. в Иерусалиме появилась Русская Духовная Миссия, в обязанности которой входил надзор за нравственным поведением богомольцев, что нарушало прежние договоренности Базили с Патриархией. Ещё через десять лет в Иерусалиме наконец был поднят флаг над зданием русского консульства. А в 1859 г. созданный в Петербурге Палестинский комитет занялся строительством собственно русской паломнической инфраструктуры в Палестине, положившей начало созданию хорошо известного теперь феномена Русской Палестины.

ЛИТЕРАТУРА

1. «При отправлении отсюда вновь назначенного в Палестину консулом кол. сек. Базили, вменено ему было в неременную обязанность собрать достоверные сведения о положении подданных империи, ежегодно приходящих на поклонение Святым местам». АВПРИ. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816. Д. 3. Ч. 5. Л. 3.
2. АВПРИ. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816. Д. 3. Ч. 5. Л. 1–2об.
3. Там же. Л. 34–47. Copie d' un rapport du consul Basily a m-r envoye de Bouteneff en date de Baurout 21 decembre / 2 janvier 1839/40.
4. Там же. Л. 3–7об. О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников.
5. Там же. Л. 3об. Фраза зачёркнута.
6. См. черновик отношения К.В. Нессельроде. Там же. Л. 8–10об.
7. Там же. Л. 14об. На самом деле турецкое законодательство позволяло согласно принятым в Турции обычаям признать владельцем здания того, кто его ремонтировал. Греки опасались, что в таком случае собственником монастырей может быть официально признано российское правительство.
8. Там же. Л. 19. Перевод с письма Иерусалимского Патриарха Афанасия к императорскому поверенному в делах в Константинополе <...> июня 1841 г.

9. Там же. Л. 11–11об. В.П. Титов – Л.Г. Сенявину 5 июля 1841 г.
10. Там же. Л. 48–67. Опубликовано по подлиннику: АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте. Оп. 819. 1841. Д. 415. Л. 17–30. Документ датирован двумя датами: Бейрут, 15/27 марта 1840 г., Иерусалим, апрель 26 дня 1840 г. См.: Якушев М.И. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018. С. 455–466.
11. Там же. Л. 31–33. О монастырях, назначенных в Иерусалиме для помещения поклонников.
12. АВПРИ. Ф. СПбГА II-9. Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 4.
13. Донесение К.М. Базили от 08.05.1841, № 37. АВПРИ. Ф. СПбГА II-9 Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 21–39об.
14. Там же. Комм. к статье № 24 «Правил».
15. Там же. Комм. к статье № 59 «Правил».
16. Там же. Комм. к статье № 15 «Правил».
17. АВПРИ. Ф. СПбГА II-9 Оп. 46. 1816 г. Д. 3. Ч. 7. Л. 5об.

ENGLISH

The First “Jerusalem” Consul K.M. Basili and the Protection of Russian Pilgrims in Jerusalem

Kirill Alekseevich Vakh – historian, CEO of Scientific and Publishing Center Indrik, supervisor of the project “History of the Russian Consulate in Jerusalem: 1858–1914” (19-09-41008).
E-mail: k_vach@mail.ru

The paper explores the perception of the Russian pilgrimage to the sacred sites of the Orthodox East by the Russian government represented by the central office of the Ministry of Foreign Affairs and by the local diplomats. Having analyzed the archival sources, the author concludes about different assessments and approaches to the phenomenon of pilgrimage across different levels of the Russian government. This helps to take a new perspective and look at the causes of the alienation and mistrust between the Russian authorities and representatives of the Greek Orthodox Church hierarchy in Jerusalem, as well as explain the lack of an adequate response in St. Petersburg to the exacerbating problems with the Russian pilgrims in the East. In addition, the paper researches K.M. Basili’s role and specific contribution to the developing issue of the Russian pilgrims in the Holy Land.

Keywords: pilgrimage, K.M Basili, history of diplomacy, Jerusalem Patriarchate, consulate in Jerusalem, Asian Department, Brotherhood of the Holy Sepulcher

REFERENCES

1. «Pri otravlenii otsyuda vnov' naznachennogo v Palestinu konsulom kol. sek. Bazili, vmeneno emu bylo v nepremennuyu obyazannost' sobrat' dostovernye svedeniya o polozhenii poddannyykh imperii, ezhegodno prikhodyashchikh na poklonenie Svyatym mestam». AVPRI. SPbGA II-9. Оп. 46. 1816. Д. 3. Ч. 5. Л. 3 (in Russian).

2. AVPRI. SPbGA II-9. Op. 46. 1816. D. 3. Ch. 5. L. 1–2ob. (in Russian).
3. Tam zhe. L. 34–47. Copie d' un rapport du consul Basily a m-r envoye de Bouteneff en date de Baurout 21 decembre / 2 janvier 1839/40.
4. Tam zhe. L. 3–7ob. O monastyryakh, naznachennykh v Ierusalime dlya pomeshcheniya poklonnikov (in Russian).
5. Tam zhe. L. 3ob. Fraza zachyorknuta (in Russian).
6. Sm. chernovik otnosheniya K.V. Nessel'rode. Tam zhe. L. 8–10ob. (in Russian).
7. Tam zhe. L. 14ob. Na samom dele turetskoe zakonodatel'stvo pozvolyalo soglasno prinyatym v Turtsii obychayam priznat' vladel'tsem zdaniya togo, kto ego remontiroval. Greki opasalis', chto v takom sluchae sobstvennikom monastyrey mozhet byt' ofitsial'no priznano rossiyskoe pravitel'stvo (in Russian).
8. Tam zhe. L. 19. Perevod s pis'ma Ierusalimskogo Patriarkha Afanasiya k imperatorskomu poverennomu v delakh v Konstantinopole <...> iyunya 1841 g. (in Russian).
9. Tam zhe. L. 11–11ob. V.P. Titov – L.G. Senyavinu 5 iyulya 1841 g. (in Russian).
10. Tam zhe. L. 48–67. Opublikovano po podlinniku: AVPRI. F. Konsul'stvo v Beyrute. Op. 819. 1841. D. 415. L. 17–30. Dokument datirovan dvumya datami: Beyrut, 15/27 marta 1840 g., Ierusalim, aprel' 26 dnya 1840 g. Sm.: Yakushev M.I. Russkoe pravoslavnoe palomnichestvo na Blizhniy Vostok v kontekste osmano-rossiyskikh otnosheniy (1774–1847 gg.). M., 2018. S. 455–466 (in Russian).
11. Tam zhe. L. 31–33. O monastyryakh, naznachennykh v Ierusalime dlya pomeshcheniya poklonnikov (in Russian).
12. AVPRI. F. SPbGA II-9. Op. 46. 1816 g. D. 3. Ch. 7. L. 4 (in Russian).
13. Donesenie K.M. Bazili ot 08.05.1841, № 37. AVPRI. F. SPbGA II-9 Op. 46. 1816 g. D. 3. Ch. 7. L. 21–39ob. (in Russian).
14. Tam zhe. Komm. k stat'e № 24 «Pravil» (in Russian).
15. Tam zhe. Komm. k stat'e № 59 «Pravil» (in Russian).
16. Tam zhe. Komm. k stat'e № 15 «Pravil» (in Russian).
17. AVPRI. F. SPbGA II-9 Op. 46. 1816 g. D. 3. Ch. 7. L. 5ob. (in Russian).

УДК 94

ГРНТИ 03.23.31, 03.09.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-22-34

**О.Е. ПЕТРУНИНА***

«Соглядатаи Востока»: русские путешественники о посещении Сирии, Египта и Палестины в первой половине XIX века

В статье рассказывается о результатах путешествий по Ближнему Востоку выходцев из различных социальных слоёв России. Независимо от основной цели поездки — паломнической, служебной или научной — все они занимались глубоким и разноплановым изучением посещаемых областей: их истории, географии, демографии и др. Сами путешествия зачастую совершались по инициативе и при содействии российского дипломатического ведомства, которое остро нуждалось в актуальных данных о регионе в условиях неразвитости сети консульских учреждений.

Ключевые слова: Османская империя, литература путешествий, внешняя политика России в XIX в.

*Сей Ангел и хоругвь Мессии
Меня в тот путь благословят,
Куда кресты родной России
С высот святых церквей глядят [1].*

К началу XIX в. в Средиземноморье наметились значимые геополитические изменения, непосредственно касавшиеся интересов России: внутренний кризис в Османской империи, рост национального самознания подвластных султану народов, победоносные войны Австрии, а затем и России против Османов. Всё это вело

к тому, что империя, на протяжении нескольких столетий бывшая важнейшим игроком в регионе, начала распадаться.

Сирия и международная политика в первой половине XIX столетия

В этой ситуации активизировались политики европейских держав. Об этом свидетельствовали как египетский поход

* **Петрунина Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель проекта «Россия и Антиохийский патриархат в XVIII – начале XX в.» (19-09-41004). В подготовке статьи принимал участие К.А. Вах.
E-mail: petrunina@narod.ru



Ил. 1. Вид Иерусалима с юга. Цветная гравюра. Начало XIX в.

Наполеона, так и менее заметная на первый взгляд миссионерская деятельность протестантов и католиков на Востоке. После основания в 1804 г. Британского библейского общества в Османскую империю двинулись английские и американские протестантские миссионеры, которые занимались не только религиозным «просвещением», но и сбором ценных сведений о состоянии Османской империи и живших в ней народов [2–5]. Эти сведения были существенным дополнением той информации, которую давали своим правительствам европейские дипломаты.

Задача создания сети консульских учреждений, которые обеспечивали бы интересы российской торговли и могли бы конкурировать с европейскими, была поставлена Екатериной II по окончании войны 1768–1774 гг., однако к началу следующего столетия она так и не была выполнена [6, 7]. Этому препятствовали новые русско-турецкие и наполеоновские войны, острая нехватка квалифицированных кадров, отсутствие опыта.

Российское правительство остро нуждалось в разносторонней информации о положении дел на всём пространстве Православного Востока, в особенности в его узловых точках. МИД вынужден был использовать порой не вполне традиционные для дипломатии средства, чтобы доставать необходимые сведения. В Османскую империю при участии дипломатического ведомства направлялись «паломники ко святым местам», главной задачей которых было описать увиденное, акцентируя внимание на интересующих Петербург деталях.

Писатели-паломники в контексте внешней политики России

Большая часть книг о путешествиях по Православному Востоку, вышедших в свет в России в первой трети XIX в., начиная, может быть, с 1813 г., когда в печати впервые появилось «Путешествие» в Иерусалим братьев Вешняковых [8], была связана с интересами российского правительства. В отдельных случаях (А.Н. Му-

равьёв, А.С.Норов) именно издание книги и её успех в аристократической среде русского общества способствовали быстрому карьерному продвижению писателя-паломника.

Приведём некоторые аргументы в пользу такого предположения.

Публикацию «Путевых записок» братьев Вешняковых в разгар войны с Наполеоном в 1813 г. можно связать с предположением о том, что российские власти рассматривали вариант своего участия в войне на Ближнем Востоке против Франции и изучали ситуацию в регионе, используя самые разные источники. До настоящего времени остаётся открытым вопрос о редакторе этих «воспоминаний», поскольку, судя по дошедшему до нас авторскому оригиналу текста, редакция для печатного издания была сделана человеком, хорошо разбиравшимся в реалиях Османской империи. Личности путешественников так же могли быть не случайны для выполнения «задания» правительства, если таковое имело место. Один из братьев, Иван Вешняков, судя по контексту, уже бывал в Константинополе в самом конце XVIII столетия и, кажется, взаимодействовал с российским посольством в Константинополе [9]. Поездка братьев Вешняковых через Константинополь и Архипелаг в Святую Землю состоялась вскоре после ухода войск Наполеона из Египта и Сирии, и это обстоятельство могло иметь большое значение при издании книги.

Командировка в Грецию, Сирию, Палестину и на Афон второго советника константинопольского посольства Д.В. Дашкова в 1820 г. была организована его начальником, графом И.А. Каподистрией, с целью сбора подробных сведений о политических, военных и церковных делах на Востоке в преддверии греческого восстания. Каподистрия остался вполне доволен как слогом начинающего дипломата, так и его умением ориентироваться в сложных вопросах политики, и Дашков был принят на службу. Формально Даш-

кову было поручено проинспектировать русские консульские представительства в Леванте, но его поездка и деятельность в Иерусалиме (ил. 1) и на Афоне заставляют усомниться в истинности заявленной публично цели его командировки. После начала греческого восстания с 1822 г. Дашков какое-то время был управляющим делами русской миссии в Константинополе, которая из-за войны базировалась в Петербурге. Не стало ли это назначение следствием его командировки? В печати Дашков выступил в 1825 и 1826 гг. с двумя литературными и двумя научными очерками о путешествии по Востоку [10–13], которые представляли собой литературно обработанные фрагменты собранных им материалов для Азиатского департамента МИД [14]. Появление этих очерков совпадает с восшествием на престол императора Николая I, открыто заявившего о приоритетах своей внешней политики в отношении к Православному Востоку. Быстрое служебное возвышение Дашкова произошло именно при этом самодержце.

Кир Бронников, крепостной графа Д.Н. Шереметева, отправляется в Палестину, Египет и на Синай в 1820 г. накануне греческого восстания и почти параллельно с Дашковым. В Константинополе его поспешно принимает российский посланник граф Строганов, опекает, предлагает снабдить деньгами, даёт рекомендательные письма к консулу в Яффе. Патриарх Иерусалимский, находившийся в Константинополе, и вовсе переселяет Бронникова к себе на подворье, многократно ведёт с ним беседы, наконец бесплатно и на полном обеспечении отправляет его на своём корабле до Яффы (ил. 2), где организует так же бесплатную для Бронникова поездку от Яффы до Иерусалима. Такое внимание к крепостному крестьянину со стороны российского посланника и Иерусалимского Патриарха можно объяснить лишь исключительным статусом, которым был наделён Бронников. После трудного возвращения в Рос-



Ил. 2. Вид города Яффа. Цветная гравюра. Начало XIX в.

сию этот простой крестьянин приводит в порядок свои заметки и в 1824 г. выпускает в свет образцовую для того времени книгу о своём путешествии [15].

В 1820–1821 гг. совершает путешествие в Египет и Сирию ещё один, в будущем выдающийся ориенталист и литератор О.И.Сенковский. Его поездка также стала возможна благодаря тому, что Строганов причислил его к российской миссии в Константинополе. За своё двухлетнее путешествие Сенковский сумел не только блестяще изучить восточные языки, но и собрать множество полезных материалов, которые, к сожалению, были опубликованы лишь частично [16–19]. По возвращении в Россию Сенковского, как и Дашкова, ждал быстрый карьерный рост: уже в 1821 г. он был принят переводчиком в Коллегию иностранных дел, а на следующий год получил профессорскую кафедру в Санкт-Петербургском университете.

Эпоха борьбы Греции за независимость (1821–1829) на время приостановила новые русские путешествия по Османской

империи. Однако после завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и в особенности после высадки русского десанта на Босфоре в 1833 г. политические отношения между Россией и Османской империей стали более дипломатичными и даже в чём-то союзническими. Военная операция на Босфоре и Ункяр-Искелесийский договор показали, что Россия способна использовать военно-дипломатическую инициативу неожиданно для всех и добиваться столь же неожиданных политических преимуществ. В этот период увеличивается количество и качество «инспекторов» российского МИД на Ближнем Востоке.

Не успели умолкнуть пушки после подписания мира в Адрианополе, прямо из штаба действующей армии в Иерусалим направляется, опять же в командировку и на средства правительства, чиновник по дипломатической части А.Н.Муравьёв. Описание этого путешествия стало судьбоносным для автора [20]. В апреле 1833 г. книгу прочитал Николай I и... на-

значил Муравьёва секретарём обер-прокурорского стола Св.Синода, «с оставлением его причисленным к ведомству МИД» [21, с. 9–10]. Можно добавить, что во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Дашков находился при главной квартире действующей армии. Таким образом, А.Н.Муравьёв, откомандированный «на поклонение святым местам» в 1830 г., как бы подхватил из его рук эстафету дипломатических паломничеств.

Когда Муравьёв уже был на Святой Земле, в Петербурге Николай I принимает никому не известного Стефана, происходившего, вероятно, из духовного сословия, и после разговора «отпускает» его на богомолье в Иерусалим. Лаконичный текст путешествия Стефана [22] информативен, но не имеет системного изложения. Сам автор, после пострижения в монашество с именем Серапиона, вероятно, остался жить в Иерусалиме. В заглавии к рукописи специально сделан упор на новое положение Серапиона – монаха «Патриаршего Иерусалимского монастыря». Не это ли пострижение обсуждалось в Петербурге во время императорской

аудиенции? По стечению обстоятельств постриг Серапиона состоялся в день наречения во епископа святогробского архимандрита Кирилла, будущего Патриарха Иерусалимского (1845–1872) 21 ноября 1830 г. Последняя запись сделана Серапионом после 8 марта 1831 г. Она сообщает о наречении во епископа игумена Гефсиманской церкви Иерофея, в 1833–1839 гг. находившегося в России в качестве представителя Патриарха для сбора милостыни на Иерусалимскую Церковь. Речь шла о будущем архиепископе Иерофее Фаворском. В 1850–1885 гг. он занимал Антиохийскую патриаршую кафедру. Обычно датой хиротонии его во епископы называют 1833 г. Однако, учитывая то обстоятельство, что другого епископа с именем Иерофей в середине XIX столетия в Иерусалимском Патриархате нам выявить не удалось, можно сказать, что информация Серапиона существенно уточняет дату и обстоятельства его хиротонии. В 1845 г. был главным претендентом на место Иерусалимского Патриарха, но не был пропущен турецким правительством из-за обвинений в симпатиях к России.



Ил. 3. Вид города Бейрут. Цветная гравюра. Начало XIX в.

В 1834 г. на Афон и в Иерусалим едет иеромонах Аникита (Ширинский-Шихматов), князь-инок, позднее назначенный на церковно-дипломатическую должность настоятеля русской посольской церкви в Афинах. С Востока он отправлял донесения в МИД и Синод, а также вёл дневниковые записи о своих путешествиях [23].

А.С.Норов исколесил Египет, затем заглянул в самые удалённые уголки Палестины и через Кайфу, Тир и Сидон добрался до Бейрута (ил. 3) [24, 25].

И опять, почти одновременно с Норовым, но по другому маршруту на Православный Восток едет В.П.Давыдов [26]. Пожалуй, единственный из перечисленных нами путешественников, отправившийся из Рима в «художественную и литературную экспедицию» на свои средства и никак в тот момент не связанный с МИД. Экспедиция Давыдова, кажется, не могла иметь никакого отношения к МИД, но её результаты, роскошно опубликованные, просто не могли не привлечь внимания на Дворцовой площади в Петербурге. [27].

Наконец, архимандрит Порфирий (Успенский) в 1842 г. отправляется на Восток на деньги российского правительства в звании «паломника» и буквально заваливает МИД своими обширными донесениями, не имевшими ничего общего с заявленными религиозными целями его поездки.

Таким образом, все перечисленные выше «путешествия» (за исключением экспедиции В.П. Давыдова) могли быть целенаправленно организованы российским правительством, а их описания можно рассмотреть в контексте тех задач, которые были поставлены перед паломниками-писателями в дипломатическом ведомстве России. Однако это не отменяет того факта, что очерки Дашкова, а затем



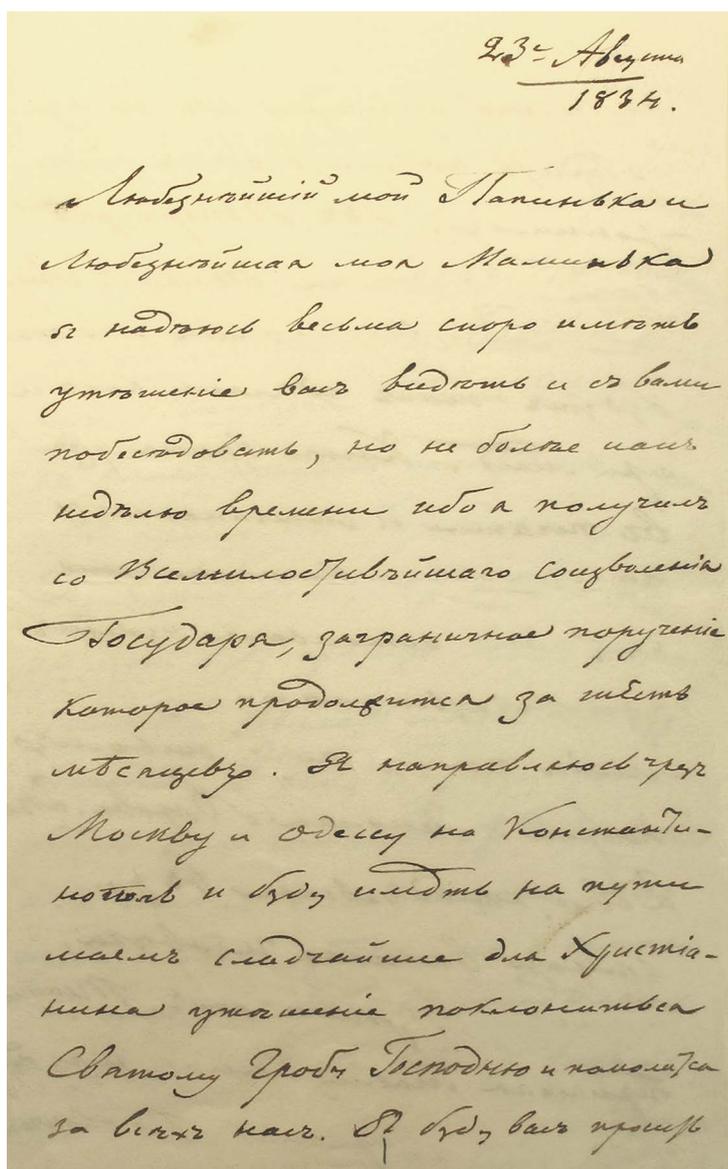
Ил. 4. Неизвестный художник.
Портрет А.С.Норова. Конец 1830-х гг. РГБ

книги Муравьева и Норова (ил. 4) сформировали своеобразный эталон русского литературного путешествия к святым местам и в этом смысле имеют совершенно самостоятельное значение для истории русской паломнической литературы. Просто для дипломатов 1830-х гг., умевших отделять литературные образы от содержательной информации, эти книги имели важное практическое значение.

Путешествие А.С.Норова в 1835 г. в свете внешнеполитических задач Российской Империи

Особо стоит сказать о книге А.С.Норова «Путешествие по Святой Земле в 1835 году», потому что, как представляется, она больше других способна проиллюстрировать сделанное выше утверждение.

Решение в 1834 г. отправиться в Египет, Сирию и Палестину не принадлежало Но-



Ил. 5. А.С.Норов. Фрагмент письма к родителям с сообщением о командировке на Восток. 23 августа 1834 г. ОР. РНБ

рору. Его утверждение об обратном, с лёгкой руки Н.Г.Чернышевского [28, С. 520–521] и В.Н.Хитрово [29, с. III–IV] подхваченное всеми позднейшими исследователями, было лишь литературным образом. В неопубликованном письме к родителям от 23 августа 1834 г. (ил. 5) Норов сообщает, что «получил со всемилостивейшего соизволения Государя, заграничное поручение, которое продолжится за шесть месяцев. Я направляюсь через Москву и Одессу на Константинополь и буду иметь на пути моём сладчайшее для христианина утешение поклониться Свято-

му Гробу Господню и помолиться за всех нас. Я буду вас просить до моего приезда к вам погодить говорить о сём постороннему» [30, л. 1–1 об.] (ил. 6, 7).

Все знавшие лично Норова упоминают о выделявшей его религиозности и одновременно поэтичности натуры [31, с. 211]. А потому восторженное предчувствие иерусалимского поклонничества – вполне объяснимо. Но его просьба не рассказывать о предстоящей командировке посторонним свидетельствует о том, что в России эта информация могла иметь гриф секретности или во всяком случае не должна была огласиться прежде определённого времени. Самого Норова распоряжение императора застало буквально врасплох. В тот момент он был занят изданием книги стихов своего брата. Пришлось бросить уже оттиснутые 32 страницы тиража и дальнейшее печатание передать двоюродному брату Николаю Норову [30, л. 1 об.].

Итак, А.С.Норов 20 августа 1834 г. был спешно уволен в отпуск для путешествия частным образом по Египту, Сирии и Палестине в качестве паломника [32, с. 339]. Предоставление чиновни-

ку отпуска на время негласной командировки отражает стандартную практику при отправке на Восток неофициальных представителей правительства. На расходы Норов получил крупную сумму денег – 3000 руб. А чтобы оправдать выделение государственных средств, было придумано ни к чему не обязывающее, но совершенно официальное и потому зафиксированное в документах «особое» поручение. Норову предписывалось составить доклад «о способах к выгоднейшему приобретению и доставлению из тех мест (*m.e. из Египта*) некоторых аптечных мате-

риалов». Но для египетских властей в течение всего путешествия Норов оставался официальным представителем русского императора. Оказываемые ему знаки внимания были данью уважения к посланному его российскому правительству. Свидетельства этому во множестве содержатся на страницах его книги. Документов, более подробно раскрывающих цель командировки А.С.Норова в Египет, пока обнаружить не удалось. Скорее всего, данное поручение действительно служило всего лишь оправданием для финансирования командировки Норова. У России в этот момент именно в Египте имелась достаточно развитая сеть собственных представителей: там находился генеральный консул и действовали нештатные консульские агенты. Поэтому не было никакой надобности отправлять совершенно постороннего человека из Петербурга в Египет просто для выяснения возможности поставок товаров в Россию. Это можно было легко решить без огромных затрат в 3000 рублей.

В расширенной редакции предисловия к «Путешествию по Святой Земле» Норов объясняет, что издаёт его «прежде» других потому, что оно было его целью. Его маршрут, по сути, проходил по местам походов французской армии или там, где она могла бы оказаться. Можно предположить, что в 30-х гг. XIX в. египетский поход Наполеона ещё завораживал взоры многих политиков. Российское правительство, высадив армию на Босфоре, вероятно, тоже изучало варианты военных действий против Египта, а может быть, и против другого противника. При этом наиболее удобной точкой для высадки или сбора войск в случае войны с Египтом, вероятно, считалась Сирия. В конце 30-х гг.



Ил. 6. Вид часовни Гроба Господня. Гравюра по рисунку М.Н.Воробьева 1821 г.

её значение как военно-стратегического и политического форпоста на границе с Египтом лишь возрастало. Именно это обстоятельство стало причиной отмены решения о создании первого в Иерусалиме русского консульства и переноса его в Бейрут.

Словесная карта Востока

Заданием Норова во время его путешествия, скорее всего, были разведка дорог и составление карты, пригодной для использования в случае продвижения войск из Сирии в Египет и Палестину. Именно



Ил. 7. Внутренний вид ротонды храма Гроба Господня.
Цветная гравюра. Начало XIX в.

так и написана его книга. Она представляет собой подробную словесную карту всего обширного региона от Дамьета до Бейрута, включая многочисленные

маршруты в Палестине, которая с точки зрения картографии всё ещё оставалась малоизученным регионом. В книге даны точные указания расстояний между все-

ми сколько-нибудь важными географическими точками, правда, отмеренные временем, необходимым для преодоления этого расстояния. Подробно описаны географические ориентиры, даны характеристики дорог, отмечены стратегические «опорные» пункты, источники воды, собраны статистические данные о численности, нравах и занятиях населения и т.п. В дополнение к этому Норов составил и напечатал по-русски карту всего региона, а также дополнил лучший на тот момент план Иерусалима Катервуда, издав его также на русском языке.

Если наше предположение верно, становится понятно, какое задание было дано Норову в Египте, Сирии и Палестине. Мы можем сделать предположение о наличии у российского правительства во второй половине 30-х гг. XIX в. планов военной операции в Сирии и Палестине и о новом

политическом значении Сирии, каким оно представлялось дипломатам в Санкт-Петербурге.

Итак, мы видим, сколь большое значение российские дипломаты придавали сведениям, которые собирали «частные» путешественники по православному Востоку. Для таких путешествий выбирались наблюдательные и способные к изучению языков люди. Их командировки зачастую совершались не по их собственной инициативе, что не мешало им собирать сведения об Османской империи самого разного свойства: от состояния дорог до умонастроений населения. Литературные таланты путешественников позволили им достичь и других целей: привлечь внимание к православию на Востоке русской читающей публики и заложить основы научной ориенталистики в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стихотворение А.С. Норова из неопубликованного варианта введения к книге «Путешествие по Святой Земле в 1835 году». ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 142. Л. 2–2об.
2. Anderson R. Report to the Prudential Committee of a Visit to the Missions in the Levant. Boston, 1844.
3. Hartley J. Researches in Greece and the Levant. L., 1831.
4. Jowett W. Christian Researches in the Mediterranean, from 1815 to 1820, in furtherance of the objects of the Church Missionary Society. L., 1822.
5. Walpole R. Travels in various countries of the East. L., 1820.
6. Петрунина О.Е. «Общие о Левантских консульствах известия» Ивана Войновича (1782) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 138–150.
7. Кобищанов Т.Ю. «Греческий проект» Екатерины II и Сирия // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3–25.
8. Путевые записки в Святой Град Иерусалим и в окрестности онаго Калужской губернии дворян Вешняковых и медынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. М., 1813.
9. Вах К.А. Заповедный Иерусалим: из повествования братьев Вешняковых о путешествии в 1805 году // Иерусалимский православный семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 201–212.
10. Дашков Д.В. Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 г. // Северные цветы на 1825 год. С. 119–161.
11. Дашков Д.В. Известие о греческих и латинских рукописях в серальской библиотеке // Северные цветы на 1825 год. С. 162–165.
12. Дашков Д.В. Русские поклонники в Иерусалиме (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине) // Северные цветы на 1826 год. С. 214–283.

13. Дашков Д.В. Ещё несколько слов о серальской библиотеке // Северные цветы на 1826 год. С. 283–296.
14. [Дашков Д.В.] Mémoire sur l'état des Consulats Russes dans le Levant au commencement de 1821, 9/21.07.1821, РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 135.
15. Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершённое в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824.
16. Сенковский О.И. Краткое начертание путешествия в Нубию и Верхнюю Эфиопию // Северный архив, 1822, Ч. 1. С. 70–113.
17. Сенковский О.И. Посещение пирамид. Из путевых записок Иосифа Сенковского // Сын Отечества, 1822, № 1. Ч. LXXV. С. 16–30, 116–122.
18. Сенковский О.И. Перечень письма из Каира // Сын Отечества. 1822. № 1. Ч. LXXVI. С. 64–71.
19. Сенковский О.И. Возвратный путь из Египта чрез Архипелаг и часть Малой Азии // Северный архив, 1822. Ч. 1. С. 421–443; Ч. 2. С. 45–52; Ч. 3. С. 301–320.
20. Муравьёв А.Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Ч. 1–2. СПб., 1832.
21. Лисовой Н.Н. А.Н. Муравьёв и его книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году» // Муравьёв А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М., 2006.
22. Путешествие во Святой Град Иерусалим Патриаршего Иерусалимского монастыря монаха Серапиона, именовавшегося прежде пострижения Стефаном 1830 и 1831 годов // Два путешествия в Иерусалим в 1830 и 1831 и в 1861 годах. М., 2006.
23. Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М., 2009.
24. Норов А.С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Ч. 1–2. СПб., 1840.
25. Норов А.С. Путешествие по Святой земле в 1835 году. Ч. 1–2. СПб., 1838.
26. Давыдов В.П. Путевые записки, ведённые во время пребывания на Ионических островах в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году, Владимиром Давыдовым. Ч. 1–2. СПб., 1839, 1840.
27. Вах К.А. В поисках христианских древностей. Поездка В.П. Давыдова в 1835 году // История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 по 1912 г. Святая Гора Афон, 2015. С. 250–256.
28. Чернышевский Н.Г. <Критика>. Путешествия А.С. Норова // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1949. Т. 2.
29. Хитрово В.Н. [Предисловие] // Норов А.С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова / Под ред. В.Н. Хитрово. СПб., 1878.
30. Письмо А.С. Норова к родителям от 23 августа 1834 г. ОР РНБ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 188.
31. Свербеев Д.Н. Мои записки. М., 2014.
32. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017.

ENGLISH

“Observers of the East”: Russian Travelers about Visiting Syria, Egypt and Palestine in the First Half of the 19th Century

Olga Evgenievna Petrunina – Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Russia and the Patriarchate of Antioch in the 18th – early 20th Centuries” (19-09-41004). K.A. Vakh contributed to this paper.

E-mail: petrunina@narod.ru

The paper focuses on the findings obtained in the course of the trips to the Middle East by people from various social layers of Russia. Whether the core purpose of the trip was pilgrimage, business or science – they all engaged in an in-depth and diverse study of the visited areas: history, geography, demography, etc. The trips were often initiated and assisted by the Russian diplomatic mission, which needed urgent up-to-date information about the region in the conditions of the underdeveloped consulate network.

Keywords: the Ottoman Empire, travel documentaries, foreign policy of Russia in the 19th century

REFERENCES

1. Stikhotvorenie A.S. Norova iz neopublikovannogo varianta vvedeniya k knige «Puteshestvie po Svyatoy Zemle v 1835 godu». ORRNB. F. 531. Op. 1. D. 142. L. 2–2ob. (in Russian).
2. Anderson R. Report to the Prudential Committee of a Visit to the Missions in the Levant. Boston, 1844.
3. Hartley J. Researches in Greece and the Levant. L., 1831.
4. Jowett W. Christian Researches in the Mediterranean, from 1815 to 1820, in furtherance of the objects of the Church Missionary Society. L., 1822.
5. Walpole R. Travels in various countries of the East. L., 1820.
6. Petrunina O.E. «Obshchie o Levantskikh konsul'stvakh izvestiya» Ivana Voynovicha (1782) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2019. № 2. S. 138–150 (in Russian).
7. Kobishchanov T.Yu. «Grecheskiy proekt» Ekateriny II i Siriya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2017. № 2. S. 3–25 (in Russian).
8. Putevye zapiski v Svyatyy Grad Ierusalim i v okrestnosti onago Kaluzhskoy gubernii dvoryan Veshnyakovykh i medynskogo kuptsa Novikova v 1804 i 1805 godakh. M., 1813 (in Russian).
9. Vakh K.A. Zapovednyy Ierusalim: iz povestvovaniya brat'ev Veshnyakovykh o puteshestvii v 1805 godu // Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar. Vyp. 3. M., 2012. S. 201–212 (in Russian).
10. Dashkov D.V. Afonskaya gora. Otryvok iz puteshestviya po Gretsii v 1820 g. // Severnye tsvety na 1825 god. S. 119–161 (in Russian).
11. Dashkov D.V. Izvestie o grecheskikh i latinskikh rukopisyakh v seral'skoy biblioteke // Severnye tsvety na 1825 god. S. 162–165 (in Russian).
12. Dashkov D.V. Russkie poklonniki v Ierusalime (Otryvok iz puteshestviya po Gretsii i Palestine) // Severnye tsvety na 1826 god. S. 214–283 (in Russian).
13. Dashkov D.V. Eshchyo neskol'ko slov o seral'skoy biblioteke // Severnye tsvety na 1826 god. S. 283–296 (in Russian).
14. [Dashkov D.V.] Mémoire sur l'état des Consulats Russes dans le Levant au commencement de 1821, 9/21.07.1821, RGIA. F. 1630. Op. 1. D. 135.
15. Puteshestvie k Svyatym mestam, nakhodyashchimsya v Evrope, Azii i Afrike, sovershennoe v 1820–1821 gg. sela Pavlova zhitel'm Kirom Bronnikovym. M., 1824 (in Russian).
16. Senkovskiy O.I. Kratkoe nachertanie puteshestviya v Nubiyyu i Verkhnyuyu Efiopiyu // Severnyy arkhiv, 1822, Ch. 1. S. 70–113 (in Russian).
17. Senkovskiy O.I. Poseshchenie piramid. Iz putevykh zapisok Iosifa Senkovskogo // Syn Otechestva, 1822, № 1. Ch. LXXV. S. 16–30, 116–122 (in Russian).
18. Senkovskiy O.I. Perechen' pis'ma iz Kaira // Syn Otechestva. 1822. № 1. Ch. LXXVI. S. 64–71 (in Russian).

19. Senkovskiy O.I. Vozvratnyy put' iz Egipta chrez Arkhipelag i chast' Maloy Azii // Severnyy arkhiv, 1822. Ch. 1. S. 421–443; Ch. 2. S. 45–52; Ch. 3. S. 301–320 (in Russian).
20. Murav'yov A.N. Puteshestvie ko Svyatym mestam v 1830 godu. Ch.1–2. SPb., 1832 (in Russian).
21. Lisovoy N.N. A.N. Murav'yov i ego kniga «Puteshestvie ko svyatym mestam v 1830 godu» // Murav'yov A.N. Puteshestvie ko svyatym mestam v 1830 godu. M., 2006 (in Russian).
22. Puteshestvie vo Svyatoy Grad Ierusalim Patriarshego Ierusalimskogo monastyrya monakha Serapiona, imenovavshegosya prezhde postrizheniya Stefanom 1830 i 1831 godov // Dva puteshestviya v Ierusalim v 1830 i 1831 i v 1861 godakh. M., 2006 (in Russian).
23. Puteshestvie ieromonakha Anikity po svyatym mestam Vostoka v 1834–1836 godakh. M., 2009 (in Russian).
24. Norov A.S. Puteshestvie po Egiptu i Nubii v 1834–1835 gg. Ch. 1–2. SPb., 1840 (in Russian).
25. Norov A.S. Puteshestvie po Svyatoy zemle v 1835 godu. Ch. 1–2. SPb., 1838 (in Russian).
26. Davydov V.P. Putevye zapiski, vedyonnye vo vremya prebyvaniya na Ionicheskikh ostrovakh v Gretsii, Maloy Azii i Turtsii v 1835 godu, Vladimirom Davydovym. Ch. 1–2. SPb., 1839, 1840 (in Russian).
27. Vakh K.A. V poiskakh khristianskikh drevnostey. Poezdka V.P. Davydova v 1835 godu // Istoriya Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone s 1735 po 1912 g. Svyataya Gora Afon, 2015. S. 250–256 (in Russian).
28. Chernyshevskiy N.G. <Kritika>. Puteshestviya A.S. Norova // Chernyshevskiy N.G. Polnoe sobranie sochineniy: V 15 t. M., 1949. T. 2 (in Russian).
29. Khitrovo V.N. [Predislovie] // Norov A.S. Ierusalim i Sinay. Zapiski vtorogo puteshestviya na Vostok A.S. Norova / Pod red. V.N. Khitrovo. SPb., 1878 (in Russian).
30. Pis'mo A.S. Norova k roditelyam ot 23 avgusta 1834 g. OR RNB. F. 531. Op. 1. D. 188 (in Russian).
31. Sverbeev D.N. Moi zapiski. M., 2014 (in Russian).
32. Guminskiy V.M. Russkaya literatura puteshestviy v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste. M., 2017 (in Russian).

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 903.01

ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-35-44



**М.В. ШУНЬКОВ,
А.П. ДЕРЕВЯНКО,
М.Б. КОЗЛИКИН***

Динамика палеолитических индустрий Алтая по археологической летописи Денисовой пещеры

В настоящее время на Алтае сосредоточены наиболее информативные археологические комплексы, характеризующие древнейшую историю огромного пространства от Уральских гор до Тихого океана и от Монголии до Северного Ледовитого океана. Наиболее интересные результаты в изучении первобытной истории получены в северо-западной части Алтая по материалам междисциплинарного изучения многослойных палеолитических памятников в долине верхнего течения р. Ануй. Самая продолжительная культурно-хронологическая колонка изучена в Денисовой пещере. При исследовании плейстоценовых отложений пещеры был применён комплекс современных методов археологии, стратиграфии, литологии, палеонтологии, геохронологии и других смежных дисциплин. В пещерных отложениях вместе с многочисленными артефактами зафиксированы массовые палеонтологические материалы, позволяющие проследить процесс развития культурных традиций от ранней до заключительной стадии палеолита и реконструировать условия обитания первобытного человека на различных палеогеографических этапах плейстоцена. Новейшие антропологические открытия в пещере связаны с основными проблемами развития рода Homo и формирования человека современного физического облика.

* **Шуныхов Михаил Васильевич** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, советник директора, заведующий отделом археологии каменного века Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, руководитель проекта «Динамика каменных индустрий в среднем и верхнем палеолите Алтая по археологической летописи Денисовой пещеры» (18-09-00404а).

E-mail: shunkov77@gmail.com

Деревянюко Анатолий Пантелеевич — академик РАН, доктор исторических наук, научный руководитель ИАЭТ СО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Козликин Максим Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века ИАЭТ СО РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: kmb777@yandex.ru

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, палеолит, каменная индустрия, денисовцы, неандертальцы

Наиболее продолжительная культурно-хронологическая колонка среди известных в настоящее время археологических памятников Северной и Центральной Азии вскрыта в Денисовой пещере (ил. 1). Материалы из многослойной толщи пещерных отложений представляют последовательное развитие культурных традиций от ранней стадии среднего палеолита до позднего средневековья. Их важной качественной характеристикой является чёткое стратиграфическое положение в системе плейстоцен-голоценовых осадков, подтверждённое данными относительных и точных методов датирования [1, 2]. По всему разрезу археологические находки сопровождают многочисленный био

фический материал – показатель изменений природной и климатической обстановки в окрестностях пещеры на различных этапах четвертичного периода.

Денисова пещера расположена в северо-западной части Алтайских гор, в долине верхнего течения р. Ануй, где сосредоточены многослойные стоянки, содержащие основной объём археологических и естественно-научных данных о древнейшей истории Алтая. Эти материалы позволяют подробно рассмотреть процесс становления и развития палеолитической культуры, проследить динамику природной среды в плейстоцене [3].

Согласно археологическим данным и хроностратиграфии плейстоценовых отложений, первоначальное заселение Дени-



Ил. 1. Исследование плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры

совой пещеры человеком произошло около 300 тыс. л.н. на ранней стадии среднего палеолита. Появление на Алтае во второй половине среднего плейстоцена носителей среднепалеолитических культурных традиций является, скорее всего, следствием глобальной волны мигрантов из Африки с прогрессивной ашельской индустрией, распространившейся около 1,5 млн лет на Ближний Восток. На рубеже 600 тыс. лет она проникла в Европу, а около 450–350 тыс. лет — начала продвигаться на восток Евразии [4]. Представители новой миграционной волны принесли на вновь освоенные территории прогрессивные способы производства каменных орудий — приёмы параллельного и левалуазского расщепления, а также технику двусторонней обработки камня. Истоки этих технических традиций прослеживаются в ашельских индустриях из западных по отношению к Алтаю регионов — на Ближнем Востоке и Кавказе.

Особый интерес представляет проблема антропологической принадлежности палеолитических обитателей Денисовой пещеры. Результаты палеогенетических исследований антропологических находок из нижней (слой 22), средней (слой 12) и верхней (слой 11) частей плейстоценовых отложений пещеры, проведённые в Институте эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге под руководством С.Паабо, установили, что носителем среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических традиций был ранее неизвестный науке ископаемый гоминоид, получивший название человек алтайский, или денисовец [5–7].

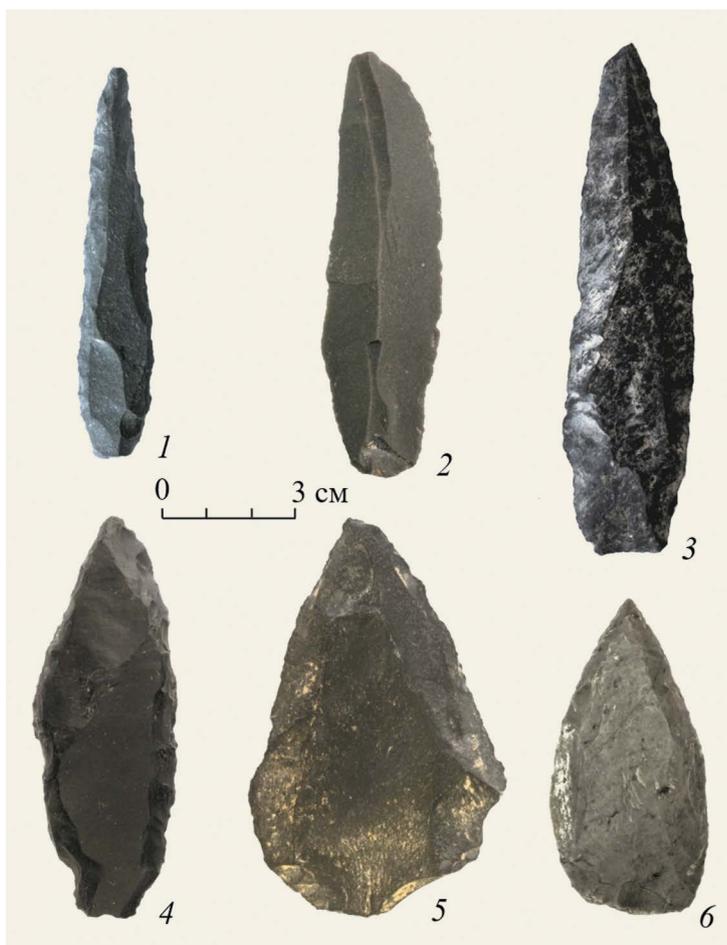
В начальный период заселения пещеры в окружающих ландшафтах были широко представлены разнотравно-злаковые степи, служившие пастбищем для многочисленных копытных: бизонов, сайгаков, благородных оленей, лошадей. Стада этих животных являлись главным объектом охоты палеолитического человека. Нижнюю часть горных склонов покрывали смешанные сосново-берёзовые леса с при-

месью дуба, клёна, липы и вяза. В этих местах паслись косули, маралы и медведи. Верхнюю часть крутых склонов занимали каменистые осыпи, прикрытые кустарником и травянистой растительностью. Здесь, у гребней хребтов, обитали архары и сибирские горные козлы.

Широкое освоение человеком территории Алтая относится к первой половине верхнего плейстоцена, в период 130–50 тыс. лет. Согласно палеогеографическим данным, на протяжении этого периода постепенно сокращались площади лесов и расширялись степные биотопы. В сообществах млекопитающих уменьшалась численность лесных видов, а доля обитателей степей, напротив, возрастала. Деграцией лесной растительности была обусловлена возросшая активность первобытного человека. Сокращение лесов, увеличение площади луговой и степной растительности с густым травянистым покровом привели к росту численности крупных травоядных животных — главного объекта охотничьего промысла первобытного человека.

Основой хозяйства среднепалеолитического человека являлась охота — надёжный и главный источник существования. Охотничье-собираческое хозяйство в среднем палеолите становится более продуктивным и устойчивым, чем в предыдущий период. Об этом свидетельствуют обнаруженные на стоянках скопления многочисленных костей плейстоценовых животных. Охотились преимущественно на копытных животных: бизона, лошадь, оленя, горного козла. Относительное несовершенство охотничьего вооружения во многом компенсировалось как обилием плейстоценовой фауны, так и коллективными формами охоты. В безморозный период человек, очевидно, активно занимался также сбором растительной пищи. Съедобные растения являлись существенным дополнением к продуктам охотничьего промысла.

Ведение коллективного охотничье-собираческого хозяйства, совместное проживание в закрытых пещерных убежищах



Ил. 2. Каменные орудия среднего (5–6) и верхнего (1–3) палеолита из Денисовой пещеры: 1 — ретушированное острие; 2, 3 — пластины; 4, 6 — мустьерские остроконечники; 5 — леваллуазское острие

требовали достаточно развитой социальной организации среднепалеолитических сообществ — разделения труда по полу и возрасту, определённых норм распределения продуктов питания, упорядоченного взаимоотношения полов.

Антропологические находки из отложений слоёв 12 и 11.4 в восточном зале Денисовой пещеры свидетельствуют, что в эпоху среднего палеолита денисовцы периодически сосуществовали с неандертальцами [8] и скрещивались между собой [9]. Антропологические останки неандертальцев обнаружены также в 100–120 км от Денисовой пещеры, в пещерах Окладникова и Чагырская [10–12], в отложениях возрастом 50–40 тыс. лет. Таким образом, на разных этапах среднего и в на-

чале верхнего палеолита на северо-западе Алтая обитали по соседству две группы первобытных людей — денисовцы и неандертальцы. При этом денисовцы, судя по археологической последовательности в Денисовой пещере, являлись автохтонным населением, а неандертальцы мигрировали на Алтай, скорее всего, из западных районов Евразии.

Около 50 тыс. лет назад у денисовцев появляются новые технологии обработки камня, наборы костяных орудий и предметы символической деятельности, что свидетельствует о начале качественно нового этапа древнейшей истории — верхнего палеолита.

Становление верхнего палеолита на Алтае наглядно демонстрирует преемственность с технологическими традициями среднего палеолита. Ранние верхнепалеолитические индустрии формировались на основе местного среднепалеолитического технокомплекса, сохраняя при этом ряд общих технических компонентов. Так, у средне- и верхнепалеолитических индустрий (ил. 2) была

единая сырьевая база, основу которой составляли гальки осадочных и вулканических пород из русловых отложений местных водотоков. Правда, на раннем этапе верхнего палеолита древние обитатели Алтая эпизодически стали использовать более качественный материал, который доставлялся на стоянки в виде галек яшмовидов сургучного цвета. Однако это обстоятельство, хотя и явилось определённым маркером перехода к новому этапу обработки камня, тем не менее, практически не изменило сложившихся принципов отбора каменного сырья, направленных на утилизацию главным образом местного галечного материала.

Другим общим показателем для индустрий среднего и верхнего палеолита яв-

ляется перманентное использование техники параллельного расщепления. Параллельное скалывание заготовок с плоских площадочных нуклеусов активно применялось на разных стадиях среднего палеолита наряду с леваллуазским и радиальным расщеплением. В последовательном развитии приёмов параллельного расщепления переход к верхнему палеолиту отмечен серийным скалыванием заготовок с объёмных нуклеусов призматической, конусовидной и клиновидной формы, включавшим скалывание микропластинок с торцовых нуклеусов.

Типологическая связь с ранним этапом верхнего палеолита отчётливо прослеживается в индустриях финальной стадии среднего палеолита Денисовой пещеры. В этих индустриях выделяются орудия с хорошо выраженной верхнепалеолитической типологией, в том числе концевые и стрельчатые скребки, угловые, поперечные и двойные резцы, угловые проколки, ножи с ретушированным обушком, крупные ретушированные пластины и небольшие пластинки с притуплённым краем. Ещё одним связующим звеном с индустриями предшествующего периода в коллекциях ранней поры верхнего палеолита являются немногочисленные, но достаточно выразительные изделия, выполненные в канонах техники леваллуа.

Становление культуры верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе подтверждается не только культурной, но и генетической непрерывностью у первобытного населения Алтая. Антропологические находки из культурного слоя начальной стадии верхнего палеолита в Денисовой пещере свидетельствуют, что носителем верхнепалеолитической культуры был денисовский человек [5, 6]. При этом способы и приёмы



Ил. 3. Украшения из бивня мамонта (1, 2, 5), талька (3), трубчатой кости (6), резца лося (7) и костяная игла (4) ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры

жизнедеятельности денисовцев не уступали, а в некоторых аспектах превосходили поведенческие характеристики человека современного физического облика, жившего в одно и то же время с ними на других территориях [13].

Среди массового разнообразия палеолитических материалов из Денисовой пещеры особое внимание специалистов привлекают находки, отражающие духовную и социальную стороны жизни первобытного человека — индивидуальные украшения и предметы символической деятельности, изготовленные из кости, бивня мамонта, зубов животных, скорлупы яиц крупных птиц и мягкого подолочного камня [14–16]. Основная коллекция таких изделий получена из отложений литологического слоя 11 в центральном зале и слоёв 11.2 и 11.1 в восточном зале. В её составе разнообразные подвески, пронизки, бусины, кольца и браслеты (ил. 3).

Для эпохи верхнего палеолита на Алтае характерно два крупных этапа в развитии природной среды. Начало этой эпохи характеризуется условиями относительно прохладного и влажного климата. Согласно палинологическим данным, среди растительных ассоциаций в это время преобладали еловые леса, в которых встречались сосна и кедр. В сообществе мелких млекопитающих уменьшилась численность лесных форм и возросла доля нивальных видов. Однако на фоне общего прохладного климата отмечены относительно тёплые эпизоды, во время которых заметно повышалась численность цокора, что отражает увеличение площади луговых биотопов. Для наиболее тёплой фазы данного периода характерно увеличение численности лесных полёвок и землероев — крота и цокора. В числе птиц преобладали виды открытых ландшафтов, среди которых зафиксированы останки представителей луговых биотопов. Судя по составу сообщества крупных млекопитающих, в начале верхнего палеолита денисовцы жили в благоприятных природных условиях мозаичного горного ландшафта. Главным объектом охоты в эту эпоху являлись бизон, лошадь, дзюрен и сайгак, обитавшие на степных участках долины, козуля и марал — в смешанных лесах, архар и сибирский горный козёл — на каменистых склонах.

Заключительный этап верхнего палеолита — 24–12 тыс. л.н. — сопровождался прогрессирующим сартанским похолоданием, что привело к самому ощутимому за весь период плейстоцена ухудшению природных условий. В это время максимально возросла доля травянистых растений и кустарников, небольшие участки леса состояли в основном из тёмнохвойных пород — ели, лиственницы и кедра. Среди животных преобладали обитатели скал и сухих степей — сибирский горный козёл, архар и сайга.

Основой существования верхнепалеолитических коллективов являлась охота.

Она обеспечивала человека помимо пищи ещё и сырьём в виде костей, рогов, зубов, кожи и шкур, которые он использовал для изготовления орудий и украшений, шитья одежды, утепления жилищ. Причём преобладание на отдельных стоянках остатков двух-трёх видов промысловой фауны указывает на специализацию охотничьей деятельности. Летом и осенью кроме охотничьего промысла человек, скорее всего, собирал съедобные ягоды, грибы, орехи, коренья.

Главными центрами производственной и хозяйственной деятельности, центрами общинной жизни являлись долговременные поселения в скальных убежищах. Наличие долговременных поселений указывает на высокую социальную зрелость верхнепалеолитических коллективов — без половозрастного разделения труда, пропорционально обеспечивающего потребление, без регламентации половых отношений совместная жизнь людей в пещерных убежищах была бы невозможна. Вместе с тем долговременные поселения с насыщенным культурным слоем не свидетельствуют о прочной оседлости верхнепалеолитического человека. Специфика хозяйственной деятельности заставляла его отправляться в охотничьи экспедиции, совершать сезонные перекочёвки вслед за стадами животных, что подтверждается наличием временных стойбищ с относительно немногочисленными остатками расщеплённого камня.

С началом верхнего палеолита связано дальнейшее усовершенствование технологий обработки камня. На смену приёмам, характерным для среднепалеолитической техники изготовления каменных орудий, пришли новые, более эффективные. С тщательно подготовленных нуклеусов скалывались крупные пластины с относительно ровными и острыми краями, служившие заготовками для разнообразных специализированных орудий — скребков, резцов, остроконечников. Среди инвентаря появились микропластины,

служившие сменными лезвиями в составных инструментах. Вместе с новыми формами орудий продолжали использоваться массивные скрѐбла, чопперы, зубчатые и выемчатые изделия.

Орудия стали изготавливать также из более пластичных органических материалов – кости и рога. Среди первых костяных орудий наиболее примечательны миниатюрные иглы с просверленным ушком. При обработке сырья стали применяться принципиально новые технологии – сверление, внутренняя расточка, шлифование. Расширение ассортимента производственного инвентаря свидетельствует о разнообразии и усложнении трудовой деятельности верхнепалеолитического человека, росте его хозяйственно-бытовых потребностей.

Одним из важных проявлений культуры денисовцев в начале верхнего палеолита следует считать формирование мировоззренческих представлений. Наиболее ярко это выразилось в появлении орнаментированных украшений и других продуктов символической деятельности, свидетельствующих о достаточно высоком уровне эстетических представлений их создателей.

Таким образом, благодаря широкому временному охвату и большому объѐму фактических данных, археологические, антропологические и палеогеографические материалы из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры можно рассматривать в качестве одного из основных источников изучения древнейшей истории Северной и Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. 2019. Vol. 565. Pp. 594–599.
2. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. 2019. Vol. 565. Pp. 640–644.
3. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянюко, М.В. Шуныхов, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003.
4. Деревянюко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009.
5. Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. Pp. 894–897.
6. Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // Nature. 2010. Vol. 468. Pp. 1053–1060.
7. Slon V., Viola B., Renaud G., Gansauge M.-T., Benazzi S., Sawyer S., Hublin J.-J., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Prüfer K., Meyer M., Pääbo S. A fourth Denisovan individual // Science Advances. 2017. № 3. e1700186. DOI: 10.1126/sciadv.1700186.
8. Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitz-

- man J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2014. Vol. 505. Pp. 43–49.
9. Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // *Nature*. 2018. Vol. 561. Pp. 113–116.
 10. Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // *Nature*. 2007. Vol. 449. Pp. 902–904.
 11. Buzhilova A.P. Dental remains from the Middle Paleolithic layers of Altai cave sites // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013. Vol. 41. № 1. Pp. 55–65.
 12. Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011.
 13. Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F., Slepchenko S.M., Bondarev A.A., Johnson P.L.F., Aximu-Petri A., Prüfer K., de Filippo C., Meyer M., Zwyns N., Salazar-Garcera D.C., Kuzmin Y.V., Keates S.G., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Richards M.P., Peristov N.V., Lachmann M., Douka K., Higham T.F.G., Slatkin M., Hublin J.-J., Reich D., Kelso J., Viola B., Paabo S. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from Western Siberia // *Nature*. 2014. Vol. 514. Pp. 445–450.
 14. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. № 2. С. 13–25.
 15. Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 221–224.
 16. Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 198–202.

ENGLISH

Evolution of the Paleolithic Industries in Altai According to the Archaeological Records of Denisova Cave

Mikhail Vasilyevich Shunkov – Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Advisor to the Director, Head of the Stone Age Archeology Department of the Institute of Archeology and Ethnography (IAET) of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Evolution of Stone Industries in the Middle and Upper Paleolithic Era in Altai According to the Archaeological Chronicles on Denisova Cave” (18-09-00404a).

E-mail: shunkov77@gmail.com

Anatoly Panteleevich Derevyanko – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, scientific adviser, IAET of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Maxim Borisovich Kozlikin – PhD in History, senior researcher, Stone Age Archeology Department of the IAET of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: kmb777@yandex.ru

Today, Altai has the most insightful archaeological sites reflecting the ancient history of the vast space spanning from the Ural Mountains to the Pacific Ocean and from Mongolia to the Arctic Ocean. The most engaging findings in the study of the primitive period were obtained in the North-Western part of Altai based on the materials of a crosscutting study of multilayer Paleolithic sites in the valley upstream of the River Anuy. The longest cultural timeline was studied in Denisova Cave. Analysing the Pleistocene cave deposits, the researchers applied a number of modern methods in archeology, stratigraphy, lithology, paleontology, geochronology, and other related sciences. Besides cave deposits with numerous artefacts, they discovered extensive paleontological materials, which helped to trace the evolution of cultural traditions from the primitive period to the end of the Paleolithic era and reconstruct the living conditions of the primitive human beings across the paleogeographic stages of the Pleistocene. The latest anthropological discoveries in the cave are associated with the core issues in the development of Homo genus and the formation of modern man.

Keywords: Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, Paleolithic era, stone industry, Denisovans, Neanderthals

REFERENCES

1. Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // *Nature*. 2019. Vol. 565. Pp. 594–599.
2. Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. 2019. Vol. 565. Pp. 640–644.
3. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevyanko, M.V. Shun'kov, A.K. Agadzhanian, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ul'yanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoykin. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003 (in Russian).
4. Derevyanko A.P. Drevneyshie migratsii cheloveka v Evrazii v rannem paleolite. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009 (in Russian).
5. Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 464. Pp. 894–897.
6. Reich D., Green R.E., Kircher M., Krause J., Patterson N., Durand E.Y., Viola B., Briggs A.W., Stenzel U., Johnson P.L.F., Maricic T., Good J.M., Marques-Bonet T., Alkan C., Fu Q., Mallick S., Li H., Meyer M., Eichler E.E., Stoneking M., Richards M., Talamo S., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J., Kelso J., Slatkin M., Pääbo S. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 468. Pp. 1053–1060.
7. Slon V., Viola B., Renaud G., Gansauge M.-T., Benazzi S., Sawyer S., Hublin J.-J., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Prüfer K., Meyer M., Pääbo S. A fourth Denisovan individual // *Science Advances*. 2017. № 3. e1700186. DOI: 10.1126/sciadv.1700186.
8. Prüfer K., Racimo F., Patterson N., Jay F., Sankararaman S., Sawyer S., Heinze A., Renaud G., Sudmant P.H., Filippo C. de, Li H., Mallick S., Dannemann M., Fu Q., Kircher M., Kuhlwilm M., Lachmann M., Meyer M., Ongyerth M., Siebauer M., Theunert C., Tandon A., Moorjani P., Pickrell J., Mullikin J.C., Vohr S.H., Green R.E., Hellmann I., Johnson P.L. F., Blanche H., Cann H., Kitman J.O., Shendure J., Eichler E.E., Lein E.S., Bakken T.E., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Slatkin M., Reich D., Kelso J., Pääbo S. The complete

- genome sequence of a Neanderthal from the Altai Mountains // *Nature*. 2014. Vol. 505. Pp. 43–49.
9. Slon V., Mafessoni F., Vernot B., Filippo C., Grote S., Viola B., Hajdinjak M., Peyrégne S., Nagel S., Brown S., Douka K., Higham T., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Kelso J., Meyer M., Prüfer K., Pääbo S. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father // *Nature*. 2018. Vol. 561. Pp. 113–116.
 10. Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // *Nature*. 2007. Vol. 449. Pp. 902–904.
 11. Buzhilova A.P. Dental remains from the Middle Paleolithic layers of Altai cave sites // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2013. Vol. 41. № 1. Pp. 55–65.
 12. Mednikova M.B. Postkranial'naya morfologiya i taksonomiya predstaviteley roda Homo iz peshchery Okladnikova na Altae. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011 (in Russian).
 13. Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F., Slepchenko S.M., Bondarev A.A., Johnson P.L.F., Aximu-Petri A., Prüfer K., de Filippo C., Meyer M., Zwyns N., Salazar-Garcera D.C., Kuzmin Y.V., Keates S.G., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Richards M.P., Peristov N.V., Lachmann M., Douka K., Higham T.F.G., Slatkin M., Hublin J.-J., Reich D., Kelso J., Viola B., Paabo S. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from Western Siberia // *Nature*. 2014. Vol. 514. Pp. 445–450.
 14. Derevyanko A.P., Shun'kov M.V., Volkov P.V. Paleoliticheskiy braslet iz Denisovoy peshchery // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2008. № 2. S. 13–25 (in Russian).
 15. Shun'kov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D. Kostyanye orudiya i ukrasheniya rannego verkhnego paleolita iz tsentral'nogo zala Denisovoy peshchery: kolleksiya 2016 goda // *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016. T. XXII. S. 221–224 (in Russian).
 16. Shun'kov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Personal'nye ukrasheniya ranney stadii verkhnego paleolita iz yuzhnoy galerei Denisovoy peshchery // *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2018. T. XXIV. S. 198–202 (in Russian).

УДК 904; 930.253
ГРНТИ 03.23.07; 03.01.09; 03.41
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-45-61



И.В. ТУНКИНА*

Археология Сибири в документах Д.Г. Мессершмидта

Статья посвящена изучению неопубликованных документов об археологических памятниках Сибири немецкого естествоиспытателя из Данцига, доктора медицины Даниэля Готлиба Мессершмидта, совершившего первую научную комплексную экспедицию на Северо-Восток Евразии (1719–1727) по поручению Петра I. Сохранившиеся экспедиционные зарисовки, не искажённые последующим гравированием, крайне важны как первая графическая фиксация многих археологических и эпиграфических объектов Сибири, первооткрывателем которых стал путешественник. По документам удалось реконструировать не только археологическое собрание самого Д.Г. Мессершмидта, но и археологические коллекции первого русского публичного музея.

В ходе исследования составлен полный свод изобразительных материалов памятников археологии первой комплексной экспедиции в Сибирь, который доказывает, что собрание Д.Г. Мессершмидта (370 артефактов), поступившее в Кунсткамеру, в то время было наиболее представительной сибирской археологической коллекцией не только в России, но и в мире.

Ключевые слова: Д.Г. Мессершмидт, документальное наследие, Сибирь, археологические памятники

Судьба рукописного наследия Д.Г. Мессершмидта

Ровно 300 лет назад немецкий естествоиспытатель Даниэль Готлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735) по поручению Петра I возглавил первую научную комплексную экспедицию в Сибирь, продолжавшуюся восемь лет: с 1719 по 1727 г. По сути Д.Г. Мессершмидт стал первооткрывате-

лем территорий Северо-Востока Евразии для мировой науки [1–5].

Изначально ориентированный Аптекарской (с 1721 г. – Медицинской) канцелярией на сбор «всяких раритетов и аптекарских вещей», врач из Данцига по собственной инициативе стал проводить наблюдения и исследования в области метеорологии, земного магнетизма, картографии, минералогии, зоологии,

* **Тункина Ирина Владимировна** — доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, руководитель проекта «Археология Сибири в документах Д.Г. Мессершмидта» (16-01-00231а).
E-mail: tunkina@yandex.ru



Рис. 1. Приложение к X рапорту Д.Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г. из Красноярска. Изваяние «Тесинский богатырь». Слева — восточная сторона, справа — западная сторона. Рисунок К.Г. Шульмана. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 3

ботаники, эпидемиологии, археологии, этнографии и языковедения сибирских народов, занялся сбором и копированием редких книг, рукописей и карт [6].

Экспедиция открыла огромный пласт неизвестных ранее памятников материальной и духовной культуры древних народов Евразии [7; 8, с. 67–85; 9]. Однако ввести их в научный оборот сам путешественник, по праву считающийся пионером археологии Сибири, не смог — все привезённые Д.Г. Мессершмидтом мате-

риалы были опечатаны по приказу Медицинской канцелярии и переданы для изучения в только что основанную Петербургскую Академию наук. Причём до специального указа исследователю было запрещено пользоваться собственными сборами [10, с. 135–137].

Публикацией привезённых артефактов и монументальных памятников древности занялись кёнигсбергский историк, филолог, востоковед-синолог, академик Петербургской АН Готлиб (в латинском варианте — Теофил) Зигфрид Байер (Gottlieb Siegfried Bayer; 1694–1738) и ближайший помощник Д.Г. Мессершмидта, тогда пленный шведский капитан Филипп Иоганн Табберт, по возвращении в Швецию с 1723 г. ставший использовать дворянскую фамилию Страленберг (Philipp Johann Tabbert von Strahlenberg; 1677–1747) [11–12].

Парадоксально, но спустя 300 лет после начала экспедиции научное наследие Д.Г. Мессершмидта не введено в научный оборот. Личный фонд учёного (№ 98) хранится в первом научном архиве России — Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) — и включает около сотни дел по естественной истории, географии, картографии, археологии, этнографии и лингвистике народов Сибири, в подавляющем большинстве неопубликованных.

Научное изучение творческого наследия учёного-энциклопедиста до сих пор находится на начальном этапе. Из статьи в статью, из книги в книгу кочуют одни и те же, порой ошибочные, сведения о жизни и деятельности путешественника и оставленных им материалах. Большинство специалистов-археологов и историков получают информацию об экспеди-

ции Д.Г. Мессершмидта «из вторых рук», без личного знакомства с подлинными рисунками и рукописями первого исследователя Сибири, хранящимися в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Причины такого положения — во-первых, пугающая воображение специалистов обширность научного наследия подвижника науки, во-вторых, незнакомство современных исследователей с немецкой палеографией и латинским научным языком XVIII в.

Следствием этого стала неопубликованность большей части его архива. Так, неизданной осталась одна из основных рукописей Д.Г. Мессершмидта 1728 г. — сводная работа по итогам экспедиции «Sibiria perlustrata etc.» («Описание Сибири etc.»), посвящённая императору Петру II, где автор систематизировал и обобщил результаты своих сибирских археологических исследований. Материалы по языкам и археологии Сибири вошли в третью часть рукописи — «Philologico-Historico-Monimentario et Antiquario-Curiosus». Текст сопровождается рисунками, из которых до сих пор были опубликованы лишь отдельные листы [13].

Вопрос об издании экспедиционных материалов Д.Г. Мессершмидта безуспешно поднимался в Академии наук ещё в XVIII–XIX вв., так или иначе рукописи учёного активно изучали и использовали академики Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, Ф.Ф. Брандт, А.Ф. Миддендорф, П.П. Пекарский, В.В. Радлов; в XX в. — А.А. Спицын, С.И. Руденко и др. [10, с. 55–66; 14]. В 1962–1977 гг. Академия наук ГДР издала, но не полностью, пятитомный путевой дневник на немецком языке за март 1721 – апрель 1726 гг. [15]. Ввод в научный оборот этих текстов вернул мировой научной обществу имя забытого на 250 лет подвижника науки.

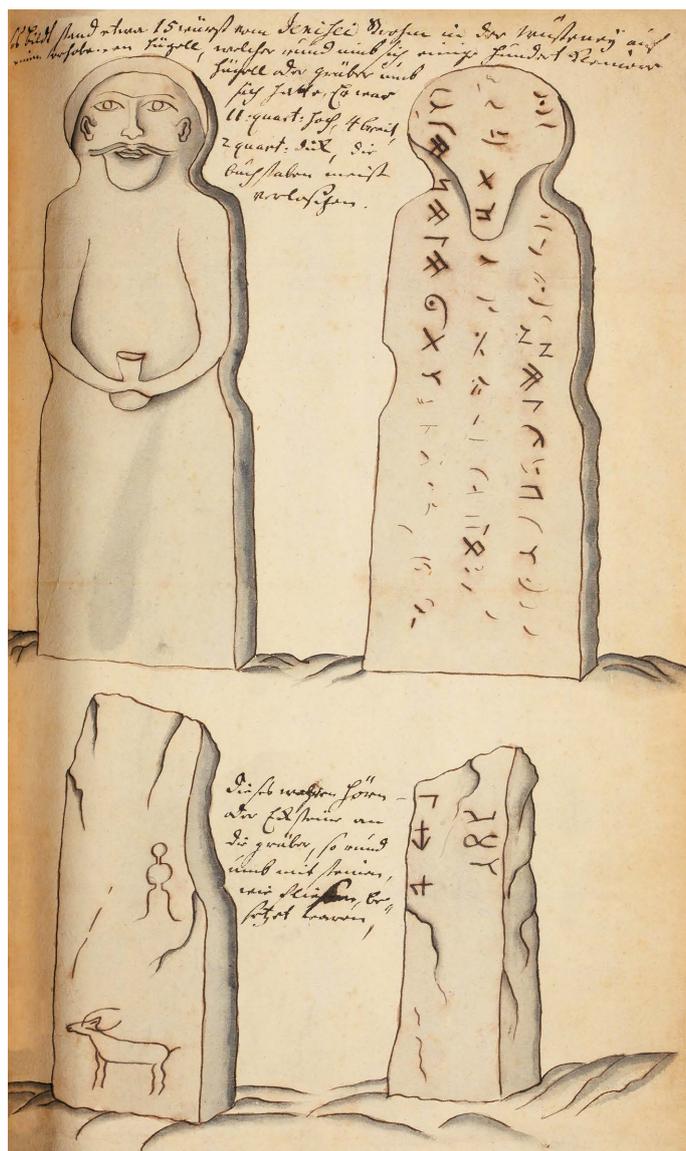


Рис. 2. Изваяние «Тесинский богатырь» и угловые камни каменных оград курганов, открытые в междуречье рек Теси и Ербы 24–25 января 1722 г. Приложение к письму Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу от 21 апреля 1724 г.

© LS.E005/Br 10. Vol. 8. Brev 47c

Однако многие рисунки памятников археологии Сибири, ссылки на которые содержатся в тексте, не были обнаружены и воспроизведены публикаторами немецкого издания дневников, хотя они представлены в других делах фонда Д.Г. Мессершмидта. Значительная их часть приложена к рапортам учёного в Медицинскую канцелярию, включена в качестве иллюстраций к его основному неопубликованному иллюстрированному труду «Sibiria perlustrata», а также со-

ставляет отдельные дела фонда Д.Г. Мессершмидта.

Дополнением к этим материалам служат акварельные и карандашные рисунки экспонатов Кунсткамеры, выполненные академическими художниками в первой половине XVIII в. [16], представляющие артефакты из сборов Д.Г. Мессершмидта (сами памятники по большей части сгорели в катастрофическом пожаре Кунсткамеры 1747 г.). Однако опубликованная археологическая атрибуция изображённых на рисунках артефактов [17] из собрания первого русского публичного музея зачастую фантастична, не выдерживает научной критики и требует полного пересмотра [18, с. 61].

Постепенный ввод в научный оборот экспедиционных материалов путешествен-

ника может занять несколько десятилетий, если не столетий, но эта работа просто необходима для адекватного понимания научным сообществом вклада, который Д.Г. Мессершмидт как первооткрыватель внёс в различные области фундаментального знания и изучения территории России.

Новые архивные материалы о Д.Г. Мессершмидте и его коллекции

В ходе исследования реконструированы малоизвестные периоды биографии Д.Г. Мессершмидта и неизвестные ранее этапы экспедиции, в частности поездка Д.Г. Мессершмидта на Урал, в том числе для скупки древностей [10, с. 36–43]. Удалось уточнить некоторые обстоятельства биографии путешественника. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве выявлены документы, согласно которым после смерти Д.Г. Мессершмидта осталась вдова «з двумя детми», которых он «в убожестве оставил». Ранее считалось, что у Д.Г. Мессершмидта была единственная дочь. Жена путешественника с 1728 г. Бригитта Хелена Бёклер (Böckler Brigitta Helena; 1712–?) сопровождала Д.Г. Мессершмидта в Данциг в 1729 г. и вернулась с ним в Петербург в 1731 г. В «расходных делах» Медицинской канцелярии за 1737 г. сохранилось дело о выдаче денег вдове учёного Бригитте за проданные ею «куриозные и протчие вещи», собранные мужем – «натуралии» и артефакты, за что она получила 31 руб. 75 коп. [19].

Среди сохранившихся до настоящего времени материалов РГАДА рапорты и рисунки Д.Г. Мессершмидта отсутствуют. Таким образом, наиболее значимое в мире по количеству и качеству собрание документов Д.Г. Мессершмидта, положившее начало сибирской



Рис. 3. Каменное изваяние с реки Барна на севере Хакасии (не сохранилось). Рисунок Д.Г. Мессершмидта.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 348

археологии, представлено в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, так как именно в нём хранятся дела Аптекарской/Медицинской канцелярии (создана в Санкт-Петербурге в 1707 г.), куда путешественник отправлял свои рапорты из экспедиции.

Изучение рисунков археологических памятников Сибири в архивном наследии Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Табберта (Страленберга)

Целями проведённого трёхлетнего междисциплинарного исследования на стыке архивного источниковедения и археологии стали полностное выявление, копирование и современная научная атрибуция всех без исключения рисунков артефактов, открытых экспедицией Д.Г. Мессершмидта в Сибирь, сохранившихся в его личном фонде и других коллекциях в СПбФ АРАН [20]. Актуальность подобных источниковедческих исследований и их востребованность мировой наукой (прежде всего немецкой и русской) несомненна [21–22], так как публикация архивных первоисточников помогает преодолеть сложившиеся в науке историографические стереотипы и штампы, например, о приоритетах в открытии ряда известных археологических памятников, зафиксированных графически в момент их открытия экспедицией Д.Г. Мессершмидта.

Свои рапорты о путешествии Д.Г. Мессершмидт отправлял в Аптекарскую/Медицинскую канцелярию её руководителю архиатру И.Д. Блюментросту, старшему брату первого президента Петербургской Академии наук лейб-медику Л.Л. Блюментросту. До нас дошли 22 рапорта, отпуски которых хранятся в СПбФ

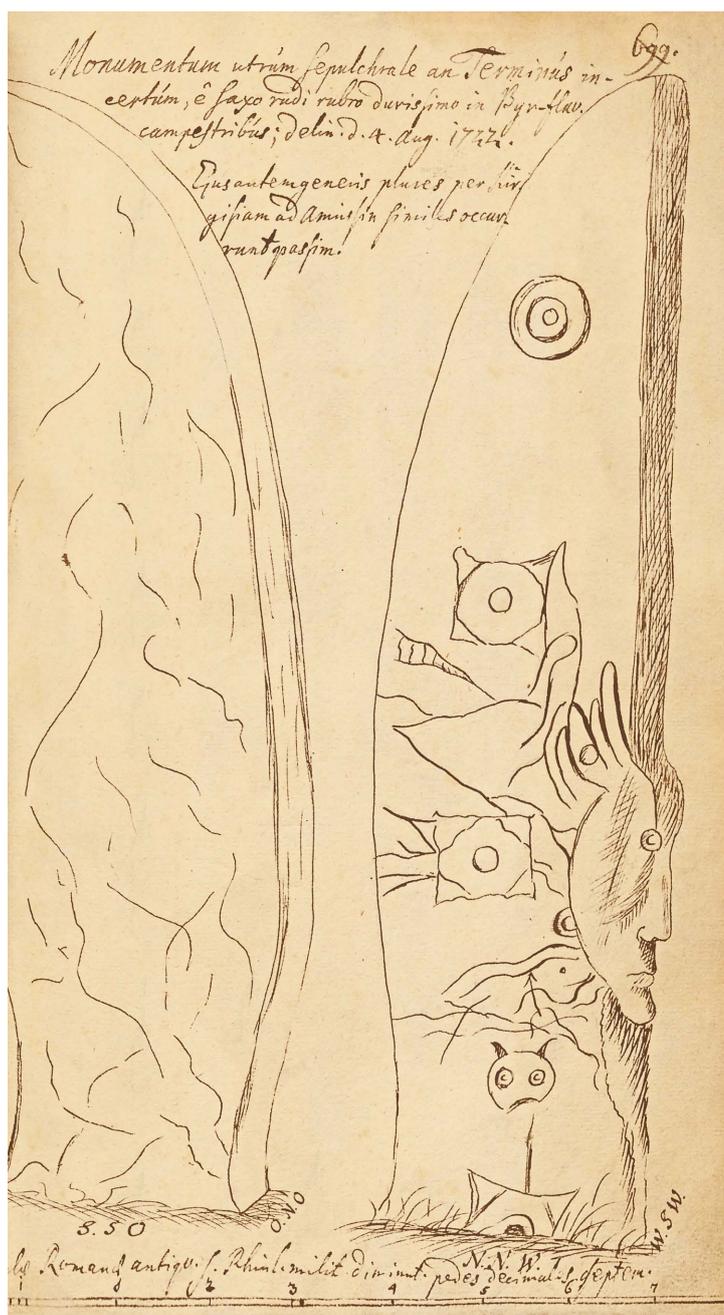


Рис. 4. Тазминское изваяние на реке Бире, открытое 4 августа 1722 г. Рисунок Д.Г. Мессершмидта. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 350

АРАН (13 апреля 1719 г. – 2 марта 1727 г.). По документам удалось установить, что приложения с рисунками были у трёх рапортов Д.Г. Мессершмидта в Аптекарскую (Медицинскую) канцелярию: IV рапорта (25 июня 1720 г.) из Тобольска; X рапорта (20 мая 1722 г.) (рис. 1) из Красноярска; XIV рапорта (15 февраля 1724 г.) из Иркутска.

Однако в личном фонде учёного в Санкт-Петербургском академическом архиве сохранились далеко не все приложения к рапортам. В частности, отсутствуют некоторые рисунки археологических и эпиграфических памятников Урала и Сибири, а также карты, выполненные самим Д.Г.Мессершмидтом и его помощником, воспитанником Тобольской школы капитана К.Ф.Врееха для шведских и немецких детей, 20-летним лифляндским дворянином, уроженцем Нарвы Карлом Густавом Шульманом (Schulman Karl Gustav; 1702–1765), рисовальщиком экспедиции с марта 1721 г. по конец мая 1722 г.

Согласно условиям Ништадтского мира 1721 г. спутникам Д.Г.Мессершмидта

Ф.И.Табберту и К.Г.Шульману, как и другим сосланным в Сибирь пленным шведским и немецким офицерам, было разрешено вернуться на родину. Некоторые рапорты Д.Г.Мессершмидта в Медицинскую канцелярию с рисунками были доставлены в Санкт-Петербург и, видимо, скопированы для себя возвращавшимся в Швецию из тобольского плена Ф.И.Таббертом, который был помощником Д.Г.Мессершмидта и вёл дневник экспедиции с 1 марта 1721 по 28 мая 1722 г.

В ходе исследования были обнаружены письма Ф.И.Страленберга (Табберта) видному деятелю шведского Просвещения, профессору теологии университета в Уп-

псале, затем епископу и архиепископу Эрику Бенцелиусу Младшему (Erik Benzelius der Jüngere; 1675–1743), хранящиеся в городской библиотеке г. Линчёпинга (Швеция). Личный фонд учёного-энциклопедиста Э.Бенцелиуса включает значительную подборку (несколько конволютов) писем к нему Ф.И.Страленберга за 1723–1725 гг., т.е. за период сразу после возвращения путешественника на родину из российского плена. Капитан сообщал в письмах о собранных в экспедиции Д.Г.Мессершмидта материалах и пытался получить консультации по самым разным научным вопросам, готовя к публикации свои труды о terra incognita той эпохи – Сибири.

Эти документы тем более ценны, что в 1737 г. архив и библиотека самого Ф.И.Страленберга, уже после публикации его знаменитой книги в 1730 г., сгорели при пожаре его дома в Стокгольме, а ранее были утрачены дорожная тетрадь, в которую он вносил путевые заметки во время поездок по Сибири, и ряд выполненных в полевых условиях рисунков [23, S. 411].

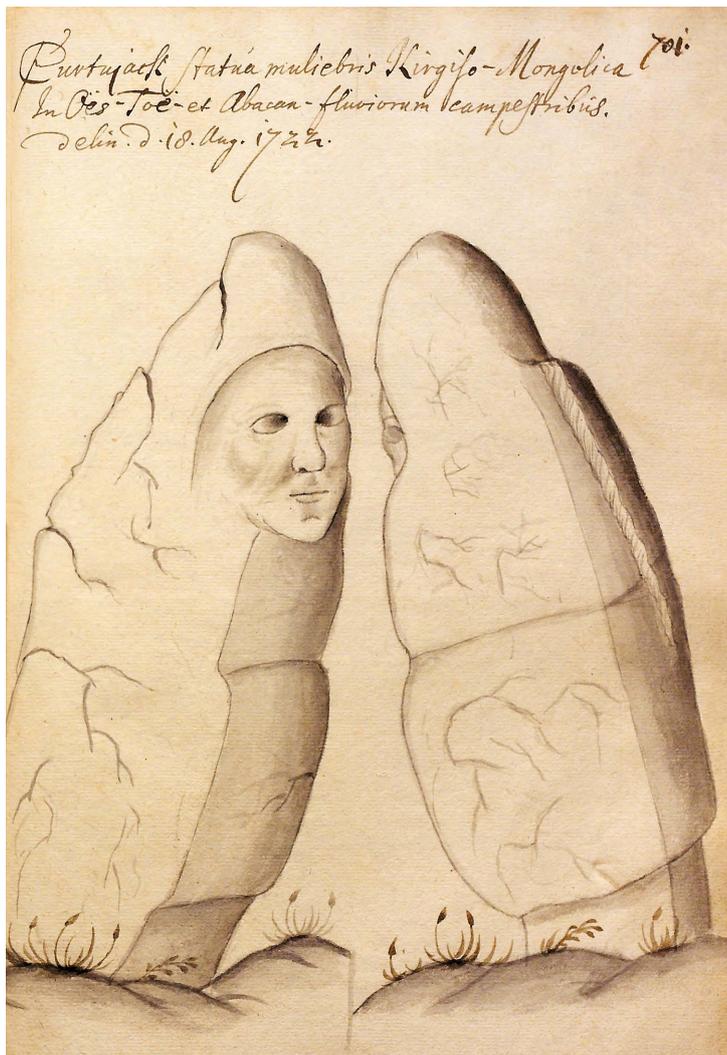


Рис. 5. Каменное изваяние Куртуяк-таш, открытое 18 августа 1722 г. Рисунок Д.Г.Мессершмидта. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 351

К одному из писем Ф.И.Страленберга Э.Бенцелиусу от 21 апреля 1724 г. из Стокгольма приложены пять рисунков с оригиналов К.Г.Шульмана — изваяния с памятниками енисейской рунической письменности (в том числе «Тесинского богатыря» — рис. 2), Новосёловская писаница, китайское зеркало, изображение Будды на медальоне, зооморфные украшения согдийского происхождения и др. Причём некоторые изображения отсутствуют в фонде Д.Г.Мессершмидта в СПбФ АРАН, но в виде гравюр изданы в книге Ф.И.Страленберга [23, Tab. II, V c,d, VIII, XI, XII, XX].

Одним из важных видов деятельности Д.Г.Мессершмидта в Сибири стало рисование с натуры. Именно рисунок в эпоху Просвещения, ещё до изобретения фотографии и литографии, стал важнейшей составляющей экспедиционных работ XVIII–XIX вв. Визуальная фиксация исследуемых объектов (живой природы, памятников археологии, этнографии и пр.) выполняла роль современной научной фотографии, поэтому в состав любой научной экспедиции непременно вводились рисовальщики. Попытки атрибуции авторства рисунков экспедиции Д.Г.Мессершмидта позволили Д.Г.Савинову выявить существенные отличия в изобразительной манере К.Шульмана и Д.Г.Мессершмидта [10, с. 119–121], показать эволюцию изобразительной манеры последнего. Рисунки позволяют определить «почерк» и авторство исполнения каждого.

После отъезда К.Г.Шульмана место рисовальщика никем занято не было, поэтому Д.Г.Мессершмидт принял эти обязанности на себя. В путевом дневнике за 28 мая 1722 г. доктор с горечью пишет, что других своих спутников — русских и немецких

слуг, повара, денщиков и плотников — он скорее всего не сможет привлечь к научной работе, состоящей по большей части в записях и рисовании.

Основным документом, указывающим на то, что Д.Г.Мессершмидт взял обязанности рисовальщика на себя, являются его экспедиционные дневники: начиная с июля 1722 г. в них появляются чертежи и рисунки самого разнообразного характера — этнографические, археологические, остеологические, астрономические и т.д.

В дневниках имеются страницы с оставленными пустыми местами, где, очевидно, предполагалось в дальнейшем разместить рисунки, планы и наброски карт. Изобразительные материалы, которые можно от-



Рис. 6. Каменная статуя у кургана на середине пути между Бутутуром и озером Далай-нор в Забайкалье, открытая 14 сентября 1724 г. Рисунок Д.Г.Мессершмидта. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 353

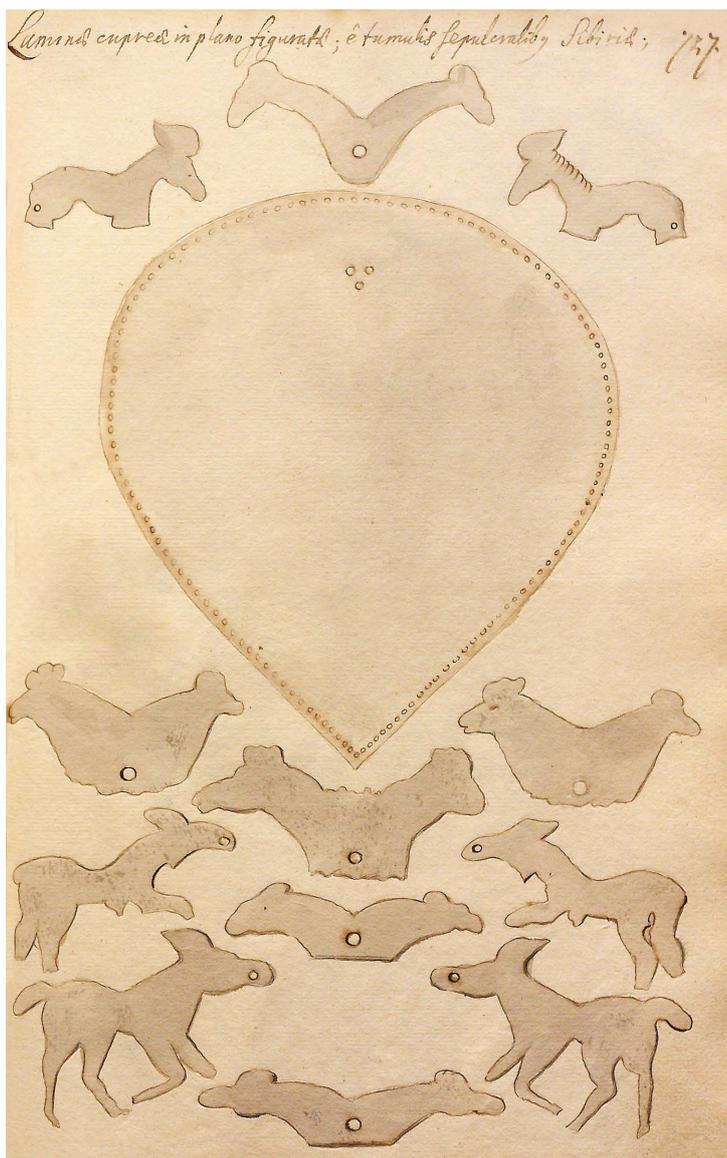


Рис. 7. Бронзовые пластинчатые подвески с изображением лошадей и сердцевидная бляха-подвеска. Таштыкская культура. III–V вв. Рисунок Д.Г. Мессершмидта. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 364

нести к самому Д.Г. Мессершмидту, манерой исполнения разительно отличаются от уверенной руки рисунков К.Г. Шульмана. Первоначально они неумелы, схематичны, но с годами становятся всё более и более совершенны [24].

Археологическая атрибуция рисунков памятников Южной Сибири

В ходе трёхлетнего исследования проведена атрибуция изобразительных документов фонда Д.Г. Мессершмидта по археологии Западной и в основном Южной

Сибири, в том числе неопубликованных [18, с. 61].

Сохранившиеся экспедиционные зарисовки, не искажённые последующим гравированием, крайне важны как первая графическая фиксация многих археологических и эпиграфических объектов. Д.Г. Савинов установил, что рисунки зафиксировали все этапы развития древних и средневековых культур Минусинской котловины, каменные изваяния, петроглифы, отдельные западные и восточные импорты. Данцигский натуралист чётко распределял артефакты по функциональному назначению и чисто интуитивно — по хронологическим периодам (возможно, по комплексам, попавшим к нему в руки) и даже по археологическим культурам, представления о которых появились в археологии Сибири лишь два века спустя.

Значительная часть памятников в скифо-сибирском зверином стиле — фигурные навершия стоящих горных козлов, оленей, лошадей — отломаны от каких-то крупных предметов, скорее всего, руками «бугровщиков». Ряд изображений каменных изваяний, рисунки на курганных плитах, петроглифы частично были изданы Ф.И. Страленбергом.

Однако многие изображения, впервые опубликованные шведским офицером, по технике исполнения отличаются от рисунков из фонда Д.Г. Мессершмидта. Эти изобразительные материалы и зарисованные вещи из археологической коллекции путешественника, попавшие в Кунсткамеру, представляют в основном три археологические эпохи: скифскую, гунно-сарматскую и раннесредневековую [10, с. 74–134. Табл. I–XVI].

Архивные материалы дали возможность по-новому взглянуть на археологи-

ческий контекст открытия и изучения одного из изображённых памятников — каменного изваяния «Тесинский богатырь» с орхон-енисейской рунической надписью (индекс Е-37 по современной классификации) [25, с. 28], содержание и существующие интерпретации текста эпиграфического документа. Изваяние было найдено в междуречье Теси и Ербы в енисейских степях в январе 1722 г. капитаном Ф.И. Таббертом и зарисовано К.Г. Шульманом, работы которого сохранились в фонде Д.Г. Мессершмидта в СПбФ АРАН, а копии в виде рисунков Ф.И. Страленберга 1724 г. — в городской библиотеке в Линчёпинге (Швеция).

Видный петербургский специалист по археологии Сибири, профессор СПбГУ Д.Г. Савинов обосновал одновременность нанесения рунических надписей на спине Тесинского изваяния и восстановил исторический контекст возможностей появления этого памятника. Из описаний следует, что изваяние стояло на высоком земляном кургане, окружённом специально сделанными оградками (?) или изготовленными из снятых с соседних курганов каменных плит. Подобная мемориальная конструкция не имеет аналогов в Южной Сибири. По убеждению Д.Г. Савинова, отнесение «Тесинского богатыря» к памятникам древних тюрков на Енисее не имеет достаточных оснований. Это изображение иноплеменника — знатного тюргеша, который мог являться военным вождём (советником?) в составе союзной армии кыргызов или предводителем военного подразделения тюргешей, выступавших на стороне енисейских кыргызов. Его деятельность стала настолько значимой, что была отмечена (после гибели?) установкой мемори-

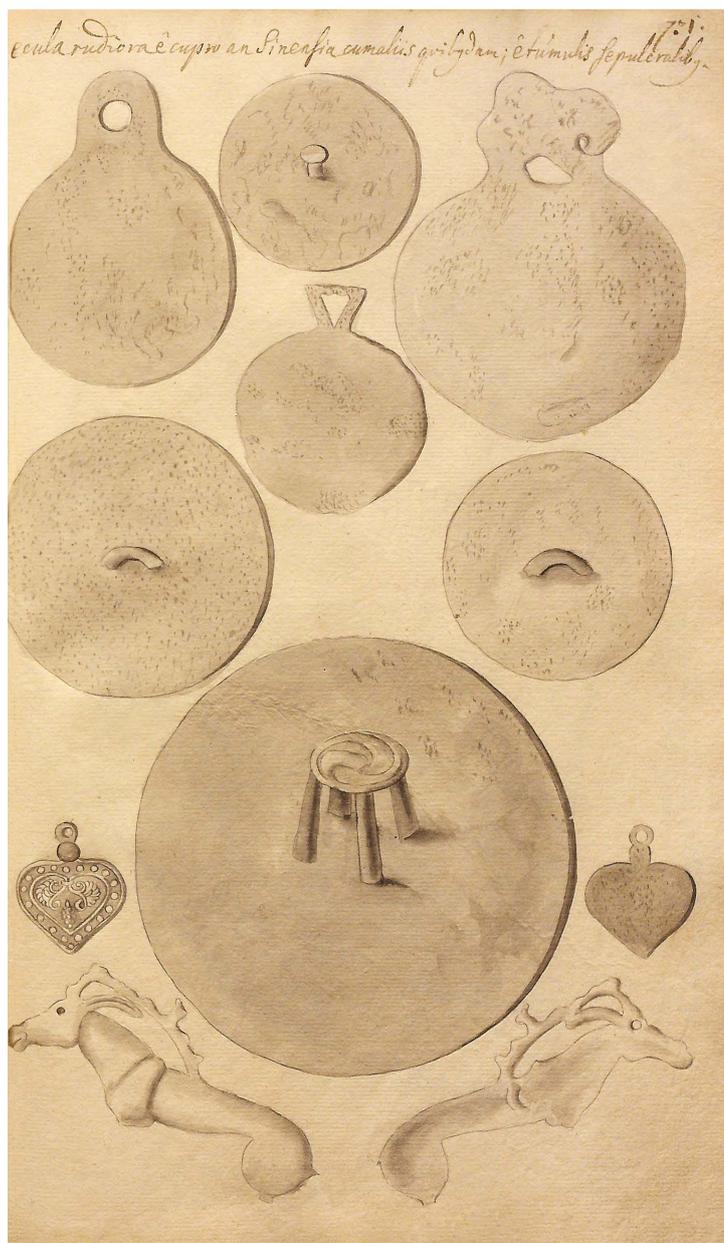


Рис. 8. Зеркала и фигурка оленя тагарской культуры (VII–IV вв. до н.э.), сердцевидная подвеска сrostкинской культуры Северного Алтая и юга Западной Сибири (середина IX – начало XI в.). Рисунок Д.Г. Мессершмидта.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 366

ального памятника. Дата похода тюрков за Саяны, приведшего к поражению кыргызов и тюргешей, может быть принята за время создания изваяния «Тесинский богатырь» и всего сопутствующего ему мемориального сооружения — это начало VIII в., не ранее 711 г. [26].

Подготовленная к печати Д.Г. Савиновым и автором этой статьи рукопись альбома «Сибирская коллекция Д.Г. Мес-

сершмида – первое археологическое собрание России» включает изображения 370 артефактов, выявленных по документам СПбФ АРАН. На основе письменных свидетельств (дневниковые записи, рапорты и другие документы личного фонда путешественника) выявлены условия и обстоятельства поступления материалов в уникальное собрание путешественника (раскопки древних погребений сотрудниками экспедиции; покупка их на местах

от бугровщиков, ранее ограбивших погребения; предварительные договорённости о предоставлении или покупке находок в городских и населённых пунктах по пути следования Д.Г.Мессершмида).

Атрибуция всех археологических материалов коллекции Д.Г.Мессершмида проводилась на двух уровнях. Первый – аналитический – включал определение культурной принадлежности и датировки каждой из входящих в коллекцию учёного вещей. Все рисунки были пронумерованы, каждой вещи подобраны аналогии из хорошо датированных памятников и приведены соответствующие ссылки на литературу. Тем самым все предметы из коллекции Д.Г.Мессершмида получили статус полноправного источника.

Второй уровень – интерпретационный – выборочная группировка, уже намеченная Д.Г.Мессершмидом, отдельных, наиболее характерных вещей по более крупным культурно-хронологическим комплексам в соответствии с существующей археологической периодизацией и сведение их в отдельные таблицы. Такие комплексы были выделены на трёх этапах развития тагарской культуры Минусинской котловины – подгорновского этапа VII–VI вв. до н.э.; сарагашенского этапа, вторая половина IV–III вв. до н.э.; тесинского этапа с выделением хуннского компонента или культуры грунтовых могильников II в. до н.э. – I в. н.э.; материалы из таштыкских склепов III–V вв. н.э.; культура енисейских кыргызов VIII–X вв. н.э., а также материалы инокультурных могильников VIII–X вв. н.э. (стростскинская культура и культура алтае-теских тюрков); немногочисленные находки из памятников монгольского времени XIII–XIV вв. н.э.

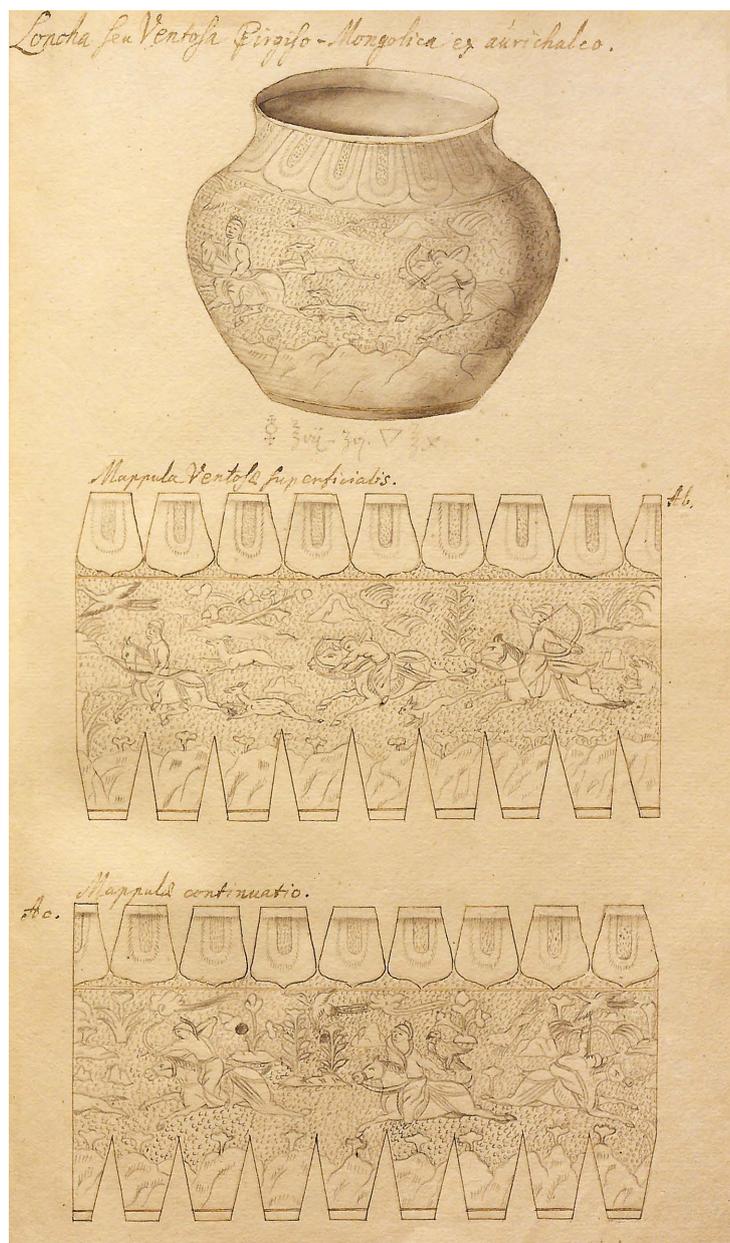


Рис. 9. «Кубок Мессершмида» с изображением «богатырской охоты» (VIII–IX вв.).

Рисунок Д.Г.Мессершмида.

© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 38

Отдельные таблицы составлены для находок восточного (китайского) и западного (согдийского) происхождения. Таким образом, материалами коллекции Д.Г. Мессершмидта может быть дополнена и атрибутирована существующая ныне культурно-хронологическая шкала развития древних и ранне-средневековых культур на территории Среднего Енисея начиная со скифского времени, причём во всех составляющих её звеньях.

Следующие по времени открытия такого рода, имевшие уже опорное значение для исследования археологических памятников всей Сибири, были сделаны в 1920-х гг. С.А. Теплоуховым [27] и приблизительно в тех же местах, где путешествовал Д.Г. Мессершмидт.

Таким образом, впервые собрана вся доступная изобразительная информация и проведена современная научная атрибуция памятников археологии, открытых Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом (Таббертом) в Сибири, прослежена история открытия и изучения наиболее значимых памятников. Среди них — каменные изваяния с р. Барна на севере Хакасии (рис. 3), Большое Уйбатское и Тазминское (рис. 4) изваяния, Куртуяк-таш (рис. 5) (окуневская культура, эпоха бронзы, середина II тыс. до н.э.), Усть-Есинская Кыс-таш, каменное изваяние на р. Тесь («Тесинский богатырь»), «уродливая» каменная статуя в Забайкалье (рис. 6) и др., наскальные изображения: Томская писаница, петроглифы на Городовой стене, Бирюсинская писаница, рисунки на каменных плитах в Усть-Тея — Абаканской степи. Рисунки запечатлели подвески (рис. 7), зеркала (рис. 8), знаменитый «кубок Мессершмидта» (рис. 9), керамику (рис. 10), ножи



Рис. 10. Глиняные вазы культуры енисейских кыргызов VII–IX вв., сосуды таштыкской культуры III–V вв. и хуннского времени (тесинский этап, II в. до н.э. – I в. н.э.).

Рисунок Д.Г. Мессершмидта.

© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 383

и кинжалы (рис. 11), пуговицы, накладки, браслеты (рис. 12), поясные наборы и т.д. Иными словами, запечатлены не только монументальные памятники древности, золотые и серебряные вещи, но и массовый, рядовой археологический материал, на который в эпоху антикварного периода в истории археологии обычно внимания не обращали. Ряд публикаций авторов проекта [10, 24, 26] и подготов-

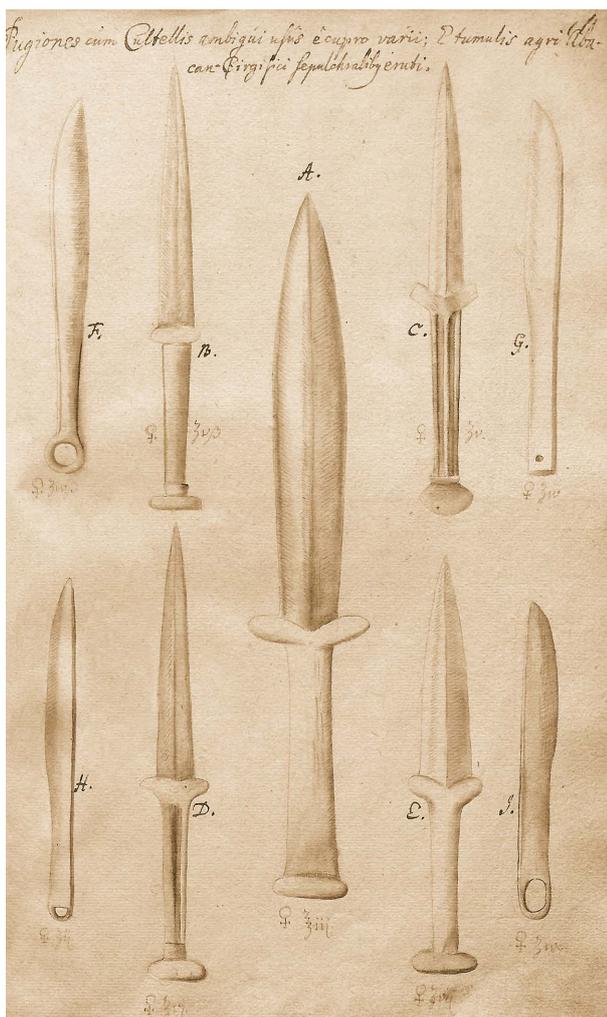


Рис. 11. Бронзовые ножи и кинжалы тагарской культуры VI–IV вв. до н.э.
Рисунок Д.Г. Мессершмидта.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 387



Рис. 12. Бронзовые пуговицы подгорновского этапа (VI в. до н.э.), фигурные накладки из золотой фольги и пластинчатые ножные браслеты сарагашенского этапа (IV в. до н.э.) Тагарской культуры. Рисунок Д.Г. Мессершмидта.
© СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 393

ленный к печати альбом воспроизводят оригинальные рисунки, а не гравюры или поздние прорисовки, существенно искажающие подлинники.

По рисункам удалось реконструировать состав археологической коллекции Д.Г. Мессершмидта, поступивший в Кунсткамеру (370 артефактов), причём подобное обобщающее исследование ещё никогда не предпринималось. Полученные

результаты впервые в мировой историографии представляют полный свод изобразительных материалов первой научной комплексной экспедиции в Сибирь с научной атрибуцией изображённых объектов и доказывают, что собрание Д.Г. Мессершмидта в первой трети XVIII в. было самой крупной и наиболее представительной коллекцией памятников археологии Сибири не только в России, но и во всём мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винтер Э., Ушман Г., Ярош Г. Д.Г. Мессершмидт как исследователь Сибири (в связи с изданием его дневника путешествия по Сибири) // Вопросы истории естествознания и техники. 1969. № 2 (27). С. 50–53.
2. Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. (АН СССР. Научно-биографическая серия).
3. Jahn I. Der Absolvent der Halleschen Universität Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) als Forschungsreisender in Sibirien // Forschungen zur Physikotheologie im Aufbruch I: Naturwissenschaft, Theologie und Musik in der Aufklärung. Referate des Symposium in Halle 1994 / Hrsg. M. Büttner, F. Richter. Münster, 1995. S. 211–224 (Physikotheologie. Bd. 1).
4. Копанева Н.П. Научное путешествие Д.Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (510). С. 44–52.
5. Соболев В.С. Первое «учёное путешествие» по Сибири: К 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 1. С. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-587389183-88>.
6. Лефельдт В. Тобольский рапорт Д.Г. Мессершмидта как образец программы учёного по исследованию Сибири // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 387–394 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 14).
7. Brentjes B. Daniel Gottlieb Messerschmidt – der Pionier der sibirischen Archeologie // Ural-Altäische Jahrbücher: Neue Folge (Wiesbaden). 1988. Bd. 8. S. 137–151.
8. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учёными XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005.
9. Tunkina I.V. Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // «Aus Sibirien–2015»: Научно-информационный сборник. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015. S. 230–231.
10. Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готтлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2017. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 6).
11. Jarosch G. Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidts // In Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. Berlin: Akademie Vlg., 1966. S. 215–220 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Vol. 15).
12. Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.; Л.: Наука, 1966. (АН СССР. Научно-биографическая серия).
13. Басаргина Е.Ю. Изобразительный материал в труде Д.Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции. М.: Архив РАН, 2013. С. 286–291.
14. Тункина И.В. Экспедиция Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX – начала XXI веков // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2013 г.) / Отв. ред. И.В. Тункина. СПб.: Нестор-история, 2013. С. 238–250 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4).
15. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I–V. Berlin: Akademie Vlg., 1962–1977.

- Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. 1962; Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 – Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1964; Teil 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 – Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1966; Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1968; Teil 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1977. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte. Bd. 8, T. 1–5).
16. Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере // СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 1–759.
 17. «Нарисованный музей» Петербургской академии наук. 1725–1760 / Сост. и науч. ред. Р.Е. Кистемакер, Н.П. Копанева, Д.И. Мейерс, Г.В. Вилинбахов: В 2 т. СПб., 2003. Т. 1.
 18. Тункина И.В., Савинов Д.Г. Фонд Д.Г. Мессершмидта как источник по археологии Сибири // Учёные и идеи: страницы археологического знания: Тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 24–25 февраля 2015 г.) / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: Ин-т археол. РАН, 2015. С. 60–62.
 19. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Д. 6. Л. 103–107 об.
 20. Тункина И.В. Памятники археологии Сибири в документах личного фонда Д.Г. Мессершмидта // Университетская археология: прошлое и настоящее: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию первой в России кафедры археологии (Санкт-Петербург, 19–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. И.Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2017. С. 234–239.
 21. Копанева Н.П. «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук (Новосибирск). 2006. № 5 (11). С. 72–79.
 22. Kopaneva N.P. Die Rekonstruktion der Sammlungen der Kunstkamera in Sankt Petersburg am Beispiel der archäologischen Sammlungen von Daniel Gottlieb Messerschmidt // Die Erforschung Sibiriens im 18. Jahrhundert: Beiträge der Deutsch-Russischen Begegnungen in den Franckeschen Stiftungen / Franckesche Stiftungen zu Halle; Max-Planck-Institut für ethnologische Forschung. Herausgegeben von Wieland Hintzsche und Joachim Otto Habeck. Halle: Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2012. S. 87–98.
 23. Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. In einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekanntten Nachrichten vorgestellet, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario. Stockholm: In Verlegung des Autories, 1730.
 24. Бондарь Л.Д., Зорин А.В., Тункина И.В. «Megaera Tattarica» и другие неизданные эскизы Даниэля Готлиба Мессершмидта // Collegae, amico, magistro: Сборник научных трудов к 70-летию Виланда Хинтцше / Под ред. В.А. Абашника, Л.Д. Бондарь, А.-Э. Хинтцше. Харьков: Майдан, 2019. С. 171–183.
 25. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983.
 26. Савинов Д.Г., Тункина И.В. «Тесинский богатырь»: Возвращение к оригиналу // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2018. № 6. С. 29–51.
 27. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л.: Тип. им. И. Фёдорова, 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 6–62.

ENGLISH

Archeology of Siberia in D.G. Messerschmidt's Documents

Irina Vladimirovna Tunkina – Doctor of Historical Sciences, Director of St. Petersburg Archive of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Archeology of Siberia in D.G. Messerschmidt's Documents” (16-01-00231a).

E-mail: tunkina@yandex.ru

The paper focuses on the study of unpublished documents about the archaeological sites of Siberia by the German natural scientist from Danzig, doctor of medicine Daniel Gottlieb Messerschmidt, who made the first scientific expedition to the Northeast of Eurasia (1719–1727) as instructed by Peter the Great. The preserved expeditionary sketches, not distorted by any subsequent engraving, are critical as they represent the first graphic reflection of ample archaeological and epigraphic sites of Siberia discovered by the traveller. The documents helped to remodel not only D.G. Messerschmidt's archaeological collection, but also the archaeological compilations of the first Russian public museum. The research helped to collect a complete set of graphic materials depicting the archeological sites of the first combined expedition to Siberia. It proves that D.G. Messerschmidt's collection (370 artefacts) received by the Kunstkamera was the most representative Siberian archaeological collection not only in Russia of that time, but in the whole world.

Keywords: D.G. Messerschmidt, documentary heritage, Siberia, archaeological sites

REFERENCES

1. Vinter E., Ushman G., Yarosh G. D.G. Messerschmidt kak issledovatel' Sibiri (v svyazi s izdaniem ego dnevnika puteshestviya po Sibiri) // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1969. № 2 (27). S. 50–53 (in Russian).
2. Novlyanskaya M.G. Daniil Gotlib Messerschmidt i ego raboty po issledovaniyu Sibiri. L.: Nauka, 1970. (ANSSSR. Nauchno-biograficheskaya seriya) (in Russian).
3. Jahn I. Der Absolvent der Halleschen Universität Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) als Forschungsreisender in Sibirien // Forschungen zur Physikotheologie im Aufbruch I: Naturwissenschaft, Theologie und Musik in der Aufklärung. Referate des Symposium in Halle 1994 / Hrsg. M. Büttner, F. Richter. Münster, 1995. S. 211–224 (Physikotheologie. Bd. 1).
4. Kopaneva N.P. Nauchnoe puteshestvie D.G. Messerschmidta kak chast' proektov Petra I po opisaniiyu Rossiyskogo gosudarstva // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2016. № 2 (510). S. 44–52 (in Russian).
5. Sobolev V.S. Pervoe «uchyonoe puteshestvie» po Sibiri: K 300-letiyu ekspeditsii D.G. Messerschmidta // Vestnik RAN. 2019. T. 89. № 1. S. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-587389183-88> (in Russian).
6. Lefel'dt V. Tobol'skiy raport D.G. Messerschmidta kak obrazets programmy uchyonogo po issledovaniyu Sibiri // Millerovskie chteniya – 2018: Preemstvennost' i traditsii v sokhraneni i izuchenii dokumental'nogo akademicheskogo naslediya: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 24–26 maya 2018 g.) / Sost. i otv. red. I.V. Tunkina. SPb.: Renome, 2018. S. 387–394 (AdFontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki. Vyp. 14) (in Russian).

7. Brentjes B. Daniel Gottlieb Messerschmidt – der Pionier der sibirischen Archeologie // Ural-Altaische Jahrbücher: Neue Folge (Wiesbaden). 1988. Bd. 8. S. 137–151.
8. Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. Izuchenie drevnostey Yuzhnoy Sibiri nemetskimi uchyonymi XVIII–XIX vv. / Otv. red. V.I. Molodin. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2005 (in Russian).
9. Tunkina I.V. Die Archäologie Sibiriensinden Dokumenten Messerschmidts // «Aus Sibirien–2015»: Nauchno-informatsionnyy sbornik. Tyumen': Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2015. S. 230–231.
10. Tunkina I.V., Savinov D.G. Daniel' Gotlib Messershmidt: u istokov sibirskoy arkheologii. SPb.: OOO «ElekSis», 2017. (AdFontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki. Supplementum 6) (in Russian).
11. Jarosch G. Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidts // In Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. Berlin: Akademie Vlg., 1966. S. 215–220 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Vol. 15).
12. Novlyanskaya M.G. Filipp Iogann Stralenberg. Ego raboty po issledovaniyu Sibiri. M.; L.: Nauka, 1966. (AN SSSR. Nauchno-biograficheskaya seriya) (in Russian).
13. Basargina E.Yu. Izobrazitel'nyy material v trude D.G. Messershmidta «Sibiria-perlustrata» // Fundamental'naya nauka: problemy izucheniya, sokhraneniya i restavratsii dokumental'nogo naslediya: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. M.: Arkhiv RAN, 2013. S. 286–291 (in Russian).
14. Tunkina I.V. Ekspeditsiya D.G. Messershmidta 1719–1727gg. v Sibir' v rossiyskoy istorikonauchnoy istoriografii XX – nachala XXI vekov // Millerovskie chteniya: K 285-letiyu Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk: Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 23–25 aprelya 2013 g.) / Otv. red. I.V. Tunkina. SPb.: Nestor-istoriya, 2013. С. 238–250 (AdFontes. Materialy i issledovaniya po istorii nauki. Vyp. 4) (in Russian).
15. Messerschmidt D.G. Forschungsreisedurch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I–V. Berlin: Akademie Vlg., 1962–1977. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N.A. Figurovskij. 1962; Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 – Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1964; Teil 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724 – Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1966; Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1968; Teil 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1977. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte. Bd. 8, T. 1–5).
16. Risunki predmetov, khranivshikhsya v Kunstkamere // SPbF ARAN. R. IX. Op. 4. D. 1–759 (in Russian).
17. «Narisovannyy muzey» Peterburgskoy akademii nauk. 1725–1760 / Sost. i nauch. red. R.E. Kistemaker, N.P. Kopaneva, D.Y. Meyers, G.V. Vilinbakhov: V 2 t. SPb., 2003. T. 1.
18. Tunkina I.V., Savinov D.G. Fond D.G. Messershmidta kak istochnik po arkheologii Sibiri // Uchyonye i idei: stranitsy arkheologicheskogo znaniya: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 24–25 fevralya 2015 g.) / Otv. red. P.G. Gaydukov, I.V. Tunkina. M.: In-t arkheol. RAN, 2015. S. 60–62 (in Russian).
19. RGADA. F. 346. Op. 1. D. 6. L. 103–107 ob. (in Russian).
20. Tunkina I.V. Pamyatniki arkheologii Sibiri v dokumentakh lichnogo fonda D.G. Messershmidta // Universitetskaya arkheologiya: proshloe i nastoyashchee: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 80-letiyu pervoy v Rossii kafedry arkheologii (Sankt-Peterburg, 19–21 oktyabrya 2016 g.) / Otv. red. I.L. Tikhonov. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 2017. S. 234–239 (in Russian).

21. Kopaneva N.P. «Vozvrashchenie» arkheologicheskoy kollektzii Messershmidta // Nauka iz pervykh ruk (Novosibirsk). 2006. № 5 (11). S. 72–79 (in Russian).
22. Kopaneva N.P. Die Rekonstruktion der Sammlungen der Kunstkamera in Sankt Petersburg am Beispiel der archäologischen Sammlungen von Daniel Gottlieb Messerschmidt // Die Erforschung Sibiriens im 18. Jahrhundert: Beiträge der Deutsch-Russischen Begegnungen in den Franckeschen Stiftungen / Franckesche Stiftungen zu Halle; Max-Planck-Institut für ethnologische Forschung. Herausgegeben von Wieland Hintzsche und Joachim Otto Habeck. Halle: Franckeschen Stiftungen zu Halle, 2012. S. 87–98.
23. Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und ÖstlicheTheil von Europa und Asiae, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossenTatarey in sich begriffet. In einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekanntenen Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmü-ckischenVocabulario. Stockholm: In Verlegung des Autories, 1730.
24. Bondar' L.D., Zorin A.V., Tunkina I. V. «Megaera Tattarica» i drugie neizdannye eskizy Danielya Gotliba Messershmidta // Collegae, amico, magistro: Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu Vilanda Khintsshe / Pod red. V.A. Abashnika, L.D. Bondar', A.-E. Khintsshe. Kharkov: Maydan, 2019. S. 171–183 (in Russian).
25. Vasil'ev D.D. Korpus tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov basseyna Eniseya. L.: Nauka, 1983.
26. Savinov D.G., Tunkina I.V. «Tesinskiy bogatyr'»: Vozvrashchenie k originalu // Stratumplus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2018. № 6. S. 29–51 (in Russian).
27. Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskikh kul'tur Minusinskogo kraya // Materialy po etnografii. L.: Tip. im. I. Fyodorova, 1929. T. IV. Vyp. 2. S. 6–62 (in Russian).

УДК 94(47) 17/18

ГРНТИ 03.23.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-62-74



**З.В. ДМИТРИЕВА,
С.А. КОЗЛОВ***

История российского налогообложения в XVI–XVIII веках в контексте проблемы «налоги—войны»

Изучены и определены степень влияния геополитических факторов на изменение налоговых форм и фискальных приоритетов Российского государства, эволюция видов налогов и объектов обложения, роль общины в формировании системы. Показаны изменение тяжести налогового бремени в годы русско-польской войны 1654–1667 гг., пополнение армии даточными людьми из крестьян и участие монастырских слуг в военных действиях; налоговые и финансовые аспекты русско-турецких войн и присоединения Крымского ханства к Российской империи (1783 г.). Раскрыты общее и особенное в системе налогообложения, номенклатуре платежей и повинностей, доли военных расходов в общегосударственном бюджете России и европейских стран. Рассмотрена налоговая система России в контексте концепции военно-фискального государства раннего Нового времени.

Ключевые слова: налоги, налоговая документация, геополитические приоритеты, военные расходы, военно-фискальное государство

Военные ориентиры налоговой политики Российского государства XVI–XVII вв.

Налоговая система Российского государства складывается в середине XVI в., что было связано с Уложением о службе 1555–1556 гг., согласно которому со ста четвертей «добрые угожей земли» должен был быть выставлен конный воин

в полном вооружении. Служба строго регламентировалась, и утверждался принцип несения воинской повинности в соответствии с размерами землевладения. Нововведения в армии потребовали унификации системы налогообложения в стране и введения нормированной единицы взимания налогов — большой московской сохи, которая включа-

* **Дмитриева Зоя Васильевна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН, руководитель проекта «Налоги и войны в истории России XVI–XVIII вв.» (16-01-00066а).

E-mail: zvdmitr@rambler.ru

Козлов Сергей Александрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, исполнитель того же проекта.

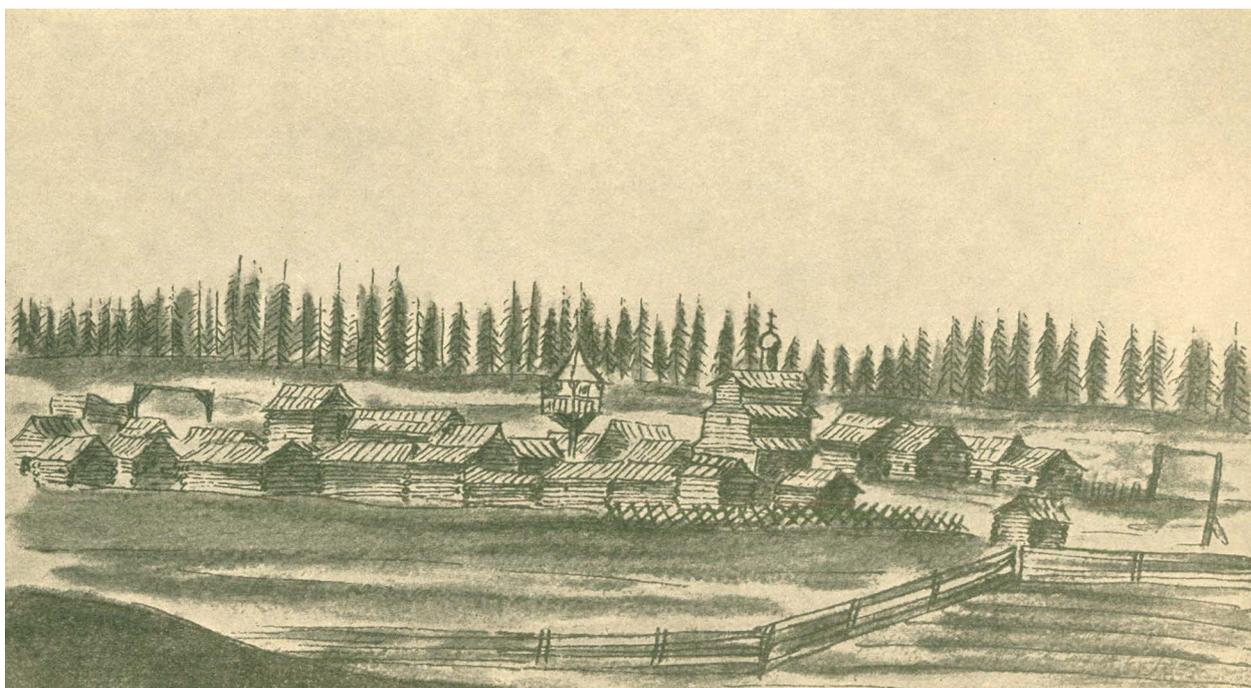
E-mail: sakozl@rambler.ru

ла определённое количество пашенных земель в зависимости от её качества и социальной принадлежности землевладельца — от 500 до 1200 четвертей (четверть = 0,5 десятины). Причём наиболее льготное обложение было на землях ратных людей. Число сох в уездах (волостях, погостах, сёлах) фиксировали государевы писцы в налоговых кадастрах — писцовых и дозорных книгах. Номенклатура налогов и повинностей тяглого населения также устанавливалась в соответствии с потребностями вооружённых сил: пищальные деньги, ямчужные деньги, полоняничные деньги, городское дело, посошная служба и др.

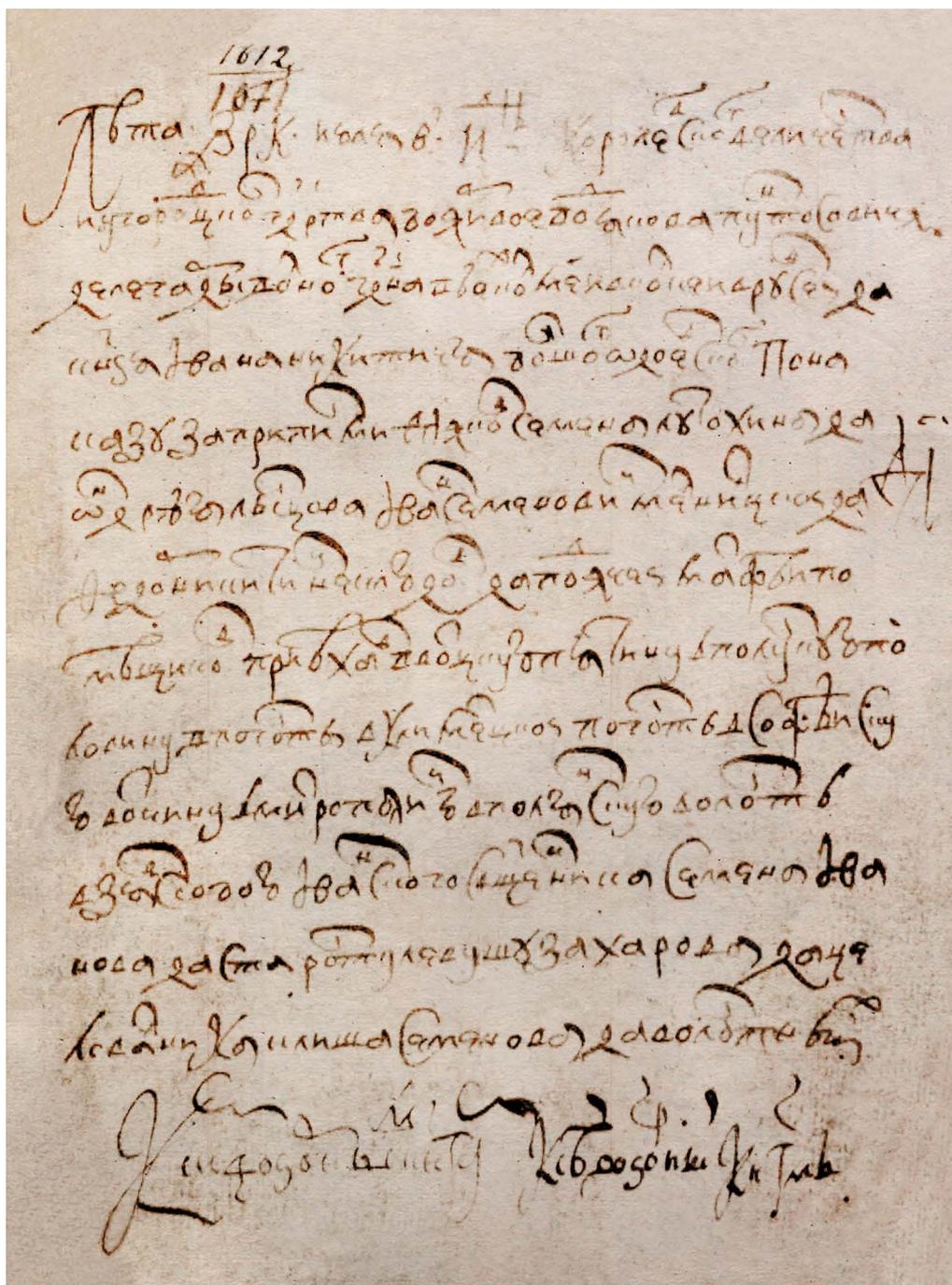
Затяжная Ливонская война (1558–1583) продемонстрировала неспособность государства изменить налоговые формы и фискальные приоритеты с учётом посильности налогового бремени для податного населения. Прежде всего это проявилось в консервативности сошного письма, которое своевременно не учитывало сокращение численности населения и запустение ранее обрабатываемых земель (исключение пустого из тягла было проведено после 1572 г.).

Постоянную нехватку денежных средств власти восполняли за счёт экстраординарных сборов и учреждения опричных (1565 г.) — репрессивной, фискальной структуры в чрезвычайных условиях военного времени. Результатом стал кризис, выразившийся в демографическом спаде и значительном сокращении площадей пашенных земель. Однако распространение кризиса было неравномерным. На территории Поморья кризисные явления не привели к деградации и разрушению традиционного жизненного уклада. Важнейшей проблемой для русского населения в условиях кризиса стала проблема выживания: сокращение размеров тяглой пашни, распашка пустоши безоборочно, миграция населения, кредитование крестьян монастырями в неурожайные годы.

В конце XX – начале XXI в. появились работы (Ч. Даннинг, С.А. Нефёдов), рассматривающие возникновение кризиса в России во второй половине XVI в., его развитие и последствия в контексте структурно-демографической теории американского историка Дж.Голдстоуна. Теория развивает идеи Т.С.Мальтуса и Д.Рикардо



Ил. 1. Вид селения Крестцы Деревской пятины. Альбом А. Мейерберга.
Виды и бытовые картины России XVII в.



Ил. 2. Лист из рукописи «Дозорные книги Водской пятины, Полужской половины 1612 г.». Государственный архив Швеции (Riksarkivet). NOA. Serie 1:16. Л. 1. Подлинник

о демографических циклах и получила название неомальтузианства. Предложенная Дж.Голдстоуном схема была выведена посредством анализа кризисов XVI–XVIII вв. в Англии, Франции, Османской империи и Китае. С.А.Нефёдов попытался применить демографически-структурную теорию к российским реалиям XVI в. и использовал статистические данные

писцовых книг Новгородских пятин для обоснования роста населения в России XVI в. При этом он не указывает на низкую плотность населения в первой половине столетия и очаговый характер заупустения, вероятно, вызванный эпидемией [1, 2; 3, с. 70–71; 4, с. 39–98].

По подсчётам авторов «Аграрной истории Северо-Запада России XVI века...»,

в целом (по 20 погостам Деревской пятины) за 1500–1543 гг. число жилых поселений сократилось на 2,1%, а дворов — на 10,2% (ил. 1). Для сравнения, в 20 погостах Новгородского уезда Шелонской пятины число поселений с конца XV в. до середины XVI в. выросло с 682 до 700 (2,6%), а дворов — с 1912 до 2381 (19,7%). При этом темпы роста населения в отдельных погостах были различными [5, с. 32, 113–115].

С.А.Нефёдов, обосновывая свою концепцию, приводит также данные А.И.Копанева о численности населения России в середине XVI в. — 9–10 млн человек. Но при этом он не учитывает ряд важных обстоятельств: условность расчётов А.И.Копанева, увеличение государственной территории с 1462 по 1533 г. более чем в 6 раз и её малонаселённость [6, с. 235–236, 245]. Демографический рост в условиях относительной стабильности во многом был обусловлен колонизационными процессами на Севере, Северо-Западе и в Центре России. С.А.Нефёдовым не учтена и особенность системы расселения на Северо-Западе, в Белозерье, и части Поморья в первой половине XVI в., где преобладал хуторской тип, что является важнейшим фактором при характеристике аграрного и демографического развития регионов России. По нашему убеждению, неомальгузианская теория не применима к российским реалиям, и «перенаселение» в России во второй половине XVI в. не стало причиной кризиса.

В рамках проекта была рассмотрена система фискального принуждения населения Новгородской земли в период шведской оккупации (1611–1617). Оккупационная администрация собирала необходимые налоги для содержания шведской армии на основе московской системы налогообложения. С целью выявления реальной возможности несения государева тягла осуществлялись дозоры, в проведении которых активно участвовала мирская община (ил. 2). В связи с мас-

совым разорением населения по инициативе мира происходили сокращение крестьянских наделов и общей площади тяглой земли, а также равное распределение тягла в деревне.

Оккупационные власти начали разрушать поземельно-посошную систему обложения и «класть на обжу» не 10 четвертей земли, а 20 и более крестьянских дворов. В годы шведской оккупации на Новгородских землях помимо прямых налогов (существовавших с XVI в.) значительную долю составляли экстраординарные сборы. Помимо денег «на корм немецким людям» собирали рожь, овёс, мясо, рыбу, хмель, соль, уксус, а также сено для лошадей. Более половины денежных средств на содержание шведского войска выделялось за счёт питейных сборов [7, с. 46; 8, с. 32].

После восстановления государственного и территориального единства страны встал вопрос о создании эффективной налоговой системы. В 1620-е – 1630-е гг. российские власти объективные потребности государства и геополитические приоритеты соотносили с налогово-финансовыми возможностями и придерживались принципа посильности при обложении податного населения. С целью облегчения налогового пресса на поместных и вотчинных землях при сохранении большой московской сохи была введена новая единица обложения — дворовая («живущая») четверть, включавшая определённое соотношение крестьянских и бобыльских дворов. Нововведение привело к резкому сокращению размеров сошного обложения, что позволило заметно оживить экономическую жизнь в стране и осуществить восстановление хозяйства, прежде всего на разорённых Смутой пограничных территориях. При этом номенклатура налогов и сборов (как и в XVI в.) во многом определялась потребностями вооружённых сил.

Важнейшей геополитической задачей российской власти в 50-е гг. XVII в. стал «украинский вопрос», что делало неиз-

бежным военный конфликт с Речью Посполитой и потребовало кардинальных перемен в армии. Военная реформа прошла в своём развитии два основных этапа: 1653–1654 гг. и осень 1656 – весна 1658 г. В результате её осуществления ядро вооружённых сил страны составили полки нового строя [9, с. 52].

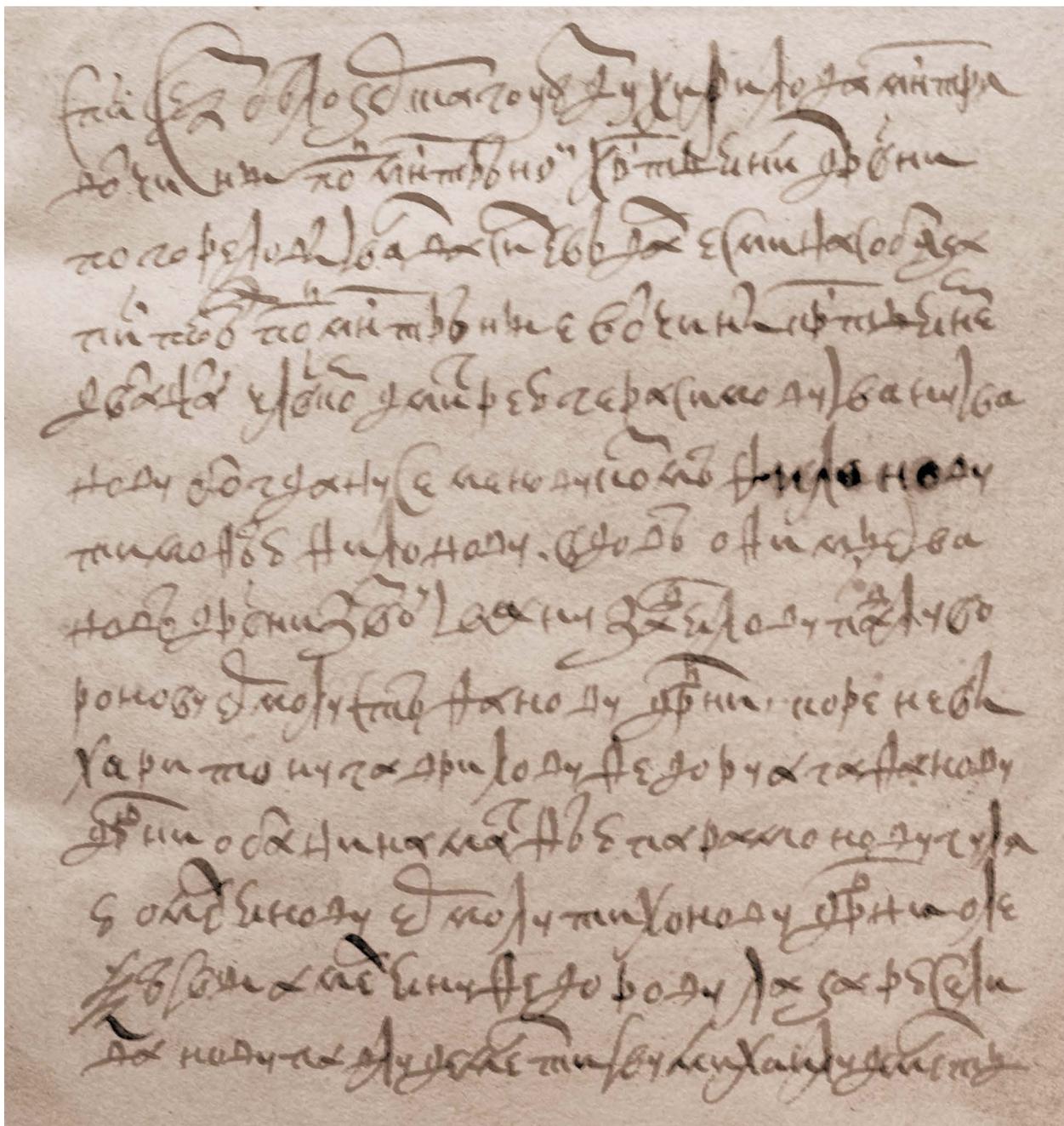
В условиях затяжной и изнурительной войны (1654–1667) содержание вооружённых сил представляло серьёзную налогово-финансовую проблему, и правительство решилось на проведение денежной реформы, основным этапом которой стала чеканка (с 1655 г.) медных копеек по весу и образцу серебряных. Значительные денежные потоки направлялись и в недавно присоединённые районы Левобережной Украины, где добиться лояльности и поддержки со стороны «переменчивого» Запорожского казачьего войска можно было лишь благодаря щедрым денежным и иным пожалованиям.

Полки нового строя оказались неподъёмными для государства и налогоплательщиков, когда эти деньги обесценились. Происходил также рост цен на продукты, особенно значительный – на хлеб. Обесценение медных денег в начале 1660-х гг. привело к увеличению в абсолютных цифрах кабацких и таможенных сборов. Однако большая часть денег была собрана в медной монете, стремительно терявшей стоимость. 15 июня 1663 г. вышел царский указ, предписывавший изъять из денежного обращения медную монету.

В налоговой политике государство делает акцент на уже испытанный и проверенный временем ресурс – сбор прямых налогов. Для определения тяжести налогового бремени и его изменения на протяжении десятилетий важны следующие показатели: норма налоговых платежей с единицы обложения и размер налога с тяглого двора. Значимость последнего показателя особенно возрастает в связи с тем, что налоги собирались с разных объектов обложения (с сохи, «живущей четверти», двора). Рассчитать эти пока-

затели позволяют документальные материалы Кирилло-Белозерского монастыря. Стрелецкий хлеб до 1663 г. включительно собирали с «живущей четверти», норма платежей составляла в среднем на двор около 0,5 четверика ржи и овса. В 1664 г. стрелецкий хлеб стали собирать не с сохи, а с крестьянских и бобыльских дворов, норма сбора со двора составила четверик ржи и четверик сухарей, что свидетельствует об увеличении налоговой нагрузки в четыре раза. Норма полоняничных сборов («пленным на окуп») составила 8 денег со двора, причём собирали не только с крестьян и бобылей, но и с попов, дьяконов и монастырских слуг. Ямские деньги взимали с «живущей четверти», и с 1648 по 1665 г. норма оставалась неизменной: в среднем 13,1 деньги со двора. В 1660-е гг. меняется система взимания денег на содержание армии: объектом обложения становится не «живущая четверть», а крестьянские и бобыльские дворы. Если в 1654 г. с двора взимали 13,7 деньги, то в 1665 г. – уже 210,6 деньги. Как видим, без учёта курса серебряных денег увеличение составило 15,4 раза [10, с. 9–14].

Кирилловские крестьяне также участвовали в комплектовании даточных людей: с 20 дворов нанимали одного даточного и давали ему «на государеву службу» 34 рубля и «хлебный запас». Сохранилась книга копий поручных записей крестьян Белозерского уезда на посылку даточных людей в декабре 1660 г. [11]. Оформление документа и подробная роспись двусторонних обязательств свидетельствуют об ответственности мирской общины за лицо, нанятое в даточные (ил. 3). Обязанности по обеспечению армии лежали и на старцах Кирилло-Белозерского монастыря. Так, в январе 1659 г. на государеву службу под Конотопом по решению собора из монастыря послали 39 слуг [10, с. 15]. Война, истощавшая людские и финансовые ресурсы, разрушала принцип посильности при обложении российского населения на нужды армии.



Ил. 3. Лист из рукописи «Книга копий поручных записей на даточных людех из белозерских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. Декабрь 1660 г.». ОР РНБ. Кирилло-Белозерское собрание. № 80/1319. Л. 3. Список XVII в.

Итогом войны России с Речью Посполитой (1654–1667) стали не только «возвращение наследия Киевской Руси», но и реорганизация вооружённых сил, которая требовала кардинальных изменений в фискальной сфере. В 1679 г. российские власти осуществили налоговую реформу, завершившую переход от пососного к подворному обложению. Отныне в тягло на-

равне с крестьянскими и посадскими были включены бобьльские, холопы и прочие дворы. Отменялись также многочисленные налоги и сборы, и вводился единый прямой налог — стрелецкие деньги. Но недобор стрелецких денег нарастал повсеместно и принял хронический характер. Нехватка денежных средств на армию ограничивала возможности российских



Ил. 4. Мирской сход в присутствии помещика и священника. Гравюра. Деревенское зеркало или общенародная книга. СПб., 1798. Ч. 1

властей в осуществлении таких назревших геополитических проектов, как выход к Балтийскому морю и ликвидация «крымской опасности».

Фискальное обеспечение геополитических проектов российской власти в XVIII в.

Восемнадцатый век стал для России периодом превращения в мировую империю со свойственной атрибутикой, геополитическими притязаниями, изменениями в системе налогообложения и фискальной политике государства. Продолжительные войны и формирование регулярных вооружённых сил требовали колоссальных финансовых средств и людских ресурсов. На перманентное «добывание» денежных средств для ведения Великой Северной войны была нацелена вся налогово-финансовая политика Петра I. При этом многочисленные налоги и сборы, которые российские власти вводили на содержание армии, обеспе-

чение её вооружением, продовольствием, обмундированием в годы Великой Северной войны, повсеместно не были унифицированы, а система фискальных сборов – упорядочена. Об этом наглядно свидетельствует копия книги записей денежных и доимочных сборов с монастырских крестьян Белозерского и Пошехонского уездов 1704–1707 гг. с приложением отписей и указов об уплате налогов в приказы.

К примеру, в Военный приказ с белозерских вотчин Ферапонтова и Кириллова монастырей взимали 50 денег с двора, с пошехонских вотчин Кириллова монастыря – 1 рубль 11 алтын 4,4 деньги с двора, а Троице-Сергиева монастыря (64 двора) – 1 рубль с двора [12, л. 2–7]. «Мобилизационная» фискальная система с тремя-четырьмя десятками налогов и сборов не могла функционировать достаточно эффективно без установления для большинства налогоплательщиков единой окладной единицы, что и бы-

ло осуществлено с введением подушной подати, и этим в основном завершился процесс унификации обложения, начавшийся во второй половине XVI в. Сбор нового налога, как и прежде, возлагался на крестьянскую и посадскую общины, землевладельцев и местную администрацию (ил. 4).

Наращивание военного потенциала вооружённых сил и как следствие значительное увеличение денежных затрат за счёт привлечения всех налогово-финансовых ресурсов, а также использование европейского (и прежде всего шведского) опыта в создании регулярной армии и флота, реформировании государственного управления и фискальных институтов позволили Петру I одержать победу в долгой и изнурительной Великой Северной войне. Геополитическая задача оказалась выполнена: Российская империя расширила и укрепила свои границы, получив выход к Балтийскому морю; страна стала великой державой в военном отношении.

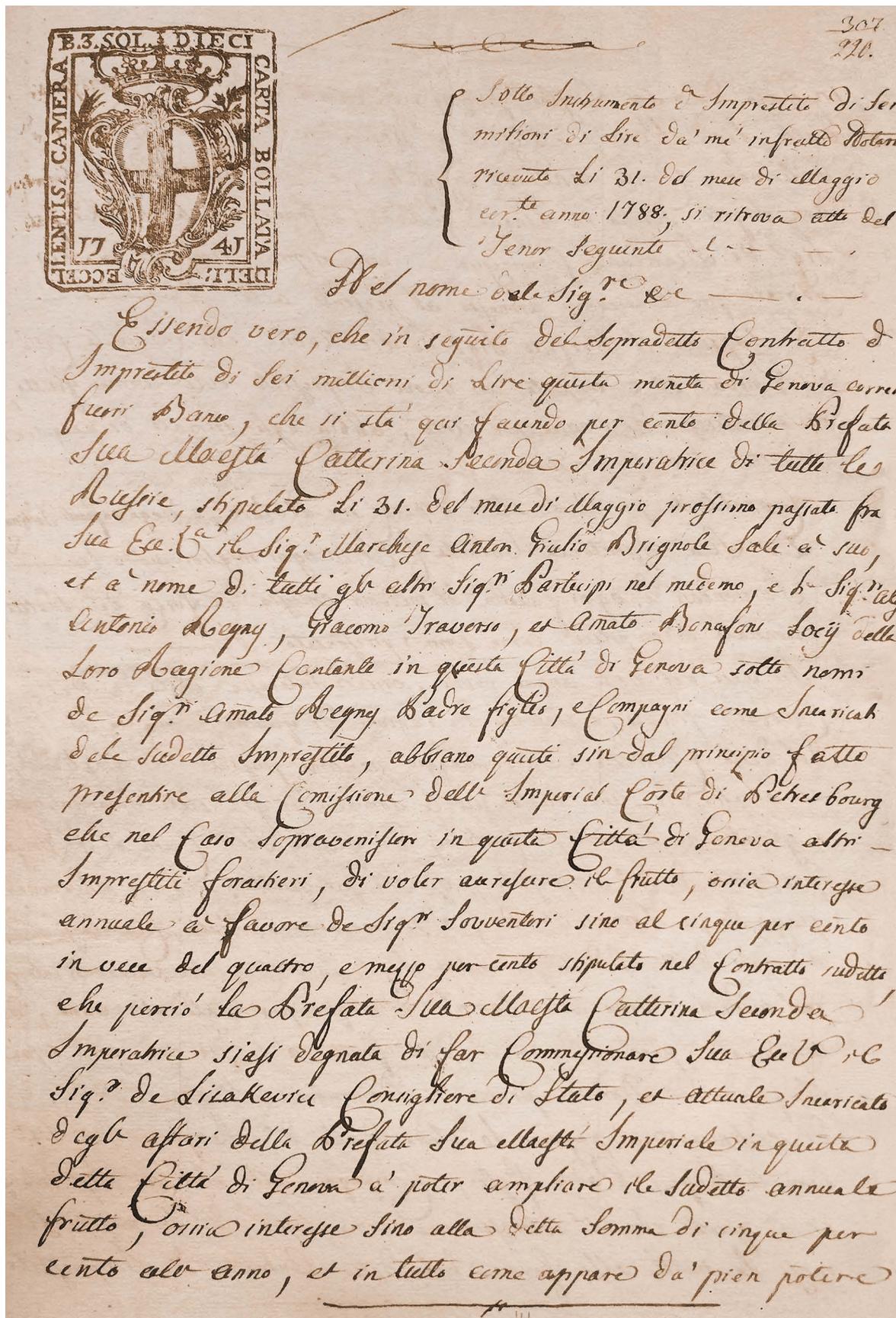
Заметное влияние на складывание фискальных приоритетов страны оказывал «крымский вопрос», который на протяжении более чем двух столетий был важнейшей геополитической проблемой Российского государства. В решающую фазу борьба за контроль над Северным Причерноморьем вступила в 80-е гг. XVIII в. 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу», что стало катализатором для обострения русско-турецких отношений. 13 августа 1787 г. Турция объявила войну, и российские власти вынуждены были вновь прибегнуть к фискальной политике военного времени [13, с. 242–244] (ил. 5).

Расходы на армию и флот росли беспрерывно. По подсчётам, которые мы провели на основе опубликованных А.Н.Куломзинным финансовых документов о доходах и расходах государственных учреждений 1787–1793 гг., дефицит бюджета

в военные годы составил: в 1787 г. — 27,8%, в 1788 г. — 48, в 1789 г. — 52,6, в 1790 г. — 65,4, в 1791 г. — 63%, а в послевоенном 1793 г. снизился до 27,3% [14, с. XXXI–XXXII]. В целом налогово-финансовые меры, предпринятые Екатериной II, позволили найти необходимые денежные средства для ведения войны с Турцией. 29 декабря 1791 г. был подписан Ясский мир, по которому Османская Турция признала присоединение Крымского полуострова к России.

Военно-фискальные государства раннего Нового времени: историография вопроса и компаративное изучение

Изучение механизма функционирования бинарной системы «налоги—войны» в истории России XVI–XVIII вв. является весьма продуктивным в контексте концепции военно-фискального государства раннего Нового времени. Впервые она была выдвинута в 1975 г. американским социологом Ч.Тилли, считавшим, что «война создала государство» [15, с. 42–43]. В изданном в 1990 г. исследовании Ч.Тилли применил военно-фискальный подход к тысячелетней истории Европы [16]. В 1998 г. американский историк Ч. Даннинг в статье, посвящённой первой гражданской войне в России начала XVII в., впервые употребил понятие «военно-фискальное государство», характеризуя политические, социальные и налогово-финансовые институты Российского государства раннего Нового времени. При этом учёный убеждён, что Московское государство в XVI в. было одним из первых военно-фискальных государств, и определял его как несколько упрощённую, но весьма эффективную государственную модель [17, с. 194]. По мнению венгерского исследователя Э.Шашальми, отправными точками формирования военно-фискального государства в России стали Тридцатилетняя война и русско-польская война 1654–1667 гг. [18]. Дж.Крэкрафт и Дж.Хартли начало военно-фискального государства связыва-



Ил. 5. Лист из рукописи «Контракт с генуэзскими банкирами о заключении займа. 31 мая 1788 г.». ОР РНБ. Ф. 484 (Собрание материалов по истории финансов в России). Д. 172. Л. 41. Подлинник

ли с созданием Петром I мощной военной и бюрократической системы и рассматривали Россию восемнадцатого века как перманентно воюющее государство [19, 20]. Результаты проведенного нами исследования показали, что российское военно-фискальное государство, формирование которого началось в середине XVI в., достигло своего апогея в XVIII в.

Типологическое сходство военно-фискальных государств Европы и России обнаруживается в налоговом-финансовом механизмах: изменение номенклатуры налогов в чрезвычайных условиях военного времени, устойчивый рост косвенных сборов в соотношении с прямыми налогами, активное использование внутренних и внешних кредитов, а также постоянное увеличение доли военных расходов в общегосударственном бюджете.

При этом были и отличия, которые выявляются при диахронном стадийном сравнении России и европейских государств. Ряд факторов, характерных для военно-фискального государства, проявились в России позже, чем в Западной Европе. Так, рост государственного аппарата в России, в том числе для обеспечения сбора доходов в казну, значитель-

но отставал от уровня бюрократизации в Европе [21, с. 12]. Вотиrowание чрезвычайных сборов на Земских соборах началось в России в 1610-е гг., тогда как дебаты об утверждении новых налогов и чрезвычайных сборов в английском парламенте, кортесах в Кастилии и Генеральных штатах во Франции проходили в XV–XVI вв. Российские власти впервые прибегли к иностранным займам для покрытия расходов на армию в 1769 г., в то время как военные кампании французских, английских и испанских королевских дворов начиная с XIV–XV вв. кредитовали банкирские дома Генуи, Венеции, Флоренции, Антверпена, Амстердама. К восемнадцатому столетию основной акцент в европейских странах был перенесён на внутренние государственные займы.

Проведённое нами исследование степени влияния внешнеполитических факторов на налоговую политику государства и соблюдение принципа посильности при обложении податного населения на нужды армии может быть использовано при выработке современной концепции социально-экономического развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991.
2. Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // Russian History. 25. № 1–2. 1998. P. 119–131.
3. Нефёдов С.А. О возможности применения структурно-демографической теории при изучении истории России XVI века // Отечественная история. 2003. № 5. С. 63–72.
4. Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2005.
5. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л.: Наука, 1974.
6. Копанев А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. Т. 64. 1959. С. 233–254.
7. Дмитриева З.В. Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 г.: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. / Отв. ред. Е.Н. Швейковская. М.; Самара, 2015. С. 38–46.

8. Козлов С.А. Винные и пивные книги Великого Новгорода 1611–1617 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Четвёртой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г.) / Ред.-сост. А.И. Раздорский. Нижний Новгород, 2018. С. 28–34.
9. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М.: Древлехранилище, 2006.
10. Дмитриева З.В., Козлов С.А. Взимание налогов с монастырских вотчин в годы русско-польской войны (1654–1667) // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 7–31.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Кирилло-Белозерское собрание. № 80/1319. 501 л.
12. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Д. 101.
13. Козлов С.А. Налогово-финансовый аспект присоединения Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. // Меншиковские чтения–2017: Научный альманах. Вып. 8 (18). СПб.: Изд-во «XVIII век», 2017. С. 226–247.
14. Куломзин А.Н. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. Т.1. // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1880. Т. 28.
15. Tilly Ch. Reflection on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 3–83.
16. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990 (Studies in Social Discontinuity). Basil Blackwell, Cambridge, 1990.
17. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the First Fiscal-Military States? // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 191–197.
18. Sashalmi E. Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, 1654–1725 (An Outline) // Государство и нация в России и Центрально-восточной Европе [State and Nation in Russia and Central East Europe]: Материалы международной научной конференции будапештского Центра русистики от 19–20 мая 2008 г. / Под ред. Д. Свака. Будапешт: Russica Pannonica, 2009. С. 132–144.
19. Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Belknap Press, 2004.
20. Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State, 1689–1825 // The Fiscal-Military State in Eighteenth Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson/ Ed. C. Storrs. Ashgate, 2009. P. 125–146.
21. Кром М.М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и Новейшая история. 2018. № 4. С. 3–15.

ENGLISH

History of Russian Taxation in the 16th – 18th Centuries in the Context of “Taxes and Wars”

Zoya Vasilyevna Dmitrieva – Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher, Department of Ancient History of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Taxes and Wars in the History of Russia of the 16th – 18th Centuries” (16-01-00066a).
E-mail: zvdmitr@rambler.ru

Sergey Aleksandrovich Kozlov – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Higher School of Technology and Energy of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, researcher in the same project.
E-mail: sakozl@rambler.ru

The research studies and identifies the influence of geopolitical factors on the changes in tax forms and fiscal priorities of Russia, the evolution of tax types and taxable items, and the role of the community in the system formation. It shows the changes in the severity of the tax burden during the Russo-Polish War of 1654–1667, army replacements with adequate conscripts from peasants, the participation of monastery servants in military missions, tax and financial aspects of the Russo-Turkish wars and the annexation of the Crimean Khanate to the Russian Empire (1783). The authors identify the general and special features of the taxation system, itemized payments and duties, the share of military spending in the national budget of Russia and European countries. The paper explores the taxation system of Russia through the lens of the military-fiscal state concept of the early modern period.

Keywords: taxes, tax documentation, geopolitical priorities, military spending, military-fiscal state

REFERENCES

1. Goldstone J.A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 1991.
2. Dunning Ch. The Preconditions of Modern Russia's First Civil War // *Russian History*. 25. № 1–2. 1998. P. 119–131.
3. Nefyodov S.A. O vozmozhnosti primeneniya strukturno-demograficheskoy teorii pri izuchenii istorii Rossii XVI veka // *Otechestvennaya istoriya*. 2003. № 5. С. 63–72 (in Russian).
4. Nefyodov S.A. *Demograficheski-strukturnyy analiz sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Konets XV – nachalo XX veka*. Ekaterinburg: Izd-vo UGGU, 2005 (in Russian).
5. *Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii XVI veka. Novgorodskie pyatiny* / Otv. red. A.L. Shapiro. L.: Nauka, 1974 (in Russian).
6. Kopanев A.I. Naselenie Russkogo gosudarstva v XVI v. // *Istoricheskie zapiski*. T. 64. 1959. S. 233–254 (in Russian).
7. Dmitrieva Z.V. Nalogi i povinnosti krest'yan novgorodskikh pyatin v «smutnoe vremya» (1611–1617) // *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 2014 g.: Fiskal'naya politika i nalogovo-povinnostnye praktiki v agrarnoy istorii Rossii X–XXI vv. / Otv. red. E.N. Shveykovskaya. M.; Samara, 2015. S. 38–46 (in Russian).
8. Kozlov S.A. Vinnye i pivnye knigi Velikogo Novgoroda 1611–1617 gg. // *Torgovlya, kupchestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: Sbornik materialov Chetvyortoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Nizhniy Novgorod, 28–30 sentyabrya 2017 g.)* / Red.-sost. A.I. Razdorskiy. Nizhniy Novgorod, 2018. С. 28–34 (in Russian).
9. Malov A.V. *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii. 1656–1671*. M.: Drevlekhranilishche, 2006 (in Russian).
10. Dmitrieva Z.V., Kozlov S.A. Vzimanie nalogov s monastyrskikh votchin v gody russko-pol'skoy voyny (1654–1667) // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2017. № 4. S. 7–31 (in Russian).
11. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki. Kirillo-Belozerskoe sobranie. № 80/1319. 501 l (in Russian).
12. RGADA. F. 1441. Op. 2. D. 101 (in Russian).
13. Kozlov S.A. Nalogovo-finansovyy aspekt prisoedineniya Krymskogo khanstva k Rossiyskoy imperii v 1783 g. // *Menshikovskie chteniya–2017: Nauchnyy al'manakh*. Vyp. 8 (18). SPb.: Izd-vo «XVIII vek», 2017. S. 226–247 (in Russian).

14. Kulomzin A.N. Finansovye dokumenty tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II. T.1. // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. SPb., 1880. T. 28 (in Russian).
15. Tilly Ch. Reflection on the History of European State-Making // The Formation of National States in Western Europe / Ed. by Tilly Ch. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 3–83.
16. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990 (Studies in Social Discontinuity). Basil Blackwell, Cambridge, 1990.
17. Dunning Ch. Were Muscovy and Castile the First Fiscal-Military States? // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 191–197.
18. Sashalmi E. Russia as a Fiscal-Military and a Composite-Dynastic State, 1654–1725 (An Outline) // Gosudarstvo i natsiya v Rossii i Tsentral'no-vostochnoy Evrope [State and Nation in Russia and Central East Europe]: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii budapeshtskogo Tsentra rusistiki ot 19–20 maya 2008 g. / Pod red. D. Svaka. Budapesht: Russica Pannonica, 2009. S. 132–144 (in Russian).
19. Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Belknap Press, 2004.
20. Hartley J. Russia as a Fiscal-Military State, 1689–1825 // The Fiscal-Military State in Eighteenth Century Europe: Essays in Honour of P.G.M. Dickson/ Ed. C. Storrs. Ashgate, 2009. P. 125–146.
21. Krom M.M. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obshcheevropeyskaya model' i regional'nye razlichiya // Novaya i Noveyshaya istoriya. 2018. № 4. S. 3–15 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 31.33.338.1

ГРНТИ 83.35.29

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-75-86



**М.Ю. АРХИПОВА,
Е.Н. ЯМБУРЕНКО***

Сопоставление и классификация экономик мира по уровню развития электронной коммерции

Стремительная цифровизация глобальной экономики сопровождается повышением значимости и доли электронной коммерции в мировой торговле. Международные организации и правительства видят в электронной торговле потенциальный драйвер экономического роста и повышения благосостояния стран, а также эффективный инструмент комплексного догоняющего развития. Однако на сегодняшний день в научном и политическом сообществах нет единой позиции в отношении того, какие факторы являются ключевыми для развития цифровой коммерции и каким образом наиболее эффективно решать политико-регуляторные вопросы, оказывающие на неё влияние.

В рамках работы авторами поставлена задача сопоставить и классифицировать экономики стран мира по уровню развития электронной коммерции с учётом основных аспектов её функционирования, а также протестировать гипотезу о том, что степень активности цифровой торговли значимо различается в экономиках мира ввиду отличий в ключевых факторах формирования цифровой экономики. Методы исследования определяются поставленной целью и относятся к области сравнительного анализа, произведённого с помощью методов многомерной классификации объектов, в частности, с использованием агломеративных иерархических алгоритмов. При интерпретации результатов дополнительно задействуется логико-интуитивный метод обобщения и построения заключения.

Результаты данного исследования представляют интерес для международных и национальных правительственных и неправительственных организаций, деятельность которых направлена на достижение целей развития глобальной, региональной и/или национальной экономики, и могут служить отправной точкой для последующих исследований, детализирующих находки данного проекта.

* **Архипова Марина Юрьевна** — доктор экономических наук, профессор Департамента статистики и анализа данных Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор кафедры экономики и финансов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, руководитель проекта «Современные тенденции и социально-экономические последствия развития цифровых технологий в России» (18-10-00564а).
E-mail: archipova@yandex.ru

Ямбуренко Елена Николаевна — магистрант и аспирант Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, исполнитель того же проекта.
E-mail: elena-yamburenko@yandex.ru

Ключевые слова: электронная коммерция, страны мира, развитие, классификация, кластерный анализ, агломеративные иерархические алгоритмы

Введение

На фоне технологического прогресса и стремительной цифровизации экономики электронная коммерция приобретает всё больший вес и значимость. На сегодняшний день в рамках международного права нет общепринятого определения термина «электронная коммерция», однако Рабочая программа по вопросам электронной коммерции (РПЭК) 1998 г., запущенная Всемирной торговой организацией (ВТО) в целях инициирования субстантивного диалога, предложила следующую трактовку: «производство, распространение, маркетинг, продажа или доставка товара или услуги электронным способом» [21, с. 1]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определила электронную транзакцию как «продажу или покупку товаров или услуг, осуществляемую между компаниями, домохозяйствами, индивидуумами, правительствами и другими государственными или частными организациями посредством подключения к компьютерным сетям с помощью специально созданных методов получения и размещения заказов. Товары и услуги заказываются через эти сети, однако оплата и конечная доставка товара и предоставление услуги могут осуществляться и не онлайн» [14, с. 72].

Будучи активно развивающейся индустрией, цифровая торговля несёт в себе огромный потенциал стимулирования роста, и она рассматривается странами и международными организациями одновременно и как открывающаяся возможность, и как серьёзный вызов, в частности, в деле обеспечения устойчивого развития. Примечательно, что электронная коммерция способна при определённых условиях – а именно обеспеченности необходи-

мыми инфраструктурой и институциональной средой – выступить в качестве драйвера экономического роста, однако одновременно с этим, очевидно, является и его производной [16, с. 9]. Инфраструктура и среда в данном случае – довольно широкий набор разнородных элементов, начиная от логистической и транспортной систем и Интернет-покрытия и заканчивая регулированием торговли и уровнем благосостояния населения.

Актуальности вопросу о характере связи между институциональной и экономической средой, с одной стороны, и прогрессом цифровых бизнеса и торговли – с другой, добавляет пример взлёта электронной коммерции в Китае с его значительным положительным воздействием на социально-экономическую ситуацию в стране [6]. Кроме того, на сегодняшний день в научном и политическом сообществах нет единой позиции в отношении того, какие факторы являются ключевыми для развития цифровой экономики и каким образом наиболее эффективно решать политико-регуляторные вопросы, оказывающие на неё влияние [15, с. 86].

Лучшему пониманию особенностей развития электронной коммерции могут способствовать анализ и сравнение положения дел в данной области в странах мира. Представляется актуальным, интересным и важным выявить уровень развития электронной коммерции в странах мира посредством сопоставления и классификации национальных экономик с опорой на показатели, способные отразить ключевые аспекты и факторы формирования цифровой экономики. В рамках исследования выдвинута гипотеза о том, что уровень развития электронной коммерции значительно различается в экономиках мира ввиду отличий в ключевых факторах формирова-

ния цифровой экономики. Результат, подтверждающий гипотезу, позволит классифицировать страны мира по степени развитости электронной торговли и определить черты сходства представителей одной и той же когорты экономик, равно как отличия между группами. Валидация гипотезы осуществляется с помощью статистических методов кластерного анализа.

Обзор литературы

Ввиду очевидной актуальности и даже остроты проблематики измерения объёма и иных сопутствующих индикаторов электронной коммерции соответствующие вопросы вот уже два десятилетия присутствуют в повестке дня ключевых международных организаций в области экономического развития и торговли. Попытки установить разделяемое всеми или, по меньшей мере, большинством государств определение электронной коммерции, что является первым шагом на пути начала сбора мировой статистики в данной сфере, предпринимаются с 1998 г. в рамках ВТО.

Параллельно более активная проработка вопросов оценки функционирования цифровой экономики, включая торговлю, велась Рабочей группой ОЭСР по показателям информационного общества (РГПИО) [14, с. 71], а также в рамках Партнёрства по измерению информационно-коммуникационных технологий в составе таких организаций, как Международный союз электросвязи (МСЭ), Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Институт статистики ЮНЕСКО и др. [11, с. 4]. В частности, благодаря их усилиям в свет вышло несколько изданий сборника «Пособие по производству статистики информационной экономики» [5]. Обзорные доклады предлагают и другие организации, например, амстердамский Фонд Электронной коммерции [7], Международная почтовая корпорация, предсказывающая наибольшие показатели роста в объёме продаж цифровой торговли в 2021 г. Азиатско-Тихоокеанскому региону и США [9].

Тематика факторов и особенностей развития электронной коммерции, в том числе в статистическом её измерении, раскрывается и в специальном посвящённом ей блоге на официальном сайте Всемирного банка [19]. Сложности в области цифровой торговли, с которыми сталкивается развивающийся мир, и характеристики, играющие в этом ключевую роль, изложены в научной статье К.М.Кабанго и А.Р.Аса, однако авторы не предложили методик измерения или сопоставления подобных аспектов [12]. Рынки электронной коммерции США, ЕС и России, а также особенности их сегментирования, в свою очередь, рассмотрены в работе отечественных исследователей А.Е.Перовой и А.Н.Носова [3]. Отдельные показатели объёмов интернет-торговли в мире и ситуация в России описаны также Н.В.Хавановой и Е.В.Бокаревой [4].

Между тем, несмотря на наличие в научно-академических и аналитических кругах устойчивого интереса к проблематике электронной коммерции, нельзя не отметить разнородность подходов к оценке уровня развития и неполноту используемых при этом показателей как с точки зрения характера индикаторов, которые зачастую отражают лишь отдельный аспект, так и с точки зрения странового охвата, что не позволяет комплексно определить и соотнести положение дел в различных экономиках мира. Классификация государств мира по уровню развития цифровой торговли вносит значительный вклад в дальнейшую проработку данной тематики.

Методика исследования

Решение задачи сопоставления и классификации экономик мира по уровню развития электронной коммерции требует широкого использования методологического аппарата статистики и чёткого следования характерным для неё процедурам проведения исследования на всех его этапах, включая отбор данных, их предварительный анализ, непосредственно кластеризацию и оценку её результа-

тов. Ввиду того, что число объектов составляет десятки, а не тысячи, учитывая необходимость разбиения наблюдений на объективно обусловленное, но неизвестное заранее число классов, причём «не по одному параметру, а по целому набору признаков» [2, с. 297], а также важность наглядной интерпретации результатов, в качестве основного метода кластер-анализа были выбраны иерархические агломеративные процедуры, предоставляющие «более полный и тонкий анализ структуры исследуемого множества наблюдений» [2].

Исследовательская работа осуществлялась в четыре этапа. На первом была сформирована выборка по показателям стран мира для проведения кластеризации с учётом степени их соответствия предметной области, а также доступности и полноты. Кроме того, был проведён предварительный анализ распределения наблюдений и парный корреляционный анализ для исключения показателей, демонстрирующих сильную корреляционную связь.

На втором этапе был выполнен кластерный анализ отобранных на первом шаге 96 стран мира по семи признакам с использованием двух метрик – Евклидова расстояния и расстояния Минковского – и следующих семи различных агломеративных иерархических алгоритмов: метода ближнего соседа (одиночной связи); метода дальнего соседа (полной связи); метода межгрупповой средней связи; метода внутригрупповой средней связи; центроидного метода; медианного метода; метода Уорда (также именуется как метод Варда) и метода k-средних.

На третьем этапе полученные результаты были визуализированы и оценены посредством рассмотрения свойства логической интерпретируемости и расчёта таких функционалов качества, как взвешенная сумма мер внутриклассовых дисперсий, суммы квадратов расстояний до центров классов, сумма квадратов попарных внутриклассовых расстояний

между элементами и сумма расстояний между центрами кластеров.

На четвёртом, заключительном, этапе исследования было произведено сопоставление принадлежности представителей выделенных кластеров той или иной группе, классифицируемой Всемирным банком по показателю валового национального дохода (ВНД) на душу населения, на основании чего были сделаны выводы о характеристиках экономик, входящих в каждый конкретный кластер.

Структура данных

Для достижения цели комплексного сопоставления и классификации стран мира по уровню развития электронной коммерции требуется набор достаточно разносторонних данных, позволяющих учесть множество аспектов, которые влияют на цифровую торговлю. Как уже упоминалось выше, на уровне отдельно взятой страны для эффективного функционирования электронной коммерции недостаточно иметь хорошее покрытие территории Интернетом и/или мобильной связью. Крайне важным становится и то, каким образом это покрытие используется: например, есть ли технологически оснащённые компании, способные монетизировать его посредством сбора и выполнения заказов, для чего зачастую помимо всего прочего требуется физическая доставка товаров, в том числе и из-за рубежа. Также цифровая торговля теряет смысл без платёжеспособного спроса на рынке.

Кроме того, для получения корректного представления о положении дел в области электронной коммерции в различных уголках мира необходимым условием является репрезентативность выборки, которая должна включать экономики с различными статусами и с разных континентов. Наконец, по меньшей мере один индикатор, а лучше пара, должны отражать степень интенсивности цифровой торговли в каждой отдельно взятой стране.

С учётом всех описанных выше условий первоначально были отобраны ре-

зультаты 106 стран по 13 показателям за 2016 г. с замещением единичных пропусков имеющимися сопоставимыми значениями за предыдущий или последующий год. В список индикаторов, взятых из аналитической базы данных Всемирного банка WITS (World Integrated Trade Solution) [20], вошли:

1. Количество Интернет-пользователей на 100 человек (база данных Международного союза электросвязи (ITU)).
2. Доля населения, совершающего покупки в Интернете (Индекс электронной коммерции В2С ЮНКТАД) – условное обозначение «Internet Shoppers».
3. Доля населения, которой оказываются услуги доставки почты на дом (База данных Международного почтового союза (UPU)).
4. Оценка трансграничных поставок Международного индекса эффективности логистики (Всемирный банк) – «Int Shipments».
5. Сложность таможенных процедур (Всемирный экономический форум) – «Customs Burden».
6. Использование ИКТ в секторе В2В (Индекс сетевой готовности Всемирного экономического форума).
7. Использование Интернета в секторе В2С (Индекс сетевой готовности Всемирного экономического форума) – «B2C Internet Use».
8. Технологическая оснащённость фирм (Индекс сетевой готовности Всемирного экономического форума) – «Firms' Tech».
9. Результат страны согласно Индексу электронной коммерции В2С ЮНКТАД (ЮНКТАД).
10. Результат страны согласно Индексу развития ИКТ Международного союза электросвязи (база данных Международного союза электросвязи (ITU)) – «ICT Dev Index» [10].
11. Результат страны согласно Индексу сетевой готовности Всемирного экономического форума (Всемирный экономический форум).

12. Результат страны согласно Индексу развития человеческого капитала (Всемирный банк).

13. ВВП на душу населения по ППС по текущему курсу доллара (Всемирный банк) – «GDP per cap» [18].

Предварительный анализ данных

В процессе предварительного анализа распределения данных из выборки был исключён ряд государств, информация по которым была неполной (например, Албания, Азербайджан, Белоруссия, Боливия, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Эфиопия, Киргизия, Панама, Таджикистан) либо содержала экстремальные значения. Выбросы, не относящиеся к экстремальным, (например, крайне низкие показатели Аргентины, Чада, Никарагуа и Венесуэлы по индексу сложности таможенных процедур (рис. 1) или крайне высокие результаты Катара, Люксембурга и Сингапура по показателю ВВП по ППС на душу населения (рис. 2)) удалены не были, так как понизили бы репрезентативность выборки. Таким образом, при отсеивании пристальное внимание обращалось на то, чтобы удаление подобных образцов не оказывало негативного влияния на качество исследования и достоверность его результатов.

Кроме того, по итогам корреляционного анализа список учитываемых показателей был сокращён с 13 до 7 во избежание дублирования взаимосвязанных значений. Так, например, индикатор количества интернет-пользователей на 100 человек ощутимо коррелировал с результатами страны согласно индексам развития ИКТ и сетевой готовности, а показатель использования ИКТ в секторе В2В продемонстрировал положительную связь с индикаторами технологической оснащённости фирм и использования Интернета в секторе В2С. Таким образом, после исключения отчасти дублирующих значения друг друга признаков кластеризация осуществлялась на 96 наблюдениях (в данном случае странах мира) по 7 характери-

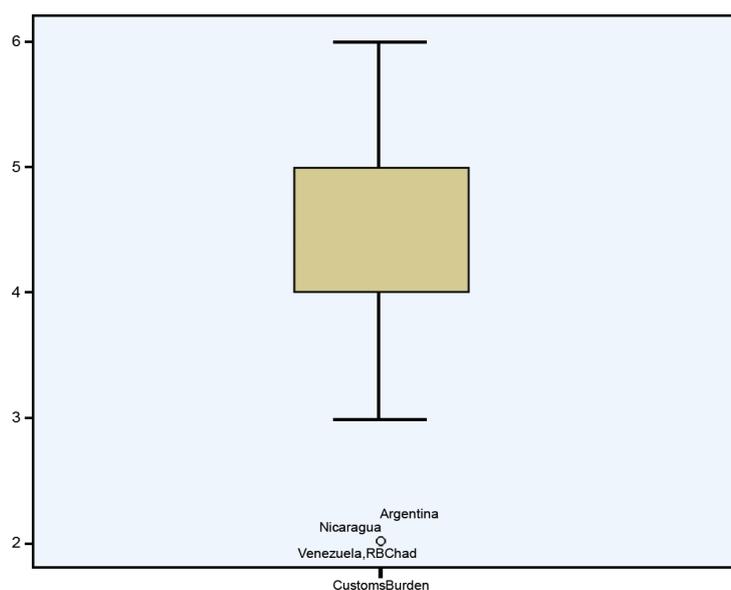


Рис. 1. «Ящичковая» диаграмма по показателю сложности таможенных процедур

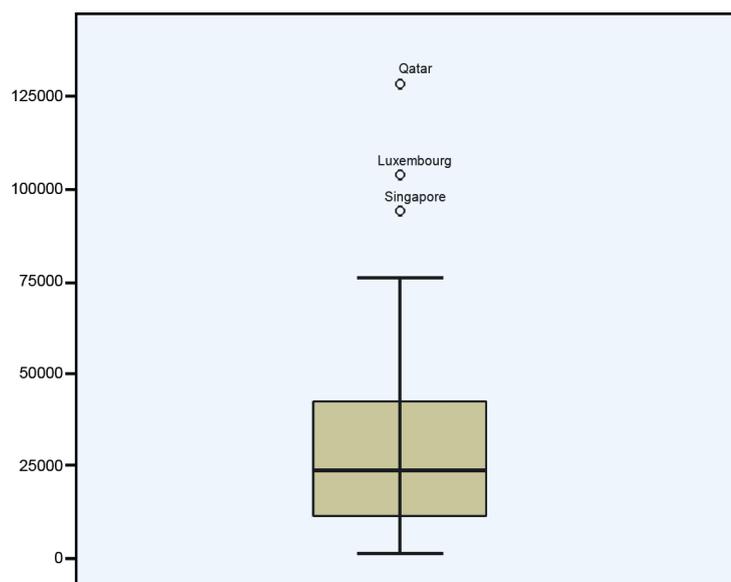


Рис. 2. «Ящичковая» диаграмма по показателю ВВП по ППС на душу населения

стикам: по 2-му, 4-му, 5-му, 7-му, 8-му, 10-му и 13-му показателю из списка.

Следует пояснить, что индикаторами прямого свойства по отношению к уровню развития электронной коммерции служат показатель доли населения, совершающего покупки в Интернете в процентном соотношении, и индекс использования Интернета в секторе B2C (шкала от 1 до 7, где единица отражает отсутствие такового, а 7 — наивысший по-

казатель распространения). Индексные оценки технологической оснащённости фирм (от 1 до 7) и развития ИКТ (от 1 до 10) отражают качество ИТ-инфраструктуры в стране, в то время как оценки эффективности трансграничных поставок (от 1 до 5, где 1 означает наибольшую лёгкость организации конкурентоспособных по цене трансграничных поставок) и сложности таможенных процедур (от 1 до 7, где 7 отражает наибольшую эффективность) дают представление о логистической составляющей среды. Наконец, уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларовом выражении по текущему курсу является пусть и не идеальным, но оптимальным показателем среднего по экономике благосостояния населения.

Обсуждение результатов

По результатам проведённого кластерного анализа отобранной выборки из наблюдений по 96 странам и семи признакам с использованием двух метрик (Евклидово расстояние и расстояния Минковского) и шести различных агломеративных иерархических алгоритмов был выполнен расчёт функционалов качества (табл.). Кроме того, с использованием полученных дендограмм проведена оценка логической интерпретируемости разбиений.

По совокупности параметров за основу был взят результат кластеризации с использованием Евклидовой метрики расстояния в рамках метода Варда, которому наряду с методом k-средних свойственно формировать довольно однородные кластеры со схожим или близким количеством объектов в каждом [8, с. 77, 83, 118]. В данном случае кластер-анализ

Таблица

Функционалы качества разбиений

Метод кластеризации	Функционалы качества разбиения				
	Взвешенная сумма мер внутри классовых дисперсий	Сумма квадратов расстояний до центров классов	Сумма квадратов попарных внутриклассовых расстояний между объектами	Сумма расстояний между центрами классов	Сумма межклассовых дисперсий
Варда (евклидово расстояние)	685242259,9	16138966567,9	204613361767	20,752	486634710,1
к-средних	668673051,3	15798277909,1	389169585045	20,549	489936429,6
Дальнего соседа (евклидово расстояние)	743691187,7	18495106008,0	524825022811	20,619	556235048,1
Средней связи (евклидово расстояние)	635879274,9	14919784924,1	364670173291	20,614	533520425,4
Варда (расстояние Миньковского)	835937474,1	17143320048,9	378082644350	20,574	527605963,4
Дальнего соседа (расстояние Миньковского)	743691187,7	18495106008,0	524825022811	20,619	556235048,1

позволил выделить четыре однородные группы стран.

Рассмотрим каждую из групп более подробно.

В первую группу вошли отстающие рынки электронной коммерции (lagging e-commerce markets) в составе 22 стран, а именно Алжира, Армении, Бангладеш, Боснии и Герцеговины, Габона, Ганы, Гватемалы, Грузии, Египта, Индии, Македонии, Монголии, Непала, Нигерии, Никарагуа, Пакистана, Парагвая, Сенегала, Танзании, Туниса, Уганды, Чада.

Во вторую группу догоняющих рынков электронной коммерции (catching up) вошли 32 государства: Аргентина, Болгария, Бразилия, Венесуэла, Вьетнам, Индонезия, Иордания, Иран, Италия, Казахстан, Кения, Китай, Колумбия, Коста-Рика, Ливан, Марокко, Мексика, Молдова, Перу, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Таиланд, Турция, Украина, Уругвай, Филиппины, Черногория, Шри-Ланка, Эквадор, Южная Африка.

Третью группу составили 11 развивающихся или насыщающихся рынков (inspiring): Бахрейн, Венгрия, Греция, Израиль, Исландия, Кипр, Латвия, Малайзия, Новая Зеландия, Оман, Португалия,

Саудовская Аравия, Словакия, Словения, Хорватия, Чили, Эстония.

Четвёртую группу составили представители 25 развитых рынков электронной коммерции (advanced or developed): Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Канада, Катар, Кувейт, Литва, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, ОАЭ, Сингапур, США, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония.

Анализ средних показателей по кластерам показал чёткие и значимые различия между ними. Как свидетельствуют результаты, наиболее типичными представителями класса отстающих рынков цифровой торговли являются экономики Пакистана и Бангладеш, догоняющих — Колумбии, Мексики, Вьетнама, Таиланда, развивающихся — Венгрии, Словении, Кипра и Чили, наконец, развитых — США, Швейцарии, Австралии, Норвегии и Германии.

Важно также отметить, что четвёртый кластер, в который входят исключительно страны, исторически относящиеся к развитому миру, является наиболее концентрированным и однородным. В кате-

горию насыщающихся рынков цифровой торговли попали преимущественно страны с тесными связями с развитыми партнёрами, будь то члены ЕС или государства, плотно сотрудничающие с США, как, например, Чили, а также экономики с высокими средними доходами, например, Саудовская Аравия, Бахрейн, Оман и т.д. Состав же самой многочисленной группы догоняющих рынков электронной коммерции включает наиболее разнотипные по своим характеристикам государства, костяк которых составляют так называемые «стремительно развивающиеся» (emerging) центры силы: Аргентина, Бразилия, Китай, Индонезия, Иран, Мексика, Перу, Россия, Турция, Южная Африка, к которым ряд источников, например Bloomberg, относит также Филиппины, Польшу, Болгарию, Румынию, Колумбию и др. [13].

Соотнесение принадлежности представителей выделенных кластеров той или иной группе, классифицируемой Всемирным банком по показателю валового национального дохода (ВНД) на душу населения, дополняет картину интересными деталями. Данная классификация подразделяет страны мира на четыре категории в зависимости от уровня ВНД на душу населения – приблизительного индикатора общего благосостояния жителей и национальной экономики [17]. Согласно этой классификации, развитые и развивающиеся или насыщающиеся рынки электронной коммерции являются обладателями наибольших значений ВНД на душу населения, т.е. представляют собой благополучные государства с высоким уровнем жизни и благосостояния населения. В свою очередь, группы догоняющих и отстающих рынков электронной коммерции более разнородны по своему составу, однако если в первой наблюдается выраженное преобладание экономик с ВНД на душу населения выше среднего и полностью отсутствуют страны с низким благосостоянием, то во второй, напротив, ощу-

тимое совокупное большинство составляют государства с ВНД на душу населения ниже среднего и низким уровнем жизни.

Заключение

Результаты проведённого исследования подтвердили гипотезу о том, что страны мира статистически значительно различаются по уровню развития электронной коммерции и могут быть кластеризованы по соответствующим отобраным данным, отражающим ключевые факторы и аспекты функционирования цифровой торговли. Страны мира подразделяются на четыре однородные группы отстающих, догоняющих, развивающихся и развитых рынков электронной коммерции со значимыми отличиями средних показателей между ними и наличием схожих черт внутри кластеров.

Сделанные выводы представляют интерес для международных и национальных правительственных и неправительственных организаций, деятельность которых направлена на достижение целей развития глобальной, региональной и/или национальной экономики, поскольку позволяют классифицировать экономику мира по степени продвинутости в сфере электронной коммерции. Кроме того, результаты исследования свидетельствуют о том, что цифровая торговля неразрывно связана с более широким институционально-экономическим контекстом и, следовательно, способна дать толчок развитию исключительно при наличии начальных благоприятных условий, которые могут быть подготовлены в случае, если власти страны сделают это целью конкретных усилий по созданию необходимой инфраструктуры и среды.

Сделанные наблюдения могут служить отправной точкой для последующих исследований, детализирующих находки этого проекта. Наиболее перспективным направлением подобных работ

в данной предметной области представляется выявление каузальной связи между конкретными институциональными факторами и политическими мерами и прогрессом электронной коммерции в странах мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова М.Ю., Афонина В.Е., Саркисян Ж.М., Афонина Е.В. Инвестиции в инновационном процессе. Монография. М.: Изд-во РУСАЙНС, МГИМО(МИД) России, 2018.
2. Мхитарян В.С., Архипова М.Ю., Дуброва Т.А., Миронкина Ю.Н., Сиротин В.П. Анализ данных. Сер. 58: Бакалавр. Академический курс. М.: Изд-во Юрайт, 2018.
3. Перова А.Е., Носов А.Н. Оценка развития электронной коммерции в международной торговле (на примере США, стран ЕС и России) // Международный научно-исследовательский журнал. Т. 47. № 5. Ч. 1: Май 2016. С. 140–144. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.142> (дата обращения: 14.05.2019).
4. Хаванова Н.В., Бокарева Е.В. Анализ мирового и российского рынка электронной торговли: тенденции и проблемы развития // Сервис в России и за рубежом. Т. 11. № 3 (73). 2017. С. 136–148. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://service-rusjournal.ru/content/number73/1995-042X-11-3-12.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).
5. ЮНКТАД. Пособие по производству статистики информационной экономики: Пересмотренное издание 2009. UNCTAD/SDTE/ECB/2007/2/Rev.1. Нью-Йорк, Женева: ООН, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/sdteecb20072rev1_ru.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
6. AliResearch. Inclusive Growth and E-commerce: China's Experience. April 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org/meetings/en/Contribution/dtl_eWeek2017c11-aliresearch_en.pdf (дата обращения: 24.04.2019).
7. Ecommerce Foundation. Global B2C E-commerce Report 2016. Amsterdam: Ecommerce Foundation, 2016. – 108 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.asendia.at/application/files/9514/8664/1553/Global_B2C_Ecommerce_Report_2016_Full_version.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
8. Everitt B.S., Landau S., Leese M., Stahl D. Cluster analysis. 5th Edition. London: Wiley, 2011.
9. International Post Corporation (IPC). State of E-commerce: Global Outlook 2016-21. IPC, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ipc.be/sector-data/e-commerce/articles/global-e-commerce-figures-2017> (дата обращения: 14.05.2019).
10. International Telecommunication Union (ITU). Measuring the Information Society Report 2016. Geneva: ITU, 2016. 256 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2016/MISR2016-w4.pdf> (дата обращения: 26.03.2019).
11. International Telecommunication Union (ITU). Partnership on Measuring ICT for Development. Geneva: ITU Printing and Dispatch Division, May 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.itu.int/ITU-D/ict/partnership/material/Brochure_partnership_2012_E_web.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
12. Kabango С.М., Asa R.A. Factors Influencing E-commerce Development: Implications for the Developing Countries // International Journal of Innovation and Economic Development. Vol. 1. № 1. April 2015. С. 59–66. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.11.2006> (дата обращения: 14.05.2019).
13. Leite J., Oyamada A., Villamil J. The Trade War Has Sunk Emerging Markets. There's More to Come // Bloomberg. May 17, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-17/the-trade-war-has-sunk-emerging-markets-there-s-more-to-come> (дата обращения: 19.05.2019).

14. OECD. OECD Guide to Measuring the Information Society, 2011. – OECD Publishing, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecdguidetomeasuringtheinformationsociety2011.htm> (дата обращения: 13.05.2019).
15. United Nations. World Economic Situation and Prospects 2018. – New York (USA): UN, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/publication/WESP2018_Full_Web-1.pdf (дата обращения: 24.04.2019).
16. UNCTAD. Maximizing the development gains from e-commerce and the digital economy: Note by the Secretariat. – TD/B/EDE/1/2. – Trade and Development Board, Intergovernmental Group of Experts on E-commerce and the Digital Economy, Geneva, 4–6 October 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdb_edel2_en.pdf (дата обращения: 26.03.2019).
17. World Bank. Country Classification. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data-helpdesk.worldbank.org/knowledgebase/topics/19280-country-classification> (дата обращения: 26.04.2019).
18. World Bank. International Comparison Program database: GDP per capita, PPP (current international). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 26.03.2019).
19. World Bank. World Bank Blogs: e-commerce. 2017–2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/category/tags/e-commerce> (дата обращения: 14.05.2019).
20. World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS) Analytical database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wits.worldbank.org/analyticaldata/evad-countrystats.aspx> (дата обращения: 26.03.2019).
21. WTO. Work Programme on Electronic Commerce Adopted by the General Council on 25 September 1998. WT/L/274 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/ecom_e.htm (дата обращения: 13.05.2019).

ENGLISH

Comparison and Classification of World Economies by E-Commerce Level

Marina Yuryevna Arkhipova – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, National Research University – Higher School of Economics, Professor of the Department of Economics and Finance, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, supervisor of the project “Modern Trends and Socio-Economic Consequences of Developing Digital Technologies in Russia” (18-10-00564a).

E-mail: archipova@yandex.ru

Elena Nikolaevna Yamburenko – Master's degree and postgraduate student of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs, researcher in the same project.

E-mail: elena-yamburenko@yandex.ru

The fast-paced digitalization of the global economy takes place along the growing importance and share of e-commerce in the global trade. International organizations and governments consider e-commerce a potential driver of economic growth and improvements in the national welfare, as well as a smart tool for overall catch-up effect. However, there is little agreement among the today's academic and political communities about any factors that are key to the development of digital commerce and better ways helping to tackle political and regulatory issues that affect it.

Researchers aim at comparing and classifying national economies by the level of e-commerce with due regard to the main aspects of their functioning, as well as testing the hypothesis

that the level of digital commerce varies significantly by the world economies driven by different key factors in the formation of the digital economy. The research methods are goal-dependent and relate to benchmarking performed using multidimensional classification of objects under study, in particular, using agglomerative hierarchical algorithms. Interpreting outcomes involves the logical-intuitive method of generalizing and concluding.

The findings of this study are of interest to international and national governmental and non-governmental organizations driving the global, regional and/or national economies, and can serve as a springboard for further research using the insights obtained in the course of this project.

Keywords: e-commerce, world countries, development, classification, cluster analysis, agglomerative hierarchical algorithms

REFERENCES

1. Arkhipova M.Yu., Afonina V.E., Sarkisyan Zh.M., Afonina E.V. Investitsii v innovatsionnom protsesse. Monografiya. M.: Izd-vo RUSAYNS, MGIMO(MID) Rossii, 2018 (in Russian).
2. Mkhitaryan V.S., Arkhipova M.Yu., Dubrova T.A., Mironkina Yu.N., Sirotin V.P. Analiz danykh. Ser. 58: Bakalavr. Akademicheskii kurs. M.: Izd-vo Yurayt, 2018 (in Russian).
3. Perova A.E., Nosov A.N. Otsenka razvitiya elektronnoy kommertsii v mezhdunarodnoy trgovle (na primere SSHA, stran ES i Rossii) // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. T. 47. № 5. Ch. 1: May 2016. S. 140–144. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.47.142> (data obrashcheniya: 14.05.2019) (in Russian).
4. Khavanova N.V., Bokareva E.V. Analiz mirovogo i rossiyskogo rynka elektronnoy trgovli: tendentsii i problemy razvitiya // Servis v Rossii i za rubezhom. T. 11. № 3 (73). 2017. S. 136–148. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://service-rusjournal.ru/content/number73/1995-042X-11-3-12.pdf> (data obrashcheniya: 15.05.2019) (in Russian).
5. YUNKTAD. Posobie po proizvodstvu statistiki informatsionnoy ekonomiki: Peresmotrennoe izdanie 2009. UNCTAD/SDTE/ECB/2007/2/Rev.1. N'yu-York, Zheneva: OON, 2014. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/sdteecb20072rev1_ru.pdf (data obrashcheniya: 14.05.2019) (in Russian).
6. AliResearch. Inclusive Growth and E-commerce: China's Experience. April 2017. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://unctad.org/meetings/en/Contribution/dtl_eWeek2017c11-ali-research_en.pdf (data obrashcheniya: 24.04.2019).
7. Ecommerce Foundation. Global B2C E-commerce Report 2016. Amsterdam: E-commerce Foundation, 2016. – 108 c. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.asendia.at/application/files/9514/8664/1553/Global_B2C_Ecommerce_Report_2016_Full_version.pdf (data obrashcheniya: 14.05.2019).
8. Everitt B.S., Landau S., Leese M., Stahl D. Cluster analysis. 5th Edition. London: Wiley, 2011.
9. International Post Corporation (IPC). State of E-commerce: Global Outlook 2016-21. IPC, 2017. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.ipc.be/sector-data/e-commerce/articles/global-ecommerce-figures-2017> (data obrashcheniya: 14.05.2019).
10. International Telecommunication Union (ITU). Measuring the Information Society Report 2016. Geneva: ITU, 2016. 256 c. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2016/MISR2016-w4.pdf> (data obrashcheniya: 26.03.2019).

11. International Telecommunication Union (ITU). Partnership on Measuring ICT for Development. Geneva: ITU Printing and Dispatch Division, May 2012. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.itu.int/ITU-D/ict/partnership/material/Brochure_partnership_2012_E_web.pdf (data obrashcheniya: 14.05.2019).
12. Kabango C.M., Asa R.A. Factors Influencing E-commerce Development: Implications for the Developing Countries // International Journal of Innovation and Economic Development. Vol. 1. № 1. April 2015. С. 59–66. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://dx.doi.org/10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.11.2006> (data obrashcheniya: 14.05.2019).
13. Leite J., Oyamada A., Villamil J. The Trade War Has Sunk Emerging Markets. There's More to Come // Bloomberg. May 17, 2019. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-05-17/the-trade-war-has-sunk-emerging-markets-there-s-more-to-come> (data obrashcheniya: 19.05.2019).
14. OECD. OECD Guide to Measuring the Information Society, 2011. – OECD Publishing, 2011. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecdguidetomeasuringtheinformationsociety2011.htm> (data obrashcheniya: 13.05.2019).
15. United Nations. World Economic Situation and Prospects 2018. – New York (USA): UN, 2018. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.un.org/development/desa/dpad/wpcontent/uploads/sites/45/publication/WESP2018_Full_Web-1.pdf (data obrashcheniya: 24.04.2019).
16. UNCTAD. Maximizing the development gains from e-commerce and the digital economy: Note by the Secretariat. – TD/B/EDE/1/2. – Trade and Development Board, Intergovernmental Group of Experts on E-commerce and the Digital Economy, Geneva, 4–6 October 2017. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/tdb_ede1d2_en.pdf (data obrashcheniya: 26.03.2019).
17. World Bank. Country Classification. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/topics/19280-country-classification> (data obrashcheniya: 26.04.2019).
18. World Bank. International Comparison Program database: GDP per capita, PPP (current international). [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (data obrashcheniya: 26.03.2019).
19. World Bank. World Bank Blogs: e-commerce. 2017–2019. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://blogs.worldbank.org/category/tags/e-commerce> (data obrashcheniya: 14.05.2019).
20. World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS) Analytical database. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://wits.worldbank.org/analyticaldata/evad-countrystats.aspx> (data obrashcheniya: 26.03.2019).
21. WTO. Work Programme on Electronic Commerce Adopted by the General Council on 25 September 1998. WT/L/274 [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: https://www.wto.org/english/tratop_e/ecom_e/ecom_e.htm (data obrashcheniya: 13.05.2019).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 303.7
ГРНТИ 04.15

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-87-101



**О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА,
А.И. НИКИТИН,
С.В. ЧУГРОВ***

Современные конгрессы как форма научной коммуникации: отечественный и зарубежный опыт

Коммуникация в рамках крупных международных и национальных научных форумов является одной из эффективных технологий академической деятельности. В статье рассматриваются практика и итоги проведения наиболее крупных отечественных и зарубежных конгрессов, состоявшихся в 2018 г., таких как XXIV Всемирный философский конгресс (Пекин, КНР, август), XXV Всемирный политологический конгресс (Брисбен, Австралия, июль) и VIII Всероссийский конгресс политологов (Москва, Россия, декабрь).

Авторы представляют анализ содержания этих событий в ракурсе обсуждения функций и роли научных конгрессов в развитии социогуманитарных дисциплин, предпринимают попытку объективно оценить организацию конгрессов; оценить содержание и качество проведения российского конгресса в контексте развития международного политологического сообщества. Авторы анализируют сходства и различия всемирных и всероссийских конгрессов и приходят к выводу, что всероссийские конгрессы политологов содержательно и функционально за последние два десятилетия вышли на уровень, во многом сопоставимый с уровнем конгрессов всемирных. Про-

* **Гаман-Голутвина Оксана Викторовна** — доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), руководитель проекта «Политические элиты как предмет компаративного анализа: методология и методы исследования. Стратегии и технологии эффективного управления» (17-03-00746а).
E-mail: ogaman@mail.ru

Никитин Александр Иванович — доктор политических наук, директор Центра Евроатлантической безопасности Института международных исследований МГИМО МИД России, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор МГИМО и МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Формирование публичного дискурса в Интернет-пространстве по вопросам внутренней политики России и международной политики» (19-011-31140).
E-mail: an@inno.mgimo.ru

Чугров Сергей Владиславович — доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России, руководитель проекта «Политическая идентичность в Японии: динамика ценностей и традиций (в перспективе российско-японских отношений)» (19-011-31666).
E-mail: new-polis@politstudies.ru

ведённый анализ даёт основание для суждения о желательности расширения повестки отечественной политологии за счёт включения в орбиту рассмотрения политических измерений постцифрового диалога культур и глубокой трансформации мирового порядка.

Ключевые слова: научные форумы, Конгресс МАПН в Брисбене, Всемирный философский конгресс в Пекине, Конгресс РАПН

Согласно коммуникационной парадигме изучения политики, значение коммуникации состоит не просто в том, что она является инструментом общения, но главное — она существенно влияет на содержание послания. В 1960-х гг. профессор университета Торонто М. Маклюэн сформулировал положение, согласно которому «средство коммуникации является сообщением». В этом смысле технологии передачи информации изменяют символическое окружение человека и сенсорный баланс его жизни, формируя его восприятие и влияя на его поведение. При этом прогресс средств коммуникации постепенно способствует расширению сознания как человека, так и общества [1].

Каждый год в мире происходят сотни тысяч научных конференций, однако конгрессы всероссийского, а тем более всемирного масштаба — явление особое, нечастое. В прошедшем году почти одновременно состоялись XXV Всемирный политологический конгресс (Брисбен, Австралия, июль 2018 г.), XXIV Всемирный философский конгресс (Пекин, КНР, август 2018 г.), а в декабре 2018 г. в Москве был проведён VIII Всероссийский конгресс политологов с представительным международным участием.

Всемирные конгрессы в ретроспективе

На XXV Всемирном политологическом конгрессе состоялось 516 заседаний, на которых были представлены 2095 докладов. Всего же в австралийский Брисбен при-

были 2239 учёных. А Всемирному философскому конгрессу в Пекине масштабность придало массовое участие китайских учёных, преподавателей и студентов (зарегистрировались 7352 человека, прислали тезисы, и 4537 из них прибыли в Пекин). В числе его участников — 161 докладчик из России.

У всемирных философских конгрессов более долгая биография, чем у политологических. Первый из них состоялся в Париже в 1900 г. В разные годы с докладами на конгрессе выступали великие учёные и философы XX столетия, в том числе Анри Пуанкаре и Анри Бергсон. Эти форумы имеют более продолжительный, чем политологические, цикл — раз в пять лет. Лишь в XXI в. они впервые проведены за пределами Европы — в мегаполисах Азии: Стамбуле (2003), Сеуле (2008) и Пекине (2018), что вовлекло в их орбиту учёных из азиатских стран.

Международная ассоциация политической науки (МАПН, International Political Science Association — IPSA) возникла на базе ЮНЕСКО в 1949 г., а первый Всемирный политологический конгресс, в котором участвовали представители 23 государств, состоялся в 1950 г. В период холодной войны и последовавшей разрядки напряжённости они испытывали влияние идеологического противоборства. Важной вехой стало проведение в 1979 г. XI конгресса МАПН в Москве. Ключевую роль в его организации сыграл Г.Х. Шахназаров, один из основателей Советской ассоциации политических (изначально «государствовед-

ческих») наук, предшественницы Российской ассоциации политической науки – РАПН, и многолетний руководитель этой организации. В 1988 г. Всемирный политологический конгресс проводился в Вашингтоне, а в последние десятилетия – в Квебеке (Канада, 2000), Сеуле (Республика Корея, 2003), Фукуоке (Япония, 2006), Сантьяго (Чили, 2009), Мадриде (Испания, 2012), Монреале (Канада, 2014), Познани (Польша, 2016).

Всемирный конгресс: взгляд изнутри



Сквозная тема Всемирного политологического конгресса 2018 г. – «Границы и разделительные линии». Особенно ярко она прозвучала при обсуждении проблем трансграничной миграции (законной и незаконной), межэтнических отношений и конфликтов, территориальных притязаний, а также тематики национальной, социальной и куль-

турной идентичностей, международной безопасности, геополитических сдвигов и роли военной силы в политике.

Немало выступлений европейских участников было посвящено «трещинам» в европейской интеграции (отнюдь не только «брекзиту»), неудачам политики мультикультурализма, волне «популизма» разного толка в различных странах и культурах (фото 1). В широко представленной тематике «цифрового века» доминировали, однако, не технологический оптимизм, а сетования на разнообразные формы «цифрового неравенства», искажение информации и ограничения свобод информационного обмена. Оживлённое обсуждение вызвал вопрос: если в коммуникационной среде растёт доля фейков и постправды, то как это сочетается с принципами свободы слова? Больше свободы – больше постправды и искажённой информации?

Показательно и то, какие темы вовсе не были представлены или представлены в заметно меньшем объёме по срав-



Фото 1. Российские участники XXV Всемирного политологического конгресса (Брисбен)

нению с прежними конгрессами. Меньше стало проблематики ООН и глобального управления, транснациональных институтов. Её потеснила волна внимания к национализму, суверенитетам, границам, ролевым функциям государства и общества (в частности, к вопросу, должно ли государство передавать свои функции гражданскому обществу и придерживаться принципа *laissez-faire* – невмешательства). Не достаточно прозвучала экологическая, «зелёная» проблематика – видимо, в мире, где обострились межгосударственные и межэтнические противостояния, вопросы отношений с природой уже не кажутся приоритетными. Ранее доминировавший дискурс научно-технической революции трансформировался в обсуждение компьютерных технологий, искусственного интеллекта. И – как ни странно – не слишком широко на конгрессе обсуждались вопросы демократизации и авторитаризма.

Не стали объектом какого-либо широкого обсуждения разные формы ислама, включая радикальный, что, возможно, связано с ограниченным присутствием на конгрессе в Австралии участников из арабских стран, ближневосточного и африканского макрорегионов в целом. Проблематика терроризма из приоритета, каким она была на конгрессах, проходивших вслед за террористическими актами 2001 г., превратилась, скорее, в «фоновую» тему, которая время от времени упоминалась, но не доминировала.

На конгрессе в Брисбене, как и на прошлых форумах МАПН, высокий интерес вызвали секции, на которых обсуждались проблемы взаимодействия культуры и политических институтов в эпоху постмодерна, а также вопросы восприятия и интерпретации чужих ценностей в диалоге цивилизаций [2, 3].

Следующий политологический конгресс состоится в 2020 г. в Лиссабоне (Португалия).

Всемирный философский конгресс и китайская специфика



Всемирные философские конгрессы организует Международная Федерация философских обществ, в рамках которой налажено активное и достаточно демократичное самоуправление, а также постоянно присутствует ориентация на межкультурное взаимопонимание. Характерная деталь: в программе пекинского конгресса обращения президента Федерации (ирландца Дермота Морена) и руководителей китайского Оргкомитета были опубликованы на шести языках, в том числе русском, и все шесть заявлены на конгрессе как официальные языки.

Китайский член Исполкома Федерации предложил многозначную тему – «Learning To Be Human», что можно перевести и как «Учиться быть человеком» и как «Учиться гуманизму». Эстетически целостной формулой воспринимались пять тем пяти пленарных заседаний: «Духовность», «Я», «Сообщество», «Природа», «Традиции».

Впрочем, обсуждались и авангардные темы, например «Рен, Убун-Ту, Любовь и Сердце» (пленарное заседание, посвящённое философии любви в контексте различных цивилизаций). Вызовом привычному философствованию воспринималась и тема «Человеческое, нечеловеческое, постчеловеческое» (сталкивались идеи Ницше, искусственного интеллекта и Фукуямы [4]).

Ярко проявилась региональная специфика: на пекинском конгрессе в темах десятков секций звучали и даосская, и буддистская философия, конфуцианство, философские идеи эпох Хань и Цин. При этом не будем забывать, что Китай официально всё ещё строит «социализм с китайской спецификой». Секций марксистской философии параллельно проводилось целых шесть, поскольку одна не могла вобрать всех желающих выступить. 200-летие со дня рождения К. Марк-

са было заявлено как юбилейная дата всего конгресса, и прежний президент Международной федерации философских обществ посвятил свою президентскую лекцию вкладу Маркса в развитие мировой научной мысли.

Чему политологическим конгрессам стоит поучиться у философских в организационном плане, так это разделению на группу *Секций для заявленных участниками докладов* и другую группу – *Секций с приглашёнными докладчиками*. Разница в том, что секции с приглашёнными докладчиками были не «сборными корзинами» с любыми заявленными докладами, а именно искусно выстроенными тематическими сессиями, на которые организаторы «поштучно» и заранее пригласили из различных стран наиболее авторитетных специалистов по конкретным темам. В результате получились высокого уровня мастер-классы.

Всероссийский, но и международный



С 2006 г. Российская ассоциация политической науки заметно расширила формат всероссийских политологических конгрессов, приблизив их структуру по многим параметрам к принципам организации всемирных форумов. Была создана система перекрёстного многократного рецензирования и отбора заявок силами Экспертного совета РАПН; эффективно работает система Исследовательских комитетов, инициирующих основные секции конгресса; введены форматы дебатов, публичных лекций и др., близкие к тем, которые существуют в МАПН.

Для участия в VIII Всероссийском конгрессе политологов в Москве зарегистрировали заявки и тезисы около 1500 по-

литологов, из которых около тысячи выступили с докладами на заседаниях в МГИМО МИД России и Финансовом университете при Правительстве России (конгресс проводился на двух площадках) (фото 2). В рамках Международной программы более 150 иностранных участников из 37 стран в различных формах приняли участие в Конгрессе. Среди представленных стран – Армения, Азербайджан, Великобритания, Германия, Иран, Испания, Италия, Казахстан, Канада, Монголия, Норвегия, Польша, США, Турция, Украина, Франция, Швеция, Швейцария и многие другие.

С точки зрения научного взаимодействия с зарубежными коллегами особенно важно, что на Конгресс по приглашению РАПН прибыли действующий Президент Международной ассоциации политической науки (в 2018–2020 гг.) проф. М. Кноер (ФРГ) (фото 3), а также проф. И. Туран (Турция), который занимал должность Президента МАПН в 2016–2018 гг.; председатель Исполкома Европейского консорциума политических исследований (ЕСПР) проф. К. Дешауэр (Бельгия)¹. Научная программа Конгресса предусматривала специальные международные секции (с синхронным переводом) и международный круглый стол по прогнозированию в сфере международных отношений.

В силу актуальности особо многолюдной стала секция «Как избежать дестабилизации в ядерной сфере», посвящённая обсуждению решения США выйти из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД). Почву для обсуждения подготовили выступления директора Программы исследований в сфере безопасности Белферовского центра Гарвардского университета С. Миллера и ведущего исследователя Гуверовского института Стэнфордского университета С. Краснера.

¹ В выступлениях они отметили высокий уровень организации Конгресса, представленность разных политологических субдисциплин и широкие профессиональные связи российских политологов с мировой политической наукой.



Фото 2. Пленарное заседание VIII Всероссийского конгресса политологов (Москва)

Состоялась рабочая встреча президента ИМЭМО им. Е.М.Примакова А.А.Дынкина и научного руководителя Института США и Канады РАН С.М.Рогова, а также генерал-лейтенанта (в отст.) Е.П.Бужинского с руководством международного Пагуошского движения учёных. Заместитель председателя Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН, представитель РФ во Всемирном Пагуошском Совете учёных проф. А.И.Никитин представил обстоятельный доклад по итогам многолетних исследований отечественных и зарубежных специалистов по тематике международной безопасности в ядерной сфере [5–7].

На секции «Дилеммы современного миропорядка» выступили учёные из Чехии, Польши, Ирана, Афганистана, Италии, Греции и других стран, а курсы новых независимых государств в свете политики мировых держав обсудили политологи из стран Центральной Азии и Южного Кавказа, а также Украины, Белорус-

сии, Молдовы. На круглом столе «Ведущие практики прогнозирования в теории международных отношений», где основной доклад сделал У.Уолфорт (США), рассмотрены пределы предсказуемости ситуации.

Тематическая мозаика

Анализ тематики Всероссийского политологического конгресса наводит на размышления, что общая тема – как на всемирных, так и на всероссийских конгрессах – традиционно формулируется весьма широко, чтобы максимальное число участников нашло своё место в этой проблематике. На Всероссийском конгрессе такой теме – «Политика развития, государство и мировой порядок» – были посвящены 18 секций. Среди них – «Общественное развитие: современные теории и политические проекты», «Развитие без политики: кризис неолиберального политического порядка», «Международные интеграционные стратегии

России для развития», «Восток как пространство мировой политической конкуренции», «Европейский вектор развития и политика России» и др.

Проблемам мирового порядка были посвящены в основном выступления иностранных участников в рамках пленарных заседаний и специальной секции «Дилеммы современного миропорядка» [8]. Интересно, что на Всероссийском конгрессе, как и на Всемирном, прозвучало немало критики в адрес «творцов» нынешнего миропорядка, прежде всего США. Почти не были слышны привычные ранее аргументы в защиту либерального и мультикультурного мироустройства. Напротив, темы, посвящённые захлестнувшим Европу потокам миграции, терроризма, конфликта цивилизаций, устаревания традиционных международных институтов, звучали явственно и рельефно. Практически все участники исходили из того, что полицентричность мироустройства сложилась и что одним из полюсов мирового притяжения и влияния стала Россия, наряду с США, Китаем,

Евросоюзом и, возможно, Индией и исламским миром.

Как у российских, так и у зарубежных, в том числе американских, исследователей не было сомнений, что миропорядок вступил в стадию кризиса. Однако если учёные из стран постсоветского пространства кризис миропорядка ранее связывали прежде всего с распадом Советского Союза, эрозией коммунистической идеологии, разрушением биполярной стабильности [9, 10], то в выступлениях многих западных участников сохранялась уверенность, что нынешний миропорядок эволюционирует со времён создания ООН после окончания Второй мировой войны, а распад СССР в 1991 г. и тем более новый кризис в отношениях Россия—Запад в 2014 г. не воспринимаются как водораздел в развитии мировой системы.

Отмечая особое внимание участников к проблематике цифровизации политики, Интернета и его регулирования, «электронного правительства» и искусственно-го интеллекта [11], которая пока недостаточно обсуждается в отечественной политологической литературе, что отмечают наблюдатели [12], укажем, что на Всемирном философском конгрессе этот акцент прозвучал наиболее явно.

Поскольку на Всероссийский конгресс приезжают учёные из десятков регионов, существенное внимание в его программе было уделено региональной политике и изменениям в российской регионалистике. Традиционно существенное внимание участников, как и ранее [13], привлекают вопросы реформирования систем государственного управления и процессы формирования властных элит [14, 15].

Обращает на себя внимание некоторый европоцентризм подходов наших исследователей — как тематически, так и с точки зрения методологии и дискурса. Ази-



Фото 3. Выступление Президента МАПН М. Кноер на Всероссийском конгрессе политологов

атская политика и цивилизации, столь многоаспектно и широко представленные (по понятным причинам географии участия) на философском конгрессе в Китае и политологическом – в Австралии, на Всероссийском конгрессе звучала в меньшем объеме. Правда, в рамках международной программы московского форума на секции с участием политологов из России, Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана, Армении обсуждались проблемы Центральной Азии и Кавказа, а вклад коллег из Приднестровья, восточной Украины, Армении и Азербайджана проявился в обсуждении судьбы непризнанных или частично признанных государств (например, О.В. Онопко, Я.О. Галинский [15, с. 395, 126]).

Доклады участников из Ирана, Ирака, Афганистана, с точки зрения методологии и понятийного аппарата, не содержали какого-либо «восточного колорита». А С.Лотфиан из Тегеранского университета подчеркнула, что в хрестоматиях по политологии, по которым ведётся обучение в Иране, на первых местах те же имена О.Конта, М.Вебера и совсем немного ссылок на исламские источники.

Весьма востребована относительно новая для отечественной политологии категория «идентичность». Она многократно и разнообразно трактуется исследователями и в этническом, и в этическом (Л.Е.Ильичева, В.С.Комаровский), и в геополитическом смысле (например, построение «каспийской идентичности», «идентичности Большого Средиземноморья»), и в цивилизационном («исламская идентичность» у З.А.Жаде и Н.А.Козловой) [16, с. 194, 265], «славянская идентичность» (Я.А.Бурляй) [Там же, с. 97]. Почти сошёл «на нет» поиск «новой русской идеи». Немного было и докладчиков, напрямую ставивших проблемы русской диаспоры в новых независимых государствах. Концепция «Русского мира» обсуждалась скорее в ключе распространения языка и культуры за рубежом, чем в ключе политической самоидентификации русских

в ННГ как политического актора или политической силы (Н.В.Ерёмина) [Там же, с. 191].

А вот традиционная для европейской политологии проблематика прав человека была представлена на Всероссийском конгрессе в заметно меньших масштабах, чем на форумах предыдущих лет (хотя нельзя не отметить доклады А.Ю.Сунгурова и Н.И.Мустафаевой [Там же, с. 517, 366]), что в целом коррелировало с соответствующей переменной и на всемирных конгрессах. Эта проблематика, доминировавшая в 1990-е гг., стала обрастать иной терминологией, а словосочетание «права регионов» встречается в темах докладов чаще, чем «права человека».

Новый объект изучения, которому посвятили доклады Я.И.Ваславский, Б.И.Ананьев, – санкции, в частности санкции США и ЕС в отношении России и ответные российские контрсанкции [Там же, с. 104], а в МГИМО даже введён учебный курс «Санкции в международных отношениях».

На Всероссийском конгрессе было мало тем, затрагивающих политическую роль религии (например, А.А.Маковский [Там же, с. 322]). И в этом – резкий контраст с Всемирным философским конгрессом, где религиозная и околорелигиозная тематика разного толка почти доминировала.

Гендерная проблематика на Всероссийском политологическом конгрессе присутствовала, хотя в заметно меньшей пропорции, чем на всемирных политологическом и философском конгрессах.

В методологическом ракурсе

Остаётся спорным представление о том, насколько укоренённой в сознании постсоветских политологов осталась марксистская парадигма: её чаще можно обнаружить в периферийных установках, например в интуитивном признании примата интересов общества и коллективных прав перед правами отдельного человека, слабой атрибуции конкурен-

ции в экономике и оппозиции в политике в качестве ценностей и т.п. Самыми распространёнными методологическими направлениями остаются институционализм и его вариации, а в международных исследованиях — политический реализм. А вот сторонники конструктивизма в своих докладах на Всероссийском конгрессе исходили из конструируемости политической реальности, категорий и имиджей (О.В.Рябов, И.В.Самаркина, Н.Н.Кулакова [Там же, с. 466, 478, 293]).

Считанное число докладов можно отнести к бихевиористскому направлению и психологическому анализу политики (Е.Б.Шестопад; А.М.Шаяхметов [Там же, с. 585, 580]). Немногочисленными были доклады по применению в политологии математических методов и компьютерному моделированию политических процессов. Этим конгресс в Москве несколько отличался от всемирного (в Брисбене, к примеру, на протяжении пяти дней ежедневно шли брифинги по использованию новых цифровых продуктов и программ).

Важно и то, какие темы были ограничено (по разным причинам) представлены на конгрессе в Москве. Скучно присутствовала проблематика ООН и ОБСЕ¹. В отличие от прежних конгрессов, где вопрос расширения НАТО звучал постоянно, на этот раз атлантическая тема практически отсутствовала, как, впрочем, и тематика таких международных организаций, как ОДКБ, ШОС и ЕАЭС. Столь усечённый профиль повестки дня, возможно, объясняется тем, что специалисты по этим сюжетам ориентировались на другой конгресс — конвент Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), который проходит в МГИМО каждые два года. В то же время проблематика Евросоюза на политоло-

гическом конгрессе всё же прозвучала достаточно уверенно. Это косвенно свидетельствует о том, что структура отечественного социогуманитарного знания и политической науки органично включает проблематику мировой (и особенно европейской) политики, тогда как узкоспециализированная тематика (военно-политические и т.п. сюжеты) остаётся предметом изучения теории и истории международных отношений.

Функции конгрессов — не устарели ли?

Очевидно, что XXV Всемирный политологический конгресс в Брисбене и XXIV Всемирный философский конгресс в Пекине — события планетарного значения. VIII Всероссийский политологический конгресс хотя и прошёл в рамках научного сообщества лишь одной из стран и был естественным образом менее крупным, однако и он стал научным событием, выходящим далеко за пределы России. Сопоставим функции этих форумов.

Можно отметить следующие уникальные функции научных конгрессов:

(1) составление панорамы (или складывание тематической «мозаики») всей научной отрасли (институций, людей, идей, проектов), что даёт возможность *уточнить и актуализировать содержание и границы предметных полей соответствующих наук;*

(2) *представление нового знания, ознакомление участников с ведущими (и инновационными) тенденциями развития научной отрасли;*

(3) *установление связей между университетами, институтами, сетями, проектами (то, что англо-саксонские коллеги называют *Institutional Networking*);*

(4) *личное знакомство и научное взаимодействие учёных разных стран;*

¹ Москва была одним из основателей в 1975 г. Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ, ранее СБСЕ). Но примерно с 1999 г. (со Стамбульского саммита) отношения России с ОБСЕ стали натянутыми, а не столь давно усугубились в связи с деятельностью наблюдательной миссии ОБСЕ (около 700 наблюдателей) на Украине.

(5) «*вертикальная и горизонтальная научная мобильность*»: коммуникация в рамках общих дискуссий молодых, начинающих и опытных, маститых учёных, возможность для рядовых исследователей или преподавателей представить свои идеи корифеям области, а учёным из стран с быстро растущими рынками и из региональных университетов — непосредственно пообщаться со «столичными мэтрами»;

(6) предъявление научному сообществу *новой научной литературы* по специальности (на конгрессах всегда организуются выставки-продажи книг ведущих мировых издательств);

(7) совершенствование методов и содержания *преподавания* научных дисциплин; обмен программами, методиками преподавания, знакомство с новыми учебниками, хрестоматиями, обновление участниками-преподавателями списков рекомендуемой студентам научной литературы;

(8) проведение встреч и заседаний *специализированных научных сообществ* (ассоциаций, исследовательских комитетов и пр.);

(9) *финансирование международных научных ассоциаций*; сбором членских взносов и «взносов участника конгресса» международные ассоциации регулярно пополняют свою «казну»;

(10) «*научный туризм*» — возможность «под мероприятие» посмотреть и глубже понять новую страну или континент, благородное основание для самостоятельного путешествия; вокруг научных конгрессов сложилась целая индустрия околоконгрессных экскурсий.

Как видим, функции научных конгрессов не только не устарели, но и обретают новые измерения актуальности — как в связи с возросшей ролью коммуникации в современном научном общении, так и в контексте фактического увеличения плотности академических обменов в рамках общего процесса глобализации.

Конгрессы всемирные и всероссийские: точки сходства и различий

Отрадно констатировать: всероссийские конгрессы политологов, организуемые РАПН, за последние два десятилетия вышли на уровень, во многом сопоставимый с уровнем всемирных форумов. Существенно изменился их масштаб — в них принимает участие до тысячи преподавателей и исследователей из более чем 60 субъектов Российской Федерации. Причастность к конгрессам РАПН стала достижимой «нормой» для политологов страны (функции 1 и 4). Регулярно обеспечивается присутствие ведущих мировых учёных: на всероссийские конгрессы приглашается более сотни иностранных учёных из нескольких десятков стран всех континентов.

На всероссийских политологических конгрессах налажено проведение книжных выставок-продаж профильных издательств. Выполняются функции (3) «межинституционального взаимодействия» — контакт университетов и (8) — встречи научных ассоциаций и сообществ, исследовательских комитетов.

Реализуется «преподавательская» функция (7) — Конгрессы совмещены с сессиями Федерального учебно-методического объединения (ФУМО) по политологии и регионоведению и встречами с руководством и работниками Министерства образования и науки, Высшей аттестационной комиссии и других научных ведомств.

Функция (5) «встраивания» в сообщество молодых политологов выполняется посредством становления «молодёжных мини-конгрессов» — совмещённых с Всероссийскими конгрессами двухдневных Форумов молодых политологов с собственной системой сетевых связей (*networking*) и самоуправления, с возможностью после молодёжного форума без ограничений поучаствовать во «взрослом».

А чем отличаются всероссийские конгрессы от всемирных?

Как правило, на пленарных заседаниях всемирных конгрессов слово берут представители руководства стран/регионов/столиц, в которых проводятся форумы. Уровень представительства нередко зависит от традиций страны — хозяйки конгресса. Так, Всемирный политологический конгресс 2006 г. в Фукуоке приветствовали представители и национальных, и региональных, и городских властей, чем не мог похвастаться Брисбен, где организаторы прибегли к языку метафор при открытии, представив участникам небесспорное шоу на тему истории освоения и обустройства Австралии.

Традиция проведения всероссийских конгрессов с 2012 г. претерпела изменения, что отразило определённый этап в трансформации взаимоотношений РАПН с органами власти и управления и ведущими фондами, поддерживающими научные исследования. Эти отношения на протяжении истории организации менялись — от безусловной поддержки в советские времена (чему во многом организация была обязана Г.Х.Шахназарову) до молчаливого игнорирования в 1990-е гг. — к вполне конструктивному взаимодействию в настоящее время.

Отечественные политологи укрепили сотрудничество с фондами, помогающими финансировать исследования. Так, конгресс 2018 г., как и несколько предшествовавших, прошли при содействии РФФИ, а конгресс 2015 г. — также Фонда президентских грантов. У наших конгрессов иная организация финансирования (функция 9) по сравнению со всемирными: взносы покрывают менее 10% бюджета. Остальная, основная, часть расходов ассоциации оплачивается за счёт привлечения целевых грантов. РАПН, в отличие от МАПН, не «взимает дань» с участников, а скорее поддерживает их (оплачивает гостиницы, питание, частично — транспорт, стимулирует командирование от вузов). Наши конгрессы, как это ни парадоксально, проходят сегодня респектабельнее международных.

Формы, стесняющие содержание?

Очевидно, что сам масштаб анализируемых форумов определяет неизбежно сопутствующие и сложности их организации, что актуализирует обсуждение возможностей их оптимизации. Глобальные конгрессы по определению нечасто становятся лабораторией подлинных открытий, что усугубляется возобладовавшей тенденцией к сокращению практики раздачи распечатанных тезисов или текстов выступлений участников всемирных форумов. Более выигрышно выглядят российские политологические конгрессы, материалы которых издаются, несмотря на затратность этой опции. Отметим для примера «пионерную» сессию по методикам прогнозирования в теории международных отношений на VIII Всероссийском конгрессе с участием новой исследовательской лаборатории МГИМО, объединившей российских и американских учёных.

Пленарные заседания всемирных конгрессов порой посвящены неключевым, скорее «медийным» темам. Например, на Философском конгрессе в Пекине в первый же день обсуждались тематика «сексуальных домогательств» и права женщин на защиту от них.

Ещё одной преобладавшей на философском конгрессе проблематикой — непропорционально приоритетам окружающей действительности — стала тематика искусственного интеллекта и цифровой реальности (десятки секций по этим вопросам шли на китайском без перевода).

Серьёзными проблемами на многочисленных параллельно идущих секционных заседаниях конгрессов остаются крайне широкий подбор тематики и диспропорциональность «научного веса» выступающих. Эти сложности вызваны методом организации всемирных конгрессов, который нуждается в обновлении.

В тех областях, в которых не сложились эффективно действующие исследовательские комитеты, нет и чёткого подбора по тематическим блокам, по масштабу и квалификации учёных.

Организационные вызовы всемирных конгрессов

На Всемирном политологическом конгрессе в Мадриде в 2012 г. Исполком МАПН принял решение о проведении конгрессов каждые два года — прежде интервал составлял три года. По свидетельству членов Исполкома, это решение было принято преимущественно по соображениям финансового плана — более частого сбора взносов участников конгрессов в казну МАПН. Крупный научный форум — разумеется, весьма затратное мероприятие. Но если организаторы наших конгрессов каждый раз борются за получение грантов из российских и международных (а в последние годы — только российских) фондов, то организаторы всемирных конгрессов в полной мере возложили затраты на самих участников. И эту проблему отечественные политологи регулярно ставят перед руководством Всемирной ассоциации.

Между тем, взносы участника Конгресса растут: в 2018 г. они превысили 400 долл. США с каждого учёного. Помимо этого МАПН требует от участников оформить продление членства в Международной ассоциации (причём не на год, а на два — это ещё около 200 долл.). При этом международная ассоциация не помогает (за исключением небольшого числа трэвел-грантов для молодых учёных) ни в оплате авиаперелётов, ни в гостиничном расселении, ни в аэропортовых трансферах. В результате участие во всемирных конгрессах, особенно тогда, когда они проводятся в далёких от России странах (Чили — в 2009 г., Австралия — в 2018 г.), доступно лишь тем российским политологам, которые могут найти финансовую поддержку в крупных федеральных и региональных университетах.

Принятая ранее практика тиражирования тезисов всемирных конгрессов сошла на «нет». Более того, на последнем по времени Всемирном конгрессе в Австралии даже сама печатная его програм-

ма была доступна участникам только за дополнительную плату.

Внутренняя организация была более чёткой на философском конгрессе в Пекине, менее системной — на политологическом в Брисбене. Хотя справедливости ради отметим, что она несколько улучшилась по сравнению с ранее состоявшимися форумами в Мадриде, Монреале, Познани, где ничего невозможно было найти, ибо программы структурировались по «номерным» исследовательским комитетам и «типам сессий», а не по темам или датам/часам.

Проблема перевода между языками (не языками научных специальностей и методологии, а обычными — английским-русским-китайским и др.) на конгрессах стоит довольно остро. Региональные научные сообщества организуют заседания «для своих» — на локальных языках без перевода (китайские участники — на китайском, российские — на русском, индийские — на хинди, в Сантьяго и Мадриде на конгрессах было немало заседаний на испанском).

Эти и целый ряд других вопросов требуют скорейшего решения.

Конгрессы в контексте перспектив российской социогуманитарной науки

При обсуждении итогов научных форумов порой звучат суждения о том, что расширившиеся возможности поиска и трансляции в компьютерных сетях любой текстовой и организационной информации, как кажется, делают не вполне оправданными перелёты тысяч учёных на тысячи километров для того, чтобы поделиться знанием или почерпнуть его. Но, с другой стороны, происходит дальнейшая интернационализация науки и образования, снижается замкнутость научных сообществ, рушатся старые идеологические барьеры (впрочем, возводятся и новые). Это повышает необходимость развивать научное знание и технологии преподавания, академическую мобильность поверх государственных границ. И всемирные конгрессы, многонацио-

нальные и плюралистичные, позволяют оценить убедительность и эффективность своей аргументации в непростой и неподатливой среде иных научных субсообществ (инонациональных, иных методологических, дисциплинарных и междисциплинарных, имеющих свои традиции).

Международные конгрессы представляют собой именно ту площадку, на которой происходит «постцифровой диалог» и приходит понимание того, как стоит совершенствоваться не только содержательную, но и форматно-организационную стороны российских форумов для преодоления обозначенных проблем. Российская наука должна широко и профессионально утверждать себя в мировом масштабе.

Многие западные политологи сетуют на «отсутствие новых больших теорий, “больших идей” и “больших вопросов»» [17, р. 245], когда эпоха постмодерна перерастает не только в эпоху постправ-

ды, но и постцифрового диалога (*post-digitaldialogue*), что, впрочем, даёт основания и для надежды на перемены. «Кто может сказать, когда “пост-что-то” (*post-anything*) начинается или кончается? Но эта частица “*post*” оставляет нам надежду на то, что остаются новые возможности», — утверждает хорватский политолог Петар Яндрич [18, р. 12].

Вместе с тем политология в России достигла значимых высот, особенно, если учесть то, в каких исключительно сложных условиях происходило её становление (в том числе — при фактическом отказе государства от финансирования науки в 1990-е гг.). По целому ряду направлений политической науки можно отметить существенное продвижение, и отечественные специалисты в ряде областей на равных участвуют в интеллектуальном развитии дисциплины наряду с признанными авторитетами мировой науки [19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная политическая наука. Методология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019.
2. Федотова В.Г., Федотова Н.Н., Чугров С.В. Культура, институты, политика // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10>.
3. Чугров С.В. Россия и Европа: диалог о ценностях в пространстве цивилизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 4. С. 157–169. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.04.13>.
4. Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnology Revolution. (1st ed.). New York: Farrar, Straus and Giroux. 2002. P. 130.
5. Nikitin A. Nuclear Disarmament in a Non-Proliferation context: A Russian Perspective // Strategic Analysis. 2010. № 34 (2). P. 202–212.
6. Nikitin A.I., Loukas M.A. Peace support in the new independent states: Different from the rest? // Peace Operations: Trends, Progress and Prospects. Georgetown University Press, 2008. P. 137–151.
7. Никитин А.И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 60 (3). С. 16–26.
8. Никитин А.И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018, № 6. с.32–46.
9. Комаровский В.С., Алексеева Т.А., Бакушев В.В., Валовая М.Д., Гаман-Голутвина О.В. и др. Политология. М.: РАГС, 2002.
10. Сравнительная политология. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2015.
11. Инновационный человек и инновационное общество / Отв. ред. В.И. Супрун. Новосибирск: Фонд Социо-прогностических исследований «Тренды», 2012.
12. Перспективы российской науки как социального и культурного института. Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2014. № 8.

13. Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. Политические исследования. 2012. № 4.
14. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
15. Элиты и общество в сравнительном измерении. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. Сер. Политология России. Москва: РОССПЭН, 2011.
16. Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунцова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект-пресс, 2018.
17. Kristensen, P.M. 2018. International Relations at the End: A Sociological Autopsy // International Studies Quarterly. No. 62. P. 245–259. doi: 10.1093/isq/sqy002.
18. Jandrić, P., Ryberg, T., Knox, J. et al. 2018. Postdigital Science and Education. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/s42438-018-0011-x>.
19. Торкунов А.В. Вызовы социогуманитарной науке в России // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 10 (8–16). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.02>.

ENGLISH

Modern Congresses as Scientific Communication: Domestic and Foreign Experience

Oksana Viktorovna Gaman-Golutvina – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, President of the Russian Political Science Association, supervisor of the project “Political Elites as a Subject of Comparative Analysis: Methodology and Research Methods. Strategies and Technologies of Good Governance” (17-03-00746a).

E-mail: ogaman@mail.ru

Alexander Ivanovich Nikitin – Doctor of Political Sciences, Director of the Center for Euro-Atlantic Security, Institute of International Studies of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Principal Researcher, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of Russian Academy of Sciences, Professor of MGIMO and Lomonosov Moscow State University, supervisor of the project “Formation of Public Discourse in the Web Space on the Issues of Domestic Policy of Russia and International Politics” (19-011-31140).

E-mail: an@inno.mgimo.ru

Sergey Vladislavovich Chugrov – Doctor of Sociology, Professor, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, supervisor of the project “Political Identity in Japan: Evolution of Values and Traditions (through the Lens of the Russian-Japanese Relations)” (19-011-31666).

E-mail: new-polis@politstudies.ru

Communication via large-scale international and national scientific forums is one of the effective technologies in the academic area. The paper explores the practices and outcomes of the largest domestic and foreign congresses held in 2018, such as the 24th World Congress of Philosophy held in Beijing, China, in August, the 25th World Congress of Political Science (Brisbane, Australia, July) and the 8th All-Russian Congress of Political Scientists (Moscow, Russia, December).

The authors analyse the content of these events discussing the functions and role of academic congresses in the development of social-humanistic sciences. They strive to avoid bias in evaluating the organization of congresses, assess the content and quality of Russian congresses against the backdrop of growing international political scientist community. The paper explores the similarities and differences between the global and Russian national congresses. The researchers conclude that the latter have reached a level largely comparable to the global level of world congresses.

ses by their content and functions over the past two decades. The obtained insights provide the basis for judgment on the desirability of expanding the agenda in the domestic political science by including issues of a post-digital cultural dialogue and deep transformation of the global order.

Keywords: scientific forums, IAP Congress in Brisbane, the World Congress of Philosophy in Beijing, the RAPS Congress

REFERENCES

1. Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy i A.I. Nikitina. M.: Aspekt Press, 2019 (in Russian).
2. Fedotova V.G., Fedotova N.N., Chugrov S.V. Kul'tura, instituty, politika // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10> (in Russian).
3. Chugrov S.V. Rossiya i Evropa: dialog o tsennostyakh v prostranstve tsivilizatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. № 4. S. 157–169. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.04.13> (in Russian).
4. Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnology Revolution. (1st ed.). New York: Farrar, Straus and Giroux. 2002. P. 130.
5. Nikitin A. Nuclear Disarmament in a Non-Proliferation context: A Russian Perspective // Strategic Analysis. 2010. № 34 (2). P. 202–212.
6. Nikitin A.I., Loukas M.A. Pace support in the new independent states: Different from the rest? // Peace Operations: Trends, Progress and Prospects. Georgetown University Press, 2008. P. 137–151.
7. Nikitin A.I. Mirotvorchestvo OON: obnovlenie printsipov, reformirovanie praktiki // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. № 60 (3). С. 16–26 (in Russian).
8. Nikitin A.I. Sovremennyy miroporyadok: ego krizis i perspektivy // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018, № 6. S. 32–46 (in Russian).
9. Komarovskiy V.S., Alekseeva T.A., Bakushev V.V., Valovaya M.D., Gaman-Golutvina O.V. i dr. Politologiya. M.: RAGS, 2002 (in Russian).
10. Sravnitel'naya politologiya. Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy. M.: Aspekt Press, 2015 (in Russian).
11. Innovatsionnyy chelovek i innovatsionnoe obshchestvo / Otv. red. V.I. Suprun. Novosibirsk: Fond Sotsio-prognosticheskikh issledovaniy «Trendy», 2012 (in Russian).
12. Perspektivy rossiyskoy nauki kak sotsial'nogo i kul'turnogo instituta. Materialy kruglogo stola // Voprosy filosofii. 2014. № 8 (in Russian).
13. Gaman-Golutvina O.V. Metafizika elitnykh transformatsiy v Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2012. № 4 (in Russian).
14. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity kak ob"ekt issledovaniy v otechestvennoy politicheskoy nauke // Politicheskaya nauka. 2016. № 2. S. 38–73.
15. Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii. Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy. Ser. Politologiya Rossii. Moskva: ROSSPEN, 2011 (in Russian).
16. Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok. Materialy VIII Vserossiyskogo kongressa politologov / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoy, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoy. M.: Aspekt-press, 2018.
17. Kristensen, P.M. 2018. International Relations at the End: A Sociological Autopsy // International Studies Quarterly. No. 62. P. 245–259. doi: 10.1093/isq/sqy002.
18. Jandrić, P., Ryberg, T., Knox, J. et al. 2018. Postdigital Science and Education. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/s42438-018-0011-x>.
19. Torkunov A.V. Vyzovy sotsiogumanitarnoy nauke v Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 5. S. 10 (8–16). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.02> (in Russian).

УДК 342.2; 316.012; 316.422; 94

ГРНТИ 02.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-102-111



Н.С. РОЗОВ, Ю.А. ПУСТОВОЙТ, С.И. ФИЛИППОВ, В.В. ЦЫГАНКОВ*

Революционные волны в Европе и мире как следствия и факторы глобальной модернизации

На основе исторического анализа выделены и типологизированы революционные волны — серии близких по времени революционных событий, имеющих общую причину или служащих причинами друг для друга. Эти волны рассмотрены в двух перспективах: как элементы выделенных в истории шести периодов турбулентности, связанных с ней ритмов модернизации и в отношении внутренних закономерностей, обеспечивающих падение легитимности режима и успех лидеров протеста. На примере модели «Розжиг тушителей» показана причинная цепь, где революционный успех в «дозревших» обществах с высокой нестабильностью и слабой властью охватывает менее «дозревшие» общности, в которых неудача восставших оказывает фрустрирующее воздействие на остальные и гасит волну. Приведены и рассмотрены наиболее яркие примеры волновой динамики: структурные причины и специфика Азиатской волны, сравнение контрастных случаев «Весны народов» и «Арабской весны», сложная взаимосвязь внутренних и геополитических процессов на материале революционных событий в Пруссии 1848–1849 гг. Сформулированы общие принципы взаимосвязи внутренней политической динамики и геополитики в революционный период. В разных обществах и обстоятельствах революционная волна приводит либо к ускоренной модернизации, либо к регрессу (контрмодернизации), либо к противоречивым результатам.

* **Розов Николай Сергеевич** — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, заведующий кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор Новосибирского государственного технического университета (ННИГУ НГТУ), руководитель проекта «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ» (16-03-00318а).

E-mail: nrozov@gmail.com

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления — филиала РАНХиГС (Новосибирск), исполнитель того же проекта.

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Филиппов Сергей Иванович — кандидат философских наук, доцент, заместитель директора гуманитарного института НГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: filippov.nsu@gmail.com

Цыганков Владислав Васильевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Специализированного учебно-научного центра ННИГУ НГТУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: oktava-77@yandex.ru

Ключевые слова: революционные волны, социальная революция, типология революций, экспорт революций, импорт революций, геополитика, периоды турбулентности, макросоциология

Типология революционных волн

Революционные волны — это серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие причины.

Относительно свободное от идеологии предметное изучение революционных волн началось только в последние десятилетия XX в. [1, 2]. Интерес исследователей особенно повысился после волн «цветных революций» 1990–2000-х гг. и «Арабской весны» 2011–2012 гг. [3–6].

Основанием для нашей типологии волн служит связь между революциями в разных обществах [7, 8].

Домино-волны происходят, когда революция в одном обществе (доноре) прямо и непосредственно, через сильный эмоциональный эффект приводит к революции в другом обществе (реципиенте). «Весна народов» 1848–1849 гг. в Западной Европе и «Арабская весна» 2011–2012 гг. служат наиболее яркими примерами домино-волн. В таких волнах нет чьей-то

целенаправленной деятельности по экспорту или импорту революций, они возникают в силу достаточной степени «созревания» обществ и толчка впечатляющих (особенно успешных) революций в соседних и/или политически, культурно референтных обществах.

Наведённые (индуцированные) волны происходят, когда имеет место перенос образцов организации и ведения протестных политических действий (насильственных и/или мирных): либо эмиссары из общества-донора, из державы, спонсирующей революцию, привозят литературу, обучают местных лидеров, активистов, сами могут участвовать в протестах, революционных действиях (*экспорт революции*), либо стремящиеся к революции «паломники» приезжают в общество-донор с победившей революцией за опытом и инструкциями (*импорт революции*). Примерами служат революции, инспирированные, поддержанные Коминтерном, СССР (от Испании 1936 г., помощи маоистам в Китае в 1940-х гг. до афганских событий конца 1970-х гг.), роль Кубы в революциях Латин-

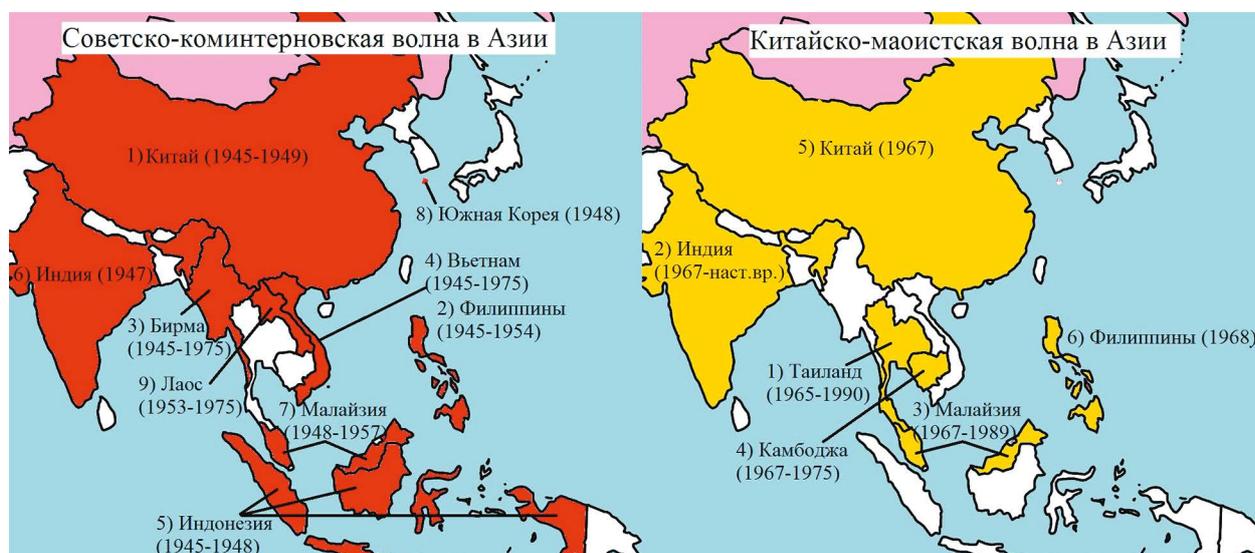


Рис. 1. Две «красные волны» в Азии 1940-х и 1960-х гг.: революции, восстания, партизанские движения

ской Америки и Африки; роль различных организаций, фондов США и ЕС в «бархатных» и «цветных» революциях, роль Саудовской Аравии, Катара, Ирана в революциях арабских стран 2011–2012 гг.

Полемогенные волны (от греческого *πόλεμος* – война) происходят в обществах, вовлечённых в общую войну или серию связанных войн; как правило, в проигрывающих державах (таковы Кемалистская революция в Турции 1918–1923 гг., Ноябрьская революция в Германии 1918 г.), но также вследствие военного напряжения, ослабления имперского принуждения (революционные события в Российской империи 1917–1918 гг., Ирландское восстание 1916 г. и война за независимость против Великобритании 1919–1921 гг.).

Идейные волны происходят при наличии явной преемственности лозунгов, религиозных идей, идеологий, моральных и правовых ценностей, социальных и политических идеалов. Сюда относится также заимствование организационных, институциональных образцов прошлых революций, но образцы эти почерпнуты из книг, а не обязательно из личного общения и взаимодействия (как в наведённых волнах). Реформация в Северной Европе XVI в., буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции, революции в России 1905 г. и феврале 1917 г., в Османской империи 1908 г., в Мексике 1910 г. и Китае 1911 г., связанные с общими идеями перехода к современному типу государства (с конституцией и парламентом), марксистские и советские революции 1910–1930-х гг., национально-освободительные революции 1950–1960-х гг., антикоммунистические революции 1980–1990-х гг. – все представляют собой, прежде всего, идейные волны.

На рис. 1 представлены две последовательные «красные волны» революций и восстаний в Азии. Это – яркие примеры совпадения полемогенной, индуцированной и идейной зависимости. Полемогенную связь даёт завершение Второй мировой войны в Тихом океане – в пер-

вом случае, и Война США в Индокитае – во втором случае. Идейную и индуцирующую зависимость представляют укоренённый ещё с 1920-х гг. кадровый потенциал Коминтерна – в первом случае и организационные меры китайского руководства по поддержке партизанских движений маоистского толка – во втором.

Структурные волны происходят в разных обществах вследствие общих базовых – социально-экономических, геополитических, геоэкономических, технологических, экологических, демографических, культурных – причин. Таковыми причинами могут быть процессы колонизации, быстрого прогресса в военных технологиях (военной революции), коммерциализации, модернизации, индустриализации, урбанизации, роботизации, глобализации, геокультурной экспансии и т.д. Крестьянские и рабочие восстания, антифеодальные буржуазные революции, национально-освободительные движения, как правило, имеют общие структурные причины и образуют соответствующие структурные волны [9].

Реальная история революций, нередко сопровождаемых гражданскими и международными войнами, чрезвычайно многообразна и сложна, что видно на схеме периода, длящегося всего лишь одно поколение (рис. 2).

Глобальная модернизация и периоды турбулентности

Научное осмысление сложных процессов всегда предполагает некое упрощение и схематизацию [10]. Ритм глобальной модернизации за прошедшие пять столетий удобно представлять как чередование *периодов турбулентности*, главными элементами которых являются революционные волны, обычно связанные с большими войнами между ведущими державами, дискредитацией привычных устоев, и *периодов относительной стабильности* внутренних и международных порядков.

Поскольку с XVI в. начинается глобальная экспансия европейских народов, осо-

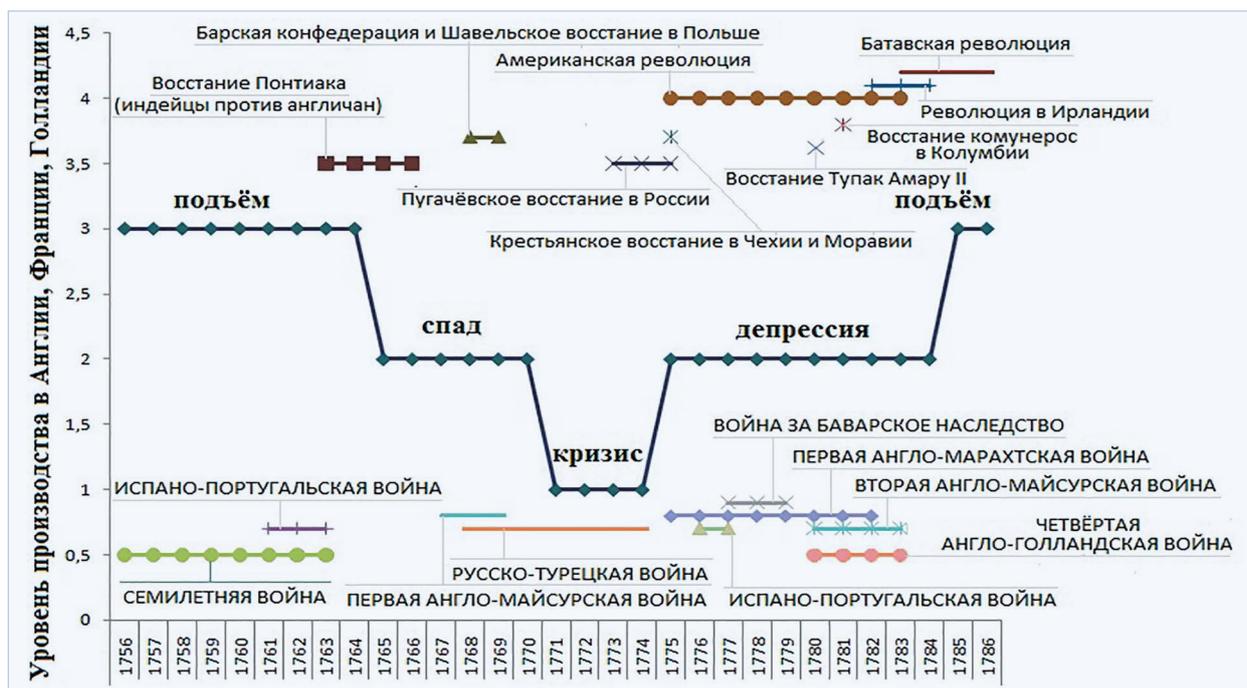


Рис. 2. Соотнесение войн и революционных событий, волн с экономической динамикой в 1756–1786 гг.

бое значение имеют эпохи турбулентности в Европе. Шесть главных периодов турбулентности таковы:

- 1) 1517–1648 гг. (Реформация как первая крупная революционная волна и религиозные войны);
- 2) 1775–1815 гг. (Американская и Великая Французская революции, последующие революционные, наполеоновские войны, деколонизация Латинской Америки);
- 3) 1848–1871 гг. («Весна народов», Крымская война, войны Бисмарка, Парижская коммуна);
- 4) 1914–1921 г. (Первая мировая война, Русская революция и последующая полемогенная волна);
- 5) 1939–1953 гг. (Вторая мировая война, коммунистические революции и Корейская война);
- 6) с 2003 г. (явные напряжения между сильнейшими державами по поводу 2-й Иракской войны, «Арабская весна», движение «Оккупай», волны насилия на Ближнем Востоке, военные действия, передел границ, рост политического напряжения в Европе и мире, волны массовых миграций, экономические, политические, идейные кризисы в ядре ми-

ровой системы как признаки наступления нового периода турбулентности).

Каждый период турбулентности преодолевался посредством утверждения нового международного порядка, новых принципов внутриполитического устройства государств, распространения новых религиозных, социальных, моральных ценностей.

Закономерности волновой динамики

Революционные волны имеют свои закономерности [11]. В качестве примера приведём модель «Розжиг тушителей». Чем выше потенциальная нестабильность и чем менее силён и легитимен режим, тем больше шансов на успех революции, под которым здесь понимается либо захват власти лидерами протеста, либо существенные уступки революционным требованиям со стороны власти. Заразительен для других обществ именно революционный успех, тогда как провал, скорее, фрустрирует потенциальные силы протеста и вдохновляет режим на сопротивление.

Получаем такую причинную цепь динамики роста и угасания: чем шире рас-

пространяется «революционный пожар», тем менее «дозревшие» общества охватываются волной, тем скорее революции в них будут неуспешными, тем более фрустрирующее влияние они оказывают на остальные общества, тем слабее в них решимость к открытым политическим протестам, что и означает угасание и прекращение революционной волны (рис. 3).

Подавление революции 1848 г. в Пруссии и других германских государствах, победа Австрии над восставшими итальянцами в Пьемонте, над чехами в Праге и поляками в Галиции явно сыграли роль в угасании всей европейской «Весны народов» [12].

«Арабская весна» 2011 г. началась громкими успехами революций в Тунисе и Египте, но затем также охватила Бахрейн (протесты подавлены при содействии саудовской армии), Ирак, Сомали, Кувейт, Западную Сахару, Ливан, где выступления ни к чему не привели, что снизило решимость открыто протестовать в других арабских обществах.

Методология макросоциального анализа позволяет сопоставлять между собой случаи, отдалённые в пространстве и времени, при наличии значимых структурных сходств [10]. Сравнительный анализ обществ, охваченных волнами «Весны народов» и «Арабской весны» (таких как Пруссия, Сирия) и выстоявших (Российская империя, Иордания), позволил выделить глубинные механизмы причин и закономерностей революций во взаимосвязи внутренних и внешних факторов.

«Весна народов» 1848–1849 гг. и «Арабская весна» 2011–2012 гг.: общие паттерны динамики

Обеим волнам предшествовал общий комплекс причин: экономический кризис¹, быстрые темпы обнищания город-

ского населения, распространение новых медиа (газет — в середине XIX в. и социальных сетей, мобильной связи — в начале XXI в.), распространение социально-политических идей (социализма, демократии).

Некоторые относительно благополучные страны без явных признаков делегитимации режимов, такие как Пруссия в «Весне народов» и Сирия в «Арабской весне», все же были охвачены этими революционными волнами. Наряду с известными демографическими и социально-экономическими факторами, эффектом «домино» (громкие успехи революций во Франции в первом случае, в Тунисе и Египте — во втором) следует отметить первостепенную значимость процессов на международной арене.

В германских государствах (включая Австрию) важнейшим был вопрос о порядке объединения, и центр внимания в результате Мартовской революции 1848 г. сместился во Франкфурт, где всегерманский парламент пытался решить эту труднейшую задачу. Прусская монархия испытывала не только социально-политическое давление, но и риск делегитимации из-за возможной утери позиций в этой волновавшей всех сфере.

Правительство Б.Асада к 2011 г. своими жёсткими действиями в отношении протестующих не только восстановило против себя западные державы во главе с США, но и ухудшило свои и без того напряжённые отношения с влиятельными суннитскими монархиями.

В дальнейшем ходе событий в обоих случаях международные взаимодействия играли не меньшую роль.

Положение правительства Б.Асада в начавшейся гражданской войне было крайне незавидным, даже близким к краху, и только неожиданная массивная

¹ Двухлетние неурожаи зерновых и картофеля, тяжёлое материальное положение трудящихся, дороговизна, тиф, ухудшение питания и падение реальной заработной платы — так выглядит зима 1847–1848 гг. накануне «Весны народов». Начальным источником напряжений в арабском мире был мировой кризис 2008–2009 гг., когда рост цен на продовольствие и уменьшение туристического потока в первую очередь ударили по странам, где нет добычи нефти в больших масштабах.

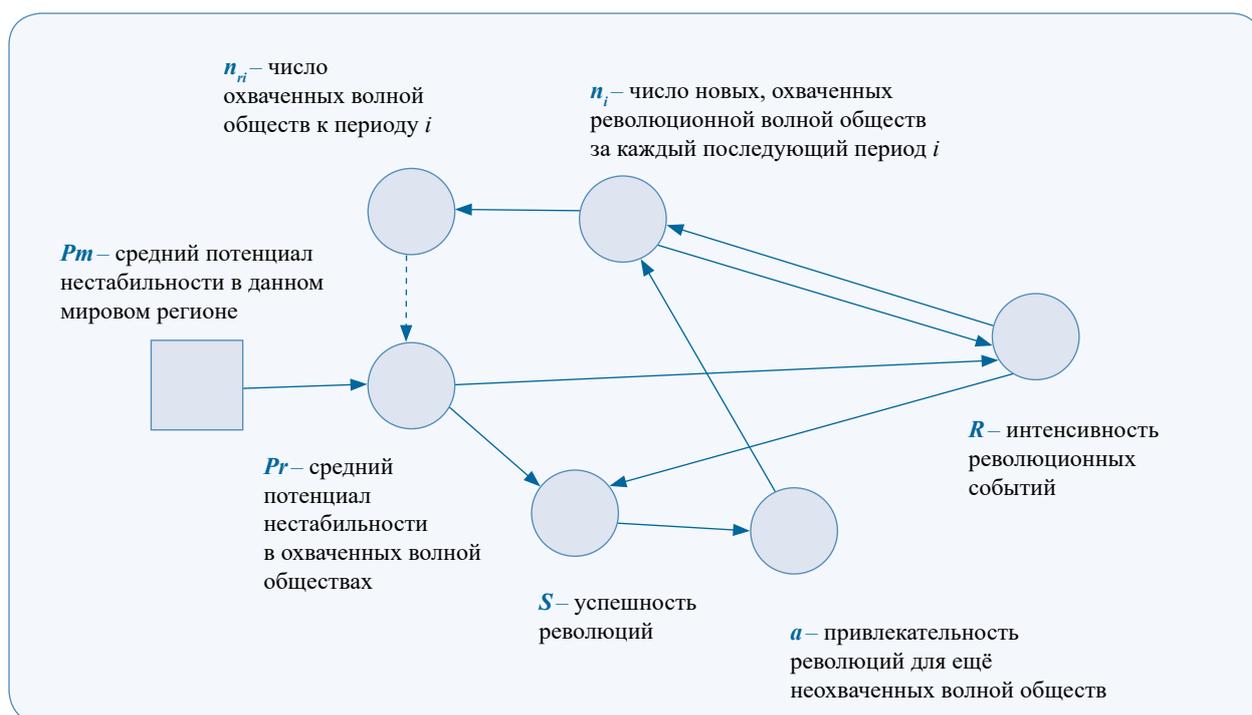


Рис. 3. Модель «Розжиг тушителей». Сплошные стрелки означают положительную усиливающую связь, пунктирная — отрицательную ослабляющую связь

помощь России осенью 2015 г., последующая поддержка со стороны Ирана переломили ситуацию.

Режим прусского короля, несмотря на все трудности, также выстоял. Здесь ситуация была сложнее, также включала насилие, репрессии, военные действия, но не сводилась к ним. Начальные уступки восставшим сменились консолидацией сторонников монархии, отставкой либерального правительства в сентябре 1848 г., введением избирательного законодательства 1850 г., по сути дела укреплявшим монархию в её союзе с крупной и средней буржуазией [13, 14]. Такой кульбит стал возможным и в целом принятым населением во многом благодаря возвращению Пруссией геополитического престижа.

Легитимность тогдашнего соперника в деле объединения Германии — Франкфуртского парламента — была подорвана крупным военным и дипломатическим провалом: вынужденной ратификацией в сентябре 1848 г. перемирия с Данией. Пруссия же показала себя как наиболее значимая военная сила в защите об-

щегерманских интересов (в данном случае в попытках присоединения Шлезвига и Гольштейна, находившихся в личной унии с датской короной). Кроме того, король Пруссии в 1849 г. предложил альтернативную программу объединения Германии на условиях большего федерализма, чем франкфуртская версия, что нашло понимание среди сторонников единой Германии и не вызвало отторжения «партикуляристских» политических элит германских государств.

Внутренняя политика и геополитика в период революций

В результате такого рода сравнительных анализов и обобщений установлены следующие принципы взаимосвязи внутренней политической динамики и геополитики в революционный период [15, 16], которые отчасти подтверждают, отчасти уточняют положения классических и современных макросоциологических исследований (М. Вебер, ван Кревельд, Ч. Тилли, Т. Скочпол, Р. Коллинз, Дж. Голдстоун и др.).

1. Военная победа, демонстрация лидерства на внешней арене всегда повышают внутреннюю (популярную, элитарную, силовую), а также международную легитимность победителя. В роли такого победителя или лидера может оказаться как революционное правительство, так и старый режим. В зависимости от этих событий революционная волна в окружающих и культурно зависимых обществах либо усиливается, либо угасает.
2. Яркие военные победы имперского центра маргинализуют оппозицию, повышают лояльность окраин, снижают поддержку сепаратистов, деморализуют приверженцев революции в других обществах.
3. Внешние поражения усиливают политический кризис в центре державы, что ослабляет ее военную мощь и усиливает сепаратизм. Внешние поражения постреволюционных режимов делегитимируют не только власть и лидеров, но также символы, лозунги и идеологию самой революции, служат факторами угасания революционной волны.
4. Судьба каждой революции (или периода в продолжающейся, рецидивирующей революции) зависит от того, какое поле борьбы станет решающим: мирное институциональное поле, в том числе электоральное, военное поле или промежуточное (уличные протесты, их подавление, попытки свержения власти или её реставрации), а также от того, чья сторона имеет преимущество в специфических для данного поля ресурсах. В любом случае вектор внешней поддержки крайне значим, поскольку меняет соотношение ресурсов (силовых, экономических, символических) в каждом поле.
5. Наряду с долговременными факторами легитимности сторон, на ее динамику в кризисный период воздействуют ситуативные обстоятельства, а также интуитивная чувствительность лидеров к тому, какие лозунги, какая риторика наиболее эффективны для мобилизации. Наиболее действенна демонстрация причастности к таким символам, святыням, социальным и политическим проектам, которые более всего соответствуют картине мира, ценностным установкам, идентичностям и актуальным интересам потенциальных приверженцев. Все эти установки испытывают тем большее влияние «мировых идей», чем теснее экономическая и культурная связанность обществ.
6. Поскольку большинство участников (в том числе в элитах и силовых структурах) оппортунистично и опасается, прежде всего, оказаться на проигравшей стороне, пик противостояния обычно не длится более двух-трех суток, после чего победившая сторона обрастает сторонниками, подобно снежному кому. В затяжных революционных процессах таких поворотных точек может быть несколько. Сложная динамика волн в большой мере определяется международной реакцией на успехи и провалы революций в наиболее референтных обществах.
7. В вооруженном конфликте успех той или иной стороны определяется, наряду с военно-организационными и военно-техническими факторами, также геополитическими и социальными обстоятельствами: наличием/отсутствием внешних союзников, характером, масштабом их поддержки, а также солидарностью/разобщенностью ведущего войну общества, способностью его лидеров и элит мобилизовать армию и ополчение вокруг символов, настолько значимых и привлекательных, что люди ради них готовы убивать и умирать. При этом каждая яркая победа привлекает новые ресурсы, увеличивает решимость, уверенность победителей в своей правоте, изменяет внутреннюю и внешнюю легитимность противников (см. п. 1).

Значимость изучения революционных волн

Революционные волны — неотъемлемая часть процессов модернизации в Европе и мире. Накапливающиеся напряжения при достижении пороговых значений с высокой вероятностью приводят к социальным революциям. Всё более тесные связи между обществами способствуют распространению революций — собственно волнам. Революции в разных обществах либо «расчищали путь» для ускоренной модернизации (Нидерланды, Англия, США, Турция, Тунис, Армения), либо отбрасывали страну назад (Китай, Куба, Иран, Камбоджа, Сирия, Ливия), ли-

бо приводили к противоречивым результатам (Франция, Италия, Мексика, Россия, Вьетнам, Египет, Грузия, Украина).

Революционные волны — крупнейшие макросоциальные явления, наряду с массовыми миграциями, мировыми войнами, научно-техническим прогрессом, процессами урбанизации, индустриализации, информатизации. Судя по растущей связанности современных обществ и накоплению напряжений, волны революций отнюдь не прекратились и продолжат возникать в будущем. Изучение их причин и динамики — одна из наиболее актуальных задач современной макросоциологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Katz M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999.
2. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. № 5. С. 58–103.
3. Beck C.J. *The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention* // *Social Science History*. Vol. 35 (2). 2011. P. 167–207.
4. Beck C.J. *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists*. Polity Press, 2015.
5. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
6. Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // *Ойкумена*. Вып. 8. 2012. С. 174–209.
7. Розов Н.С. Типология, критерии выделения и основы динамики революционных волн в мировой истории // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Ежегодник* / Ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, К.В. Мещерина. Волгоград, 2016. С. 240–262.
8. Цыганков В.В. Типы Революционных волн (на материале истории Раннего Модерна) // Там же. С. 263–281.
9. Цыганков В.В. Революционные волны в позднее Новое время: мануфактурный кризис в мире и промышленный переворот в Англии // *Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: Материалы VIII Международной научно-практической конференции*. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 204–225.
10. Коллинз Р. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС, 2015.
11. Розов Н.С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // *ЭКО*. 2016. № 10. С. 78–95.
12. Пустовойт Ю.А. Бунт, восстание, революция: организованное насилие горожан в контексте модернизационных процессов // *Вестник Бурятского государственного университета. Серия Экономика и менеджмента*. Улан-Удэ: БГУ, 2017. № 11. С. 71–82.
13. Пустовойт Ю.А. Революционные волны: опыт применения макроисторического подхода в анализе революционных событий «Весны народов» и «Арабской весны» // *Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость* (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.): Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4766–4769. – (DVD ROM).
14. Филиппов С.И. Условия революционности элит: макроисторический анализ // *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ГУ, 2017. С. 319–321.

15. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И. Динамика революционной волны: сравнительная политология «Весны народов» 1848–1949 гг. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 238–252.
16. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций. М.: УРСС, 2018.

ENGLISH

Revolutionary Waves in Europe and the World as the Aftermath and Factors of Global Modernization

Nikolay Sergeevich Rozov – Doctor of Philosophy, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department for Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University, Professor of Novosibirsk State Technical University, supervisor of the project “Revolutionary Waves in the Evolution of Societal Modernization in the 19th – 21st Centuries: Macro-Sociological and Socio-Philosophical Analysis” (16-03-00318a).

E-mail: nrozov@gmail.com

Yuri Aleksandrovich Pustovoyt – PhD in Politics, Associate Professor of the Department of Political Science and Technology, Siberian Institute of Management – RANEPА Branch (Novosibirsk), researcher in the same project.

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Sergey Ivanovich Filippov – PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Humanities of Novosibirsk State University, researcher in the same project.

E-mail: filippov.nsu@gmail.com

Vladislav Vasilyevich Tsygankov – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities, Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University, researcher in the same project.

E-mail: oktava-77@yandex.ru

Using historical analysis, the authors identify and classify revolutionary waves – a number of closely spaced upheavals having a common cause or triggering each other. These waves are explored in two dimensions: as components of six turbulent periods in the history, the rhythms of modernization associated with it, and as internal patterns bringing imminent regime falls and success of protest leaders. As exemplified by “Ignition of quenchers” model, the authors show a causal chain, where revolutionary success in “ripe” societies with high instability and weak power seizes less “ripe” communities, where the failure of rebels produces a frustrating effect on others and quenches the wave. The paper provides and studies the most striking examples of wave dynamics: structural causes and specifics of the Asian wave, comparison of contrasting cases of “Spring of Nations” and “Arab Spring”, a complex interrelationship of internal and geopolitical processes based on the chronicles of the revolutionary events in Prussia in 1848–1849. The authors identify the general principles of the interrelationship of internal political dynamics and geopolitics during these revolutionary waves. In different societies and circumstances, a revolutionary wave spurs either accelerated modernization, or regression (counter-modernization), or conflicting results.

Keywords: revolutionary waves, social revolution, typology of revolution, export of revolutions, import of revolutions, geopolitics, periods of turbulence, macrosociology

REFERENCES

1. Katz M. *Revolutions and Revolutionary Waves*. Palgrave Macmillan, 1999.
2. Goldstoun Dzh. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya // *Logos*. 2006. № 5. С. 58–103 (in Russian).
3. Beck C.J. *The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention* // *Social Science History*. Vol. 35 (2). 2011. P. 167–207.
4. Beck C.J. *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists*. Polity Press, 2015.
5. Goldstoun Dzh. *Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie*. M.: Izd-vo Instituta Gaydara, 2015 (in Russian).
6. Tsirel' S.V. *Revolyutsionnye situatsii, revolyutsii i volny revolyutsiy: usloviya, zakonomernosti, primery* // *Oykumena*. Vyp. 8. 2012. S. 174–209 (in Russian).
7. Rozov N.S. *Tipologiya, kriterii vydeleniya i osnovy dinamiki revolyutsionnykh voln v mirovoy istorii* // *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Ezhegodnik / Pod red. L.E. Grinin, A.V. Korotaev, L.M. Isaev, K.V. Meshcherina*. Volgograd, 2016. S. 240–262 (in Russian).
8. Tsygankov V.V. *Tipy Revolyutsionnykh voln (na materiale istorii Rannego Moderna)* // *Tam zhe*. S. 263–281 (in Russian).
9. Tsygankov V.V. *Revolyutsionnye volny v pozdnee Novoe vremya: manufakturnyy krizis v mire i promyshlennyy perevorot v Anglii* // *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Cheboksary: TSNS «Interaktiv plyus»*, 2017. S. 204–225 (in Russian).
10. Kollinz R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti*. M.: URSS, 2015 (in Russian).
11. Rozov N.S. *Revolyutsionnye volny v mirovoy istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaeniya* // *EKO*. 2016. № 10. S. 78–95 (in Russian).
12. Pustovoyt Yu.A. *Bunt, vosstanie, revolyutsiya: organizovannoe nasilie gorozhan v kontekste modernizatsionnykh protsessov* // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika i menedzhmenta*. Ulan-Ude: BGU, 2017. № 11. S. 71–82 (in Russian).
13. Pustovoyt Yu.A. *Revolyutsionnye volny: opyt primeneniya makroistoricheskogo podkhoda v analize revolyutsionnykh sobytiy «Vesny narodov» i «Arabskoy vesny»* // *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 g.): Materialy V Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa*. M.: Rossiyskoe obshchestvo sotsiologov, 2016. S. 4766–4769. – (DVD ROM) (in Russian).
14. Filippov S.I. *Usloviya revolyutsionnosti elit: makroistoricheskiy analiz* // *Revolyutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo GU, 2017. S. 319–321 (in Russian).
15. Rozov N.S., Pustovoyt Yu.A., Filippov S.I. *Dinamika revolyutsionnoy volny: sravnitel'naya politologiya «Vesny narodov» 1848–1949 gg.* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2018. № 44. S. 238–252 (in Russian).
16. Rozov N.S. *Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 2: Prichiny, dinamika i smysl revolyutsiy*. M.: URSS, 2018 (in Russian).



О.В. РОМАНОВСКАЯ*

Правовые основы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права

В статье раскрывается проблематика передачи государственно-властных полномочий негосударственным организациям. Подобный процесс делегирования связан с необходимостью достижения ряда задач, среди которых – повышение эффективности государственного управления, экономия бюджетных средств, вовлечение большего числа граждан в управление делами государства, быстрое реагирование на динамизм экономических и политических процессов. Предполагается, что бюрократическая система, основанная на консервативных принципах построения аппарата государства, не справляется с ними, что и обуславливает необходимость масштабной административной реформы. В статье раскрыты основные положения идеологической основы делегирования власти, изложенной в трудах известных учёных – представителей либертарианского течения (Ф.Хайек, Р.Нозик, М.Ротбард, Э. де Ясаи, Р.Талер и др.). Представлены основные формы повышения эффективности государственного управления с помощью таких форм деконцентрации власти, как дерегулирование, сорегулирование, саморегулирование, квазирегулирование. В основе каждой из них находится делегирование властных полномочий негосударственным организациям. Приведены примеры реального воплощения указанных форм деконцентрации власти. Систематизированы принципы, которым должен отвечать процесс делегирования властных полномочий негосударственным организациям.

Ключевые слова: делегирование, государство, власть, некоммерческая организация, саморегулирование, деконцентрация

Вопрос о системе субъектов, осуществляющих государственную власть, имеет принципиальное значение. Ответы на него характеризуют всю систему организации власти

в любой стране мира. Российская Федерация – не исключение. Одним из аспектов указанного вопроса является допустимость вовлечения негосударственных организаций в систему публичного

* **Романовская Ольга Валентиновна** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета, руководитель проекта «Правовые основы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права» (16-03-50051).
E-mail: olga71.olgarom@gmail.com

управления, в рамках которого происходит делегирование государственно-властных полномочий. Предполагается, что бюрократическая система, основанная на консервативных принципах построения аппарата государства, не справляется с требованиями инновационного развития страны, что и обуславливает необходимость масштабной административной реформы.

Делегирование полномочий в решениях Конституционного Суда РФ

О самом институте делегирования полномочий в современных российских условиях говорится с большой осторожностью. Отметим, что Конституция РФ прямо не закрепляет возможность передачи властных полномочий негосударственным организациям (кстати, большинство европейских конституций не предусматривает прямое разрешение на подобное делегирование). Однако её существование было легитимировано рядом Постановлений Конституционного Суда РФ. Впервые об этом указывалось в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1992 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 февраля 1992 года № 2275-1 “О Всероссийском агентстве по авторским правам”» [1]. Но это постановление не получило широкого распространения, поскольку было принято во время действия реформированной Конституции РФ 1978 г.

Позиция о публичных функциях и их передаче негосударственным организациям была высказана в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [2]. В этом решении Конституционный Суд РФ обозначил, что Конституция Российской Федерации не запрещает

государству передавать отдельные полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении функций публичной власти. В решении указывалось, что отсутствует именно запрет на передачу государственных полномочий, и это отсутствие как раз позволяет представить расширительное толкование. Конституционный Суд РФ также подчеркнул, что возможна передача только отдельных (не всех) полномочий и только — органов исполнительной власти. При этом в Постановлении сделана ссылка на статьи 78 и 132 Конституции РФ (позволяющие перераспределение властных полномочий, но только между субъектами публичной власти), согласно которым Суд сформулировал вывод, что именно по смыслу данных статей возможна передача полномочий негосударственным организациям, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам.

Данная позиция была подтверждена при анализе статуса саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А.Г.Меженцева» [3]), саморегулируемых организаций оценщиков (Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 461-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мисовца В.Г. на нарушение его конституционных прав положениями статей 15 и 24.6 Федерального закона “Об оценочной деятельности в Российской Федерации”» [4]).

Несмотря на наличие данных решений Конституционного Суда РФ, до сих пор ни в одном законодательном акте не найти прямого указания на делегирование. Оно всегда подразумевается. Отчасти с этим связано и отсутствие в нашей

стране концептуальных юридических исследований, посвящённых природе, значению, сущности делегирования, определению его параметров, взаимных прав и обязанностей государства и субъекта, получающего властные полномочия. Обращение к зарубежному опыту показывает иное отношение к данной проблеме. Происходит масштабная идеологическая подготовка, в центре которой — деконцентрация государственной власти, где делегирование — один из её аспектов.

Либертарианство и делегирование властных полномочий

Либертарианское учение, которое представлено весьма именитыми учёными, предлагает современную модель регулирования экономических отношений, в которой государству отводится далеко не единственная роль. Показательно, что данное учение, отталкиваясь от экономики, прямо или косвенно затрагивает все аспекты политической жизни общества. Его точкой отсчёта выступает неэффективность государственного управления. Российские экономисты, представляя либертарианство, также формулируют конкретные правовые решения, которые, к сожалению, редко оцениваются отечественными правоведами.

Фридрих Август фон Хайек (лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г.; доктор юридических наук) предлагает «нить Ариадны» — самоорганизацию, представляя при этом главный тезис: «Государство в сложносоставном обществе не может выступать единственным управленцем» [5]. Р.Корньюэлл пишет о создании третьего сектора экономики — совокупности некоммерческих организаций, которые могли бы взять на себя выполнение многих задач государства [6]. Энтони де Ясаи подводит к выводу, что государство — не единственная модель общежития [7]. М.Ротбард вводит значимый лозунг: «Мы не правительство, а правительство не мы», где государство как идея становилось неким пособником то-

талитаризма. Именно работы М.Ротбарда лежат в основе концепции сервисного государства — поставщика услуг [8]. Р.Нозик обосновывает «минимальное государство» [9]. Мартин ванн Кревельд представляет государство «апокалиптическим монстром», виновным во всех общественных бедах [10]. Р.Талер (сторонник либертарианского патернализма) в своей культовой работе, написанной в соавторстве с Кассом Санстейном [11], предлагает провести масштабные реформы во всех отраслях регулирования (включая семейные отношения).

Можно приводить ещё много высказываний именитых учёных, представляющих либертарианство, свидетельствующих о неэффективности государственного управления и необходимости минимизации негативных последствий. Рецепты имеют кардинальный характер, и все они «вращаются» вокруг таких понятий, как деконцентрация, дерегулирование, делегирование, саморегулирование, сорегулирование.

Есть значительное число противников либертарианской идеологии (в России их число нарастает в силу просчётов при реформировании экономики в конце 1990-х гг.), но именно её идеи лежат в основе большинства улучшений текущей управленческой деятельности, которые российские граждане воспринимают уже достаточно стандартно. Например, переход к сервисному государству обусловил концепцию государственных и муниципальных услуг, связанную с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [12]. Созданы многофункциональные центры, работает электронная система обращений, эффективно действует сайт «ГосУслуги». Постепенный переход на электронный документооборот плавно приводит к сокращению государственного усмотрения, создающего условия для бюрократического произвола.

Саморегулирование и квазирегулирование

Точно также многие идеи либертарианства, связанные с развитием делегирования властных полномочий негосударственным организациям, нашли закрепление в законодательстве Российской Федерации. Правовой статус саморегулируемых организаций установлен Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [13]. Ряд из них (арбитражных управляющих, аудиторов, оценщиков и некоторых других) представляет собой организации, наделённые публичными функциями (контроль, нормотворчество, текущее управление). Их статус обуславливался отказом государства от лицензирования той деятельности, в рамках которой действовали саморегулируемые организации. Э.Нильсен указывает, что при саморегулировании государство активно использует частный сектор для достижения целей своей политики [14]. Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 2776-р утверждена Концепция совершенствования механизмов саморегулирования, в которой подтверждена позиция государства на развитие данного института. Согласимся, есть некоторые просчёты в создании системы саморегулирования, но они не приводят к полному отказу от неё.

Делегирование полномочий связано и с таким понятием, как квазирегулирование, сформировавшимся на волне реформ М.Тэтчер и выразившихся в создании QUANGO (quasi-autonomous non-governmental organisation – квазиавтономная негосударственная организация). Автором идеи выступил Алан Пайфер, будучи сотрудником Фонда Карнеги, который в своём ежегодном отчёте указал на «серую область» между государственным и частным сектором, в которой используются возможности некоммерческой организации. А.Пайфер обратил внимание на необходимость привлечения высококлассных специалистов в систему государственного управления, которые отказываются связы-

вать свою судьбу с государственной службой из-за низких зарплат. Потребность в законном способе платить высокие доходы таким специалистам и породила некоммерческие организации с государственным финансированием и публичными задачами [15].

Э.В.Талапина подчёркивает: «Кванго созданы как альтернатива традиционной организации государства и нацелены на социальную и экономическую регуляцию. В их число входят самые различные организации – консультативные органы, оказывающие научно-техническое содействие министерствам, трибуналы, занимающиеся проблемами лицензирования и разного рода апелляционными делами (Великобритания), банковская комиссия, совет по конкуренции, комиссия по биржевым операциям, комиссия по налоговым нарушениям, комиссия по безопасности потребителей (Франция)» [16].

В Российской Федерации ярким примером квазирегулирования можно считать создание государственной корпорации «Росатом», статус которой определён Федеральным законом от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”» [17].

Статья 2 Закона № 317-ФЗ обозначает «Росатом» как «уполномоченный орган управления», «наделённый полномочиями от имени Российской Федерации осуществлять государственное управление использованием атомной энергии в соответствии с главой IV Федерального закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ “Об использовании атомной энергии”, государственное управление при осуществлении деятельности, связанной с разработкой, изготовлением, утилизацией ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения, а также нормативно-правовое регулирование в области использования атомной энергии».

Содержащиеся в Законе выражения («уполномоченный орган», «наделённый полномочиями от имени Российской Фе-

дерации») указывают на передачу властных полномочий некоммерческой организации, которой по своим видовым характеристикам является «Росатом».

Создание государственных корпораций в целом не получило положительной оценки среди учёных-юристов. Основные «обвинения» можно систематизировать в следующем порядке:

- ◆ включение их в систему некоммерческих организаций размывает научные критерии классификации юридических лиц [18, с. 210];
- ◆ отсутствие единых правил, позволяющих выделить общие статутные признаки госкорпораций;
- ◆ непрозрачность и бесконтрольность в системе управления, распределения имущества, подконтрольности государству, фактическая «безвозмездная приватизация» крупных государственных финансовых ресурсов. С.В. Степашин, будучи Председателем Счётной палаты РФ, отметил, что такие организации создают широкий простор для коррупции [19].

По-видимому, высказанные «обвинения» порождают новые юридические конструкции. Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ было введено понятие государственной компании [20], а Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ [21] — понятие публично-правовой компании. При этом между тремя видами юридических лиц не выявлено принципиальных отличий.

Сорегулирование и саморегулирование

За рубежом активно развивается сорегулирование. Европейский экономический и социальный комитет (ЕЭСК — консультативный орган) регулярно публикует информационные отчёты, в которых отражается степень вовлечения негосударственных организаций в процесс принятия общеобязательных решений [22]. В этих отчётах систематизированы факторы, которые создают благоприятные ус-

ловия для развития саморегулирования и сорегулирования:

- ◆ открытость и желание контактировать со стороны государства;
- ◆ добросовестность;
- ◆ чёткость целей;
- ◆ соблюдение права (саморегулирование и сорегулирование — не форма подмены действующего законодательства [23]);
- ◆ итерационные улучшения;
- ◆ мониторинг достижения поставленных целей и задач [24];
- ◆ оценка результатов саморегулирования и сорегулирования;
- ◆ разрешение разногласий и градуированная шкала санкций за неисполнение взятых на себя публичных обязательств;
- ◆ финансирование (участники должны брать на себя расходы по исполнению публичных функций);

Кроме того, саморегулирование и сорегулирование должны отвечать следующим требованиям:

1. Наличие институционального аспекта, т.е. наличие субъектов саморегулирования и сорегулирования.
2. Законодательное определение критериев новых форм регулирования общественных отношений.
3. Определение прозрачности системы.
4. Наличие надёжных индикаторов, которые могли бы использоваться для оценки законности и эффективности деятельности регуляторов.
5. Проведение идеологической подготовки к дерегулированию.

Внедрение саморегулирования и сорегулирования в российской практике зачастую происходит волюнтаристским путём, без учёта мнения субъектов, подлежащих саморегулированию. В средствах массовой информации даже появился термин «принудительная СРОизация».

Либертарианские идеи легли в основу создания территорий, где функции органов государственной власти выполняют организации частного права (иногда коммерческие организации — акционер-

ные общества). Их статус определён федеральными законами:

- ◆ от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [25];
- ◆ от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [26];
- ◆ от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре “Сколково”» [27];
- ◆ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [28];
- ◆ от 29 июня 2015 г. № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [29];
- ◆ от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [30].

Анализ приведённых законов свидетельствует об использовании иной матрицы управления: 1) определяется территория, на которой вводятся ограничения для осуществления функций органами государства и местного самоуправления; 2) предусматривается создание управляющей компании; 3) осуществляется передача функции управления территорией именно специально созданной управляющей компании; 4) закрепляется организационно-правовая форма управляющей компании (как правило, акционерное общество).

При этом в указанных законах отсутствовало убедительное объяснение неэффективности «стандартной» системы. Во главу угла ставится аксиома: «Государство не справляется с реализацией публичных задач».

Формирование акционерных обществ с функциями государственного управления вызывает серьёзные нарекания. Например, в июне 2016 г. глава контрольного управления Администрации Президента РФ К. Чуйченко озвучил цифры,

свидетельствующие о злоупотреблениях при расходовании бюджетных средств в особых экономических зонах (ОЭЗ). За 10 лет на их развитие израсходовано 186 млрд руб. Налоговые и таможенные поступления от самих зон составили 40 млрд руб. Стоимость одного рабочего места в ОЭЗ — 10 млн руб., что равнозначно средней заработной плате в нашем государстве за 25 лет [31].

Ещё больше претензий предъявляется к центру «Сколково», функции управляющей компании которого принадлежат специально созданному Фонду. Е.В. Гриценко оценивает такую передачу как «нарушение конституционных основ демократического государства» [32, с. 117]. В.В. Комарова указывает на бесконтрольность подобной передачи [33, с. 45]. В данном случае констатировались многочисленные финансовые нарушения в деятельности Фонда «Сколково», что серьёзным образом подрывает к нему доверие. Осенью 2016 г. на сайте Счётной палаты России был опубликован Отчёт, подготовленный совместно с Федеральной службой безопасности РФ. В нём приводились результаты проверки использования средств федерального бюджета, которые были направлены на реализацию мероприятий, связанных с созданием и обеспечением функционирования инновационного центра «Сколково» в 2013–2015 гг.» [34]. В данном документе акцентируется внимание на том, что при масштабном бюджетном финансировании некоторые органы государственной власти не осуществляют свои полномочия на территории «Сколково».

Выводы

Приведённые российские законодательные шаги в большей мере свидетельствуют о главном недостатке — отсутствии единого понимания в создании институциональной основы государственного регулирования экономических отношений. Отсутствие понятной концеп-

ции делегирования властных полномочий — следствие указанной проблемы. Результат налицо: порождение различных конструкций, неопределённость субъекта (если указывать на государственные корпорации, публично-правовые компании и др.) с размытыми и неточными характеристиками. Происходит лоббирование создания «преференциальных административно-правовых режимов» [35] (ОЭЗ, порт «Владивосток», Фонд «Сколково» и др.).

Таким образом, делегирование властных полномочий — устоявшаяся практика текущего государственного управления. Она должна соответствовать следующим принципам:

1. *Принцип транспарентности*: процесс делегирования должен быть открытым; это — не кулуарная раздача публичных полномочий узкому кругу доверенных лиц и не основа политики протекционизма.
2. *Принцип профессионализма*: наличие профессиональных навыков у тех лиц, которые будут непосредственно осуществлять властные полномочия.
3. *Принцип эффективности*: организация должна реально осуществлять мониторинг своей деятельности в отношении внешних субъектов, являющихся объектами управленческого воздействия [36].
4. *Принцип партнёрства*: наличие сотрудничества между организацией, наделённой властными полномочиями, и иными субъектами, осуществляющими публичные функции.
5. *Принцип ответственности*: организация, наделённая властными полномочиями, приобретает и определённое бремя, включающее ограничения, характерные для органов государствен-

ной власти (а для работников организации — ограничения, характерные для государственных служащих).

6. *Принцип сбалансированности правового регулирования*: делегирование обуславливает возможность текущего правотворчества; а это означает, что принимаемые правовые акты должны становиться гармоничным элементом нормативной системы.
7. *Принцип инициативности*: организация, получившая властные полномочия, обладает определённой самостоятельностью в их реализации [37].
8. *Принцип финансовой обеспеченности*: покрытие расходов организации по исполнению публичных функций.

Соблюдение указанных принципов приведёт к позитивным результатам административной реформы в заявленном аспекте. Пока же каждое действие государства в этом направлении больше напоминает сиюминутное решение, обусловленное какими-то субъективными предпочтениями его автора. Показательно, что смена автора (или куратора) приводит к полному отказу от полученных итогов и изменению парадигмы реформы. Иная ситуация в странах Западной Европы, где любому изменению предшествует серьёзная научная концепция. В нашей стране сложилось определённое недоверие государства к науке; есть и обратная реакция — недоверие к официальным публичным институтам. Прямое следствие — отсутствие системности и последовательности в конкретных шагах высших органов государственной власти. Преодоление такого негативного элемента будет иметь положительный эффект для всех заинтересованных сторон: социума (в самом широком смысле слова), государства, научной общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 21. Ст. 1141.
2. Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2491.
3. Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 335.
4. Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 5.
5. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.
6. Cornuelle Richard C. Reclaiming the American Dream: The Role of Private Individuals and Voluntary Associations (Philanthropy & Society). New Brunswick: Transaction Publishers, 1993.
7. De Jasay A. The State. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.
8. Rothbard Murray N. For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. 2006.
9. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.
10. Martin van Creveld. The Rise and Decline of the State. Cambridge University Press. 1999.
11. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
12. Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
13. Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
14. Nielsen E. Regulation, Coregulation, or Self regulation. What is the best approach? / <http://www.iso.org/iso/livelinkgetfile?llNodeId=21969&llVolId=-2000>.
15. Interviewee: Alan Pifer / URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/oral_hist/carnegie/pdfs/alanpifer.pdf (дата обращения: 25.07.2019 г.).
16. Талапина Э.В. Публичное право и экономика. М.: ВолтерсКлувер, 2011.
17. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6078.
18. Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2002.
19. Степашин С. Модернизация: рынок России по плану Путина // Российская газета. 2007. № 246.
20. Собрание законодательства РФ. 2009. № 29. Ст. 3582.
21. Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Ч. I). Ст. 4169.
22. Principles for Better Self- and Co-Regulation / [https://ec.europa.eu/digital-single-market/sites/digital-agenda/files/CoP – Principles for better self- and co-regulation.pdf](https://ec.europa.eu/digital-single-market/sites/digital-agenda/files/CoP_-_Principles_for_better_self_and_co-regulation.pdf) (дата обращения: 25.07.2019 г.).
23. Saldaña M.M., Rosón Gómez-Iglesias V. The Importance of Self-regulation and Co-regulation in the New Digital Audiovisual Market // Observatorio. 2015. Vol. 9. № 1. Pp. 101–114.
24. Castro D. Benefits and Limitations of Industry Self-Regulation for Online Behavioral Advertising / <https://www.itif.org/files/2011-self-regulation-online-behavioral-advertising.pdf> (дата обращения: 25.07.2019 г.).
25. Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7070.
26. Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 26.
27. Собрание законодательства РФ. 2010. № 40. Ст. 4970.
28. Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.
29. Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3951.
30. Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4338.
31. Окунь С., Скоробогатько Д. Особые зоны по специальным ценам // Коммерсантъ. 2016. № 101.

32. Гриценко Е.В. Конституционные основы и правовые формы привлечения частных субъектов к решению муниципальных задач в России в сравнительной перспективе // Закон. 2013. № 2. С. 113–128.
33. Комарова В.В. Особый правовой статус территорий в России (на примере инновационного центра «Сколково») // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 44–47.
34. Отчёт о результатах контрольного мероприятия «Проверка использования средств федерального бюджета, направленных на реализацию мероприятий, связанных с созданием и обеспечением функционирования инновационного центра «Сколково» в 2013–2015 годах» (совместно с Федеральной службой безопасности Российской Федерации) / URL: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/882/28144/?sphrase_id=2575494 (дата обращения: 25.07.2019 г.)
35. Ноздрачёв А.Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 98–110.
36. Sorsa K. Private-regulation in global value chain – a trade barrier or an opportunity for public-private co-operation? / <http://regulation.upf.edu/dublin-10-papers/1H4.pdf> (дата обращения: 25.07.2019 г.)
37. Vever B. The Current State of Co-Regulation and Self-Regulation in the Single Market / http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/2018_cahier_en_smo_def.pdf (дата обращения: 25.07.2019 г.)

ENGLISH

Legal Framework for the Delegation of State Authority to Entities under Private Law

Olga Valentinovna Romanovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and Law, Penza State University, supervisor of the project “Legal Framework for the Delegation of State Authority to Entities under Private Law” (16-03-50051).

E-mail: olga71.olgarom@gmail.com

The paper explores the delegation of state authority to non-governmental organizations. Such delegation is associated with the need of tackling a number of tasks, among which there are enhanced efficiency of public governance, budget savings, more citizen engagement in state affairs and quick response to fast-paced economic and political processes. It is assumed that the bureaucratic system based on the conservative principles of building the state fails to cope with them, which necessitates a large-scale administrative reform. The paper dwells upon the main provisions of authority delegation ideology set forth by the renowned scholars – representatives of the Libertarianism (F. Hayek, R. Nozick, M. Rothbard, E. de Jasay, R. Thaler, etc.). The author identifies the core ways of increasing the efficiency of public administration using such forms of power deconcentration as deregulation, co-regulation, self-regulation, quasi-regulation. Each of them relies on authority delegation to non-governmental organizations. The author provides examples of practical implementation of such authority deconcentration, classifies principles governing the process of authority delegation to non-governmental organizations.

Keywords: delegation, state, government, non-profit organization, self-regulation, deconcentration

REFERENCES

1. Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii. 1992. № 21. St. 1141 (in Russian).
2. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 22. St. 2491 (in Russian).
3. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 3. St. 335 (in Russian).
4. Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. 2009. № 5 (in Russian).
5. Khayek F. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsi-pov spravedlivosti i politiki. M., 2006 (in Russian).
6. Cornuelle Richard C. Reclaiming the American Dream: The Role of Private Individuals and Vo-luntary Associations (Philanthropy & Society). New Brunswick: Transaction Publishers, 1993.
7. De Jasay A. The State. Indianapolis: Liberty Fund, 1998.
8. Rothbard Murray N. For a New Liberty: The Libertarian Manifesto. 2006.
9. Nozik R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya. M.: IRISEN, 2008 (in Russian).
10. Martin van Creveld. The Rise and Decline of the State. Cambridge University Press. 1999.
11. Taler R., Sansteyn K. Nudge. Arkhitektura vybora. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostoyanii i schast'e. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2017 (in Russian).
12. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. № 31. St. 4179 (in Russian).
13. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2007. № 49. St. 6076 (in Russian).
14. Nielsen E. Regulation, Coregulation, or Self regulation. What is the best approach? / <http://www.iso.org/iso/livelinkgetfile?llNodeId=21969&llVolId=-2000>.
15. Interviewee: Alan Pifer / URL: http://www.columbia.edu/cu/lweb/digital/collections/oral_hist/carnegie/pdfs/alan-pifer.pdf (data obrashcheniya: 25.07.2019 g.).
16. Talapina E.V. Publichnoe pravo i ekonomika. M.: Volters Kluver, 2011 (in Russian).
17. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2007. № 49. St. 6078 (in Russian).
18. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 3 t. T. 1 / Pod red. A.P. Sergeeva, Yu.K. Tolstogo. M.: TK Vel-bi, Izd-vo Prospekt, 2002 (in Russian).
19. Stepashin S. Modernizatsiya: ryvok Rossii po planu Putina // Rossiyskaya gazeta. 2007. № 246 (in Russian).
20. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2009. № 29. St. 3582 (in Russian).
21. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 27 (Ch. I). St. 4169 (in Russian).
22. Principles for Better Self- and Co-Regulation / [https://ec.europa.eu/digital-single-market/sites/digital-agenda/files/CoP – Principles for better self- and co-regulation.pdf](https://ec.europa.eu/digital-single-market/sites/digital-agenda/files/CoP_-_Principles_for_better_self_and_co-regulation.pdf) (data obrashcheniya: 25.07.2019 g.).
23. Saldaña M.M., Rosón Gómez-Iglesias V. The Importance of Self-regulation and Co-regulation in the New Digital Audiovisual Market // Observatorio. 2015. Vol. 9. № 1. Rr. 101–114.
24. Castro D. Benefits and Limitations of Industry Self-Regulation for Online Behavioral Ad-vertising / <https://www.itif.org/files/2011-self-regulation-online-behavioral-advertising.pdf> (data obrashcheniya: 25.07.2019 g.).
25. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 49 (ch. 5). St. 7070 (in Russian).
26. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 1 (ch. I). St. 26 (in Russian).
27. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2010. № 40. St. 4970 (in Russian).
28. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 30 (ch. II). St. 3127 (in Russian).
29. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 27. St. 3951 (in Russian).
30. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2015. № 29 (ch. I). St. 4338 (in Russian).
31. Okun' S., Skorobogat'ko D. Osobyie zony po spetsial'nym tsenam // Kommersant". 2016. № 101 (in Russian).

32. Gritsenko E.V. Konstitutsionnye osnovy i pravovye formy privlecheniya chastnykh sub"ektov k resheniyu munitsipal'nykh zadach v Rossii v sravnitel'noy perspektive // Zakon. 2013. № 2. S. 113–128 (in Russian).
33. Komarova V.V. Osobyu pravovoy status territoriy v Rossii (na primere innovatsionnogo tsentra «Skolkovo») // Rossiyskaya yustitsiya. 2011. № 6. S. 44–47 (in Russian).
34. Otchyot o rezul'tatakh kontrol'nogo meropriyatiya «Proverka ispol'zovaniya sredstv federal'nogo byudzheta, napravlennykh na realizatsiyu meropriyatiy, svyazannykh s sozdaniem i obespecheniem funktsionirovaniya innovatsionnogo tsentra «Skolkovo» v 2013–2015 godakh» (sovmestno s Federal'noy sluzhboy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii) / URL: http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/882/28144/?sphrase_id=2575494 (data obrashcheniya: 25.07.2019 g.) (in Russian).
35. Nozdrachyov A.F. Sovremennoe sodержanie ponyatiya «administrativno-pravovoy rezhim» // Zhurnal rossiyskogo prava. 2017. № 2. S. 98–110 (in Russian).
36. Sorsa K. Private-regulation in global value chain – a trade barrier or an opportunity for public-private co-operation? / <http://regulation.upf.edu/dublin-10-papers/1H4.pdf> (data obrashcheniya: 25.07.2019 g.).
37. Vever B. The Current State of Co-Regulation and Self-Regulation in the Single Market / http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/2018_cahier_en_smo_def.pdf (data obrashcheniya: 25.07.2019 g.).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 82

ГРНТИ 17.09.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-123-133

**Д.Н. ЖАТКИН,
Н.Л. ВАСИЛЬЕВ*****Поэтическое наследие
П.А. Вяземского**

В статье излагаются предварительные результаты системного изучения поэтического наследия П.А. Вяземского (1792–1878), основанные на учёте многочисленных прижизненных и посмертных публикаций его произведений (авторизованных, соавторских, анонимных), эпистолярия писателя и его современников, архивных материалов из фондов РГАЛИ, НИОР РГБ, РО ИРЛИ, ОР РНБ, ОР СПбГТБ. Они опираются на составленную исполнителями проекта алфавитную библиографию стихотворных текстов Вяземского, включающую почти 1400 произведений (с указанием их печатных или архивных источников и с необходимыми текстологическими комментариями). Выявлены и отчасти введены в научный оборот ранее неизвестные поэтические сочинения писателя, не публиковавшиеся или напечатанные по тем или иным причинам анонимно. Среди них выделяются популярные в XIX в. патристические стихотворения «На нынешнюю войну», «Кто кому нужнее?», приписывавшиеся ошибочно другим авторам. В результате разработки данной темы существенно расширилось представление о масштабе литературной деятельности Вяземского как поэта.

Ключевые слова: П.А. Вяземский, поэзия, авторизованные произведения, анонимные публикации, письма, архивы, библиография

* **Жаткин Дмитрий Николаевич** — доктор филологических наук, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского государственного технологического университета, руководитель проекта «Неопубликованные, анонимные и малоизвестные произведения П.А. Вяземского (библиография, текстология, поэтика)» (17-04-00069а).

E-mail: ivb40@yandex.ru

Васильев Николай Леонидович — доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, исполнитель того же проекта.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Поэтическое наследие Петра Андреевича Вяземского (1792–1878) (ил. 1, 2) в полном объёме не опубликовано и не систематизировано, что затрудняет дальнейшее изучение его творчества. В статье ставится задача обобщить печатные, библиографические и архивные источники, касающиеся поэтических текстов писателя.

Из истории систематизации, библиографического описания и публикаций поэзии П.А. Вяземского

Наиболее репрезентативен свод стихотворений П.А. Вяземского в его «Полном собрании сочинений» (далее ПСС) [1, т. 3–4, 11–12]. Здесь содержатся 793 произведения автора (они последовательно пронумерованы, а также учтены в «Алфавитном указателе к стихотворениям 1808–1877 гг.») [1, т. 12, с. V–XVII]. Однако некоторые из них дублируются, отличаются как разные редакции одного стихотворения, являются частями целого произведения или, наоборот, циклизациями с внутренними достаточно самостоятельными текстами.

Данное издание, готовившееся ещё при жизни Вяземского, в несколько раз превышает по объёму последующие собрания лирики классика. Тем не менее в нём отсутствуют отдельные ранее опубликованные произведения писателя и, наоборот, фигурируют стихотворения, не принадлежащие ему: басня В.Л. Пушкина «Волк и пастухи», эпиграмма К.Н. Батюшкова «Памфил забавен за столом...», послание «К слезливому стихотворцу», являющееся перепевом эпиграммы А.А. Ржевского «Когда плачевные стихи твои читаю...».

Попытки библиографирования публикаций Вяземского предпринимались дважды [2; 3, с. 8–57]. М.Н. Лонгинов указывает 512 стихотворений поэта, из них 396 были опубликованы в 1808–1861 гг. (без учёта перепечаток) и 116 впервые напечатаны в сборнике «В дороге и дома». С.И. Пономарёв, тоже готовивший свой справочник в контакте с автором, выявил 778 публи-

каций поэта с 1808 по 1878 г., хотя к числу произведений Вяземского исследователь отнёс, например, басню В.Л. Пушкина «Павлин, Зяблик и Сорока», а отмеченное им стихотворение Вяземского «К портрету» («Есть сердцу нашему, есть красота родная...») является вариацией 9–12 стрóf стихотворения поэта «Разговор 7 апреля 1832 года...» [1, т. 4, с. 147–148].

Среди не вошедших в ПСС стихотворений Вяземского, напечатанных при его жизни, можно выделить, в частности, следующие: «Эпиграмма» («Убогий рифмоткач, несчастный Доримон...», 1809), «Увещание» (1811), «Ответ на вызов написать стихи» (1811), «Что во сне, то и наяву» (1811), «Эпиграмма» («Наш комик Шутовской хоть любит уязвить...», 1815), «Звезда на Волге» (1815–1817), «К портрету гр. Ю.С. Б...й» (1823), «Лишний откуп» (1825), «Вечность» (1826), «Характеристика» («Бумаги деловым мараньем...», 1831), «Ответ» («Не говори, красавица, for ever!», 1836), «Ещё дорожная отметка» (1862).

Отдельные произведения Вяземского фигурируют в его мемуарах и письмах, к примеру: «Делами он живой покойник...», «Что пользы, — говорит расчётливый Свиныин...», «<Шарада>» («Что *первое* моё? Пожалуй, род мешка...»), «После отставки», «Ты о прекрасном речь сказал...», «Желал бы граф я Ваш портрет иметь...». По цензурным соображениям издатели не помещали в прижизненные сборники сочинений поэта стихотворение «Сравнение Петербурга с Москвой» (1810).

Причины указанных лагун в ПСС могли быть разными, включая творческую требовательность и забывчивость Вяземского в отношении своих ранних публикаций.

Некоторые стихотворения поэта стали известны в печати в процессе выхода ПСС или чуть позже. Среди них «Бывало я бывал не прочь от всякой драки...» (1833), «Нет, нет, не для меня при песнях и весельях...» (1838), «Отголосок русского на стихи русского е<го> с<иятельству> князю Суворову» (1863), «В альбом» («Вы пожела- ли — здесь впишу...», 1870-е), «На И.С. Тур-

генева» (1872), «Наш журналист себе промыслил попугая...» (1872), «Князю А.М. Горчакову» («Вам за хорошие сигарки...», 1876), «Ему же» («И вся-то наша жизнь депеша!», 1876), «Княгине В.Ф. Вяземской» (1876).

Заметно расширилось представление о поэтическом наследии Вяземского в советскую эпоху, хотя и не за счёт привычных в то время ресурсов цензурных архивов...

Так, в издании произведений поэта 1935 г. [4], осуществлённом В.С. Нечаевой, появились многие ранее не печатавшиеся его сочинения: «А я так вам скажу: огонь всего опасней», «Бог дал бессонницу, но дал он и хлорал...», «Василий Львович милый! здравствуй!», «В две удали, и в два пера, и в две руки», «Воспоминания из Буало», «Зачем Фемиды лик ваятели, питы...», «Из области тайной...», «К Батюшкову» («Ты на пути возвратном!»), «К Жуковскому», «К Княжнину», «Калечить личности былого и рассказы...», «Кто вождь у нас невеждам и педантам?», «Кто скажет, что к Перми судьба была сурова?», «Между минувшим и грядущим...», «Нет, не видать уж мне Остафьевский мой дом...», «Нет, нет, я не хочу, и вовсе мне не льстит...», «Поминки. Памяти Жуковского и гр. Вельгорского», «Счастливые и умные», «Тупые колкости твои...», «Художник Бурнашев — не Пыпин ли второй?», «Хлестаков», «Noël» («Спасителя рождением...») и др. При этом В.С. Нечаева сообщала: «...мы не стремились внести в новое собрание всё неопубликованное... так как многие новые стихи значительно слабее художественно, чем прежде опубликованные» [4, с. 60].

В составленном Л.Я. Гинзбург сборнике 1958 г. [5] новые тексты поэта в основном были извлечены из его «Старой записной книжки»: «Весёлый шум, пеньё и смехи...», «Всех образчиков, всех красок...», «Вы — донна Соль, подчас и донна Перец!..», «Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду...», «Он весь приглажен, весь прилизан...», «Он рыцарь, он поэт, к тому ж любовник пылкой...», «С ним звёздословию не-



Ил. 1. П.А. Вяземский. Портрет работы И. Зонтага. Рисунок. 1821. Государственный исторический музей

трудно научиться...», «Шишков недаром корнеслов...».

В издании 1982 г. [6, т. 1], подготовленном М.И. Гиллельсоном, помещены не включавшиеся ранее в собрания произведений Вяземского стихотворения «Бессильный враг, ты тупо жалишь...», «Булгарин, убедясь, что брань его не жалит...», «Во имя Хартии, свободы...», «Друзья, не станем слишком строго...», «За милой встречей вслед на жизненном пути...», «Казалось мне: теперь служить могу...», «Надписи к портретам», «Костыль», «Невзоров...», «Она — прекрасная минувших дней медаль», «Фортуна чрез меня Вам башмаки подносит...», «Что пользы в том, что ты речист...», «Я Петербурга не люблю...».

В сборнике избранных произведений Вяземского 1986 г. [7], составленном К.А. Кумпан, появилась, хотя и в примечаниях, эпиграмма «К старому плюгавцу», ранее введённая в научный оборот М.И. Гиллельсоном [8, с. 274]. Наконец, издание 2013 г. [9] дополнило представление о Вяземском-по-



Ил. 2. П.А. Вяземский. Литография Н.К. Брезе. 1880. Государственный литературный музей

эте циклом «Подражания испанским сегоидильям», анонимно опубликованным в пушкинском «Современнике».

Некоторые стихи Вяземского, не печатавшиеся в изданиях его произведений, помещались в тематических антологиях [10–15]: «Притчи»; «Булгарин [Фиглярин] – вот поляк примерный...», «Вот как, прочтя его “Записки”...», «Всех повестей его герои плоховаты...», «Журнал он держит монтаньярский...», «Журнальным близнецам», «Как спорить с Полевым, когда сей критик чуткий...»; «Куда деваться мне от вас, о латыши...», «Родители, внимайте, умоляю!»; «Цидулка к давно не зримому приятелю»; «Супругой, материю и ближнею примерной...» и др.

Поэзия П.А. Вяземского в его записных книжках, мемуарах, эпистолярии

Отдельные стихотворения поэта, содержащиеся в его письмах, исследователи воспроизводили в публикациях, осно-

ванных на архивных данных, например: «Как не смеются в наши лета...», «Любви я рад всегда кокетство предпочесть...», «Мне кажется<, > перебираясь с дачи...», «Я слышу твой упрёк, твой гнев, твои угрозы...», «Князь Вяземский...», «Вы говорите, я брыкаю...». К ним можно добавить цитируемое 29 декабря 1811 г. К.Н. Батюшковым в письме Н.И. Гнедичу шутливое послание Вяземского «Шихматов пишет непонятно...» [16, т. 3, с. 272], франкоязычный памфлет Вяземского «Complainte» – из его письма к дипломату Д.П. Северину (ноябрь 1855 г.), рассчитанный на внимание западноевропейского читателя [17].

Если говорить о такой перспективе, как академическое издание поэтического наследия Вяземского, стоит принять во внимание все поэтические фрагменты в его записных книжках, мемуарах и письмах [см., напр.: 18], воспроизводившиеся лишь выборочно. Укажем на ряд из них, имеющих биографическую, историко-литературную и художественную ценность, но не входивших в сборники произведений автора: ««Все смертные равны: таков закон природы»...», «Из прошлых рифмачей у нас он не 1...», «Тот может быть несказанно утешен...», «В деревне время кое-как...», «Кеньга, сапог и нога», «На сивой лошади из-за Москвы мужик...», «Наш краснобай, в Варшаву...», «Не для меня дышала утра сладость...», «Так! время в свой черед <существование> пригонит...», «Уж через час её не будет между нами...», «А то, в Италии на солнце пузу грея...», «Бесславье примыкает к славе», «Благочестивых слов в душе признавши цену...», «Ботвинья, снедь родная!», «Варшавской гнили мёрзлый пар...», «Взойдёт день опыта во мгле...», «Гонитель езуитов...», «Дай Бог, чтоб этот пот...», «Он в старину был франтом...», «У Каченовского в лакейской...». Нужно учесть также детское стихотворение поэта «Воспой, о муза, песнь высоко...» и юношескую эпиграмму на А.Ф. Мерзлякова «Разговор» («Ты знаешь ли, мой друг, кто мерзкий сочинитель?..»), цитируемые в «Автобиографическом введении» к ПСС [1, т. 1, с. XII, XIII].

Особенно интересны стихотворные вставки в письмах Вяземского к А.С.Пушкину, многие из которых уже включались в собрание произведений писателя. Перечислим другие поэтические отрывки из писем поэта к Пушкину, с большой вероятностью принадлежащие Вяземскому: «Благочестивых слов в душе признавши цену...», «Ты сам Хвостова подражатель...», «Где ты, прекрасный мой, где обитаешь?», «Племяннику дядя», «Сонцев, стерлядию страстный...», «Мой друг! не хочешь ли лимонов?», «О прежний Пушкин ты Вы парочка уж ныне!», «Любезный родственник, поэт и камергер» [19, т. 13–15].

Следует иметь в виду также написанный Вяземским в соавторстве с А.С.Грибоедовым водевиль «Кто брат, кто сестра...» (1823), где первому принадлежит основная часть песенных текстов. В ПСС вошли два фрагмента этого водевиля: «Песня зеваки» и «Куплеты пана Чижевского» [1, т. 3, с. 349, 355]. Менее известны стиховые вставки Вяземского в переводных комедийных жанрах [20, 21].

Неопубликованные стихотворения П.А. Вяземского из российских архивов

Важнейший источник расширения представлений о творчестве Вяземского, давно привлекающий исследовательское внимание, — архив писателя в РГАЛИ [22]. Нам удалось выявить и частично «расшифровать» (поздние рукописи поэта почти не читаемы) многие относительно законченные тексты 1810–1870-х гг., оставшиеся в «запасниках» автора: «Его императорскому величеству государю Николаю Павловичу...», «Индийский раз петух...», «На четырёх ногах, но не четвероногий...», «<Буриме>», «Загадка», «Шарады» («Слог первый: азбучный порядок начинается...», «Как первому нельзя дать бег обратный...»,

«Моим будь первым смело...» и др.), «Логогриф», «Загадка-омоним», «Имею честь Вам донести...», «Княжне С.А. Урусовой», «Глаза», «Из “Западно-восточного дивана” (подражание Гёте)», «На голос *За горами, за долами...*», «Драгунскому полковнику, у которого лошади худели, а люди бегали...», «Портрет кривошея», «Вдове», «Гроза страстей нас осаждает...», «Кто на шею Анну просит...», «Скажите, кто сей Я.Я.Я. <...>», «В<еликой> к<нягине> Екатерине Михайловне в день её рождения и в отсутствие матери и супруга», «История несчастного старика (княжне В.А. Черкасской)», «Заметки кому следует», «Глаза прелестные, но жаль, что смотрят врозь...», «Чтобы попасть в передовые люди...», «Светлый день! святыней брака...», «О Царскосельский сад, созданные воли мощной...», «Пытливая в большом и в малом...», «Не много их, но есть два, три мгновенья...», «Болезненные дни печально доживаю...», «Депеша Андрею Фёдоровичу Гамбургеру», «Скажи, кого ты посещаешь...», «Есть два Градовские: обоих вот примета...», «Великий Фридерик раз порешил, что сплошь...», «В числе своих причуд Восток завёл дервишей...», «Князь Горчаков — другой Черняев...», «Мои выходки» и др. Ранее неизвестные поэтические сочинения П.А. Вяземского имеются также в НИОР РГБ, РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, ОР РНБ, Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке.

Эти произведения дополняют представления об общественной позиции Вяземского в эпоху «шестидесятников», например:

* * *

*Задорен, но не зол Искáндер!
Бог милостив, хоть страшен сон:
Смотря на гнев его, ты ждешь:
вот пустит брандер¹,
Ан глядь, — шутиху² пустит он.*

¹ Судно, гружённое легковоспламеняющимися или взрывчатыми веществами, используемое для поджога или подрыва вражеских кораблей, мостов.

² Ракета, выпускаемая при фейерверке.

* * *

*Прочту ли нашего заморского витию,
Который так горазд на красное слово,
Я радуюсь всегда за матушку Россию,
Что хоть одним вралею
в ней меньше налицо.*

* * *

*Передовых людей, по описи последней,
В журналах числится
у нас густая рать;
Но не верней ли их передними назвать?
Так и несёт от них передней!*

Обращает на себя внимание реакция поэта на научные открытия второй половины XIX в., расширявшие горизонты его мировоззрения (ил. 3):

* * *

*Наукой поделом гордится человек.
Он узел гордиев – и не один – рассек,
Вооружась её мечом миролюбивым,
В борьбе с природою,
союзником счастливым.
Венчает торжеством она его труды,
Грядущего посев и опыта плоды,
Оберегает всё, всему даёт значенье,
Она наш вождь земной,
земное провиденье.*

Среди поздних лирических набросков Вяземского есть и характерные грустные аккорды: «Болезненные дни печально доживаю, / Освобожденья час зову и стерегу. / Но горькой старости подонки допиваю, / А всё ещё до дна добратся не могу».

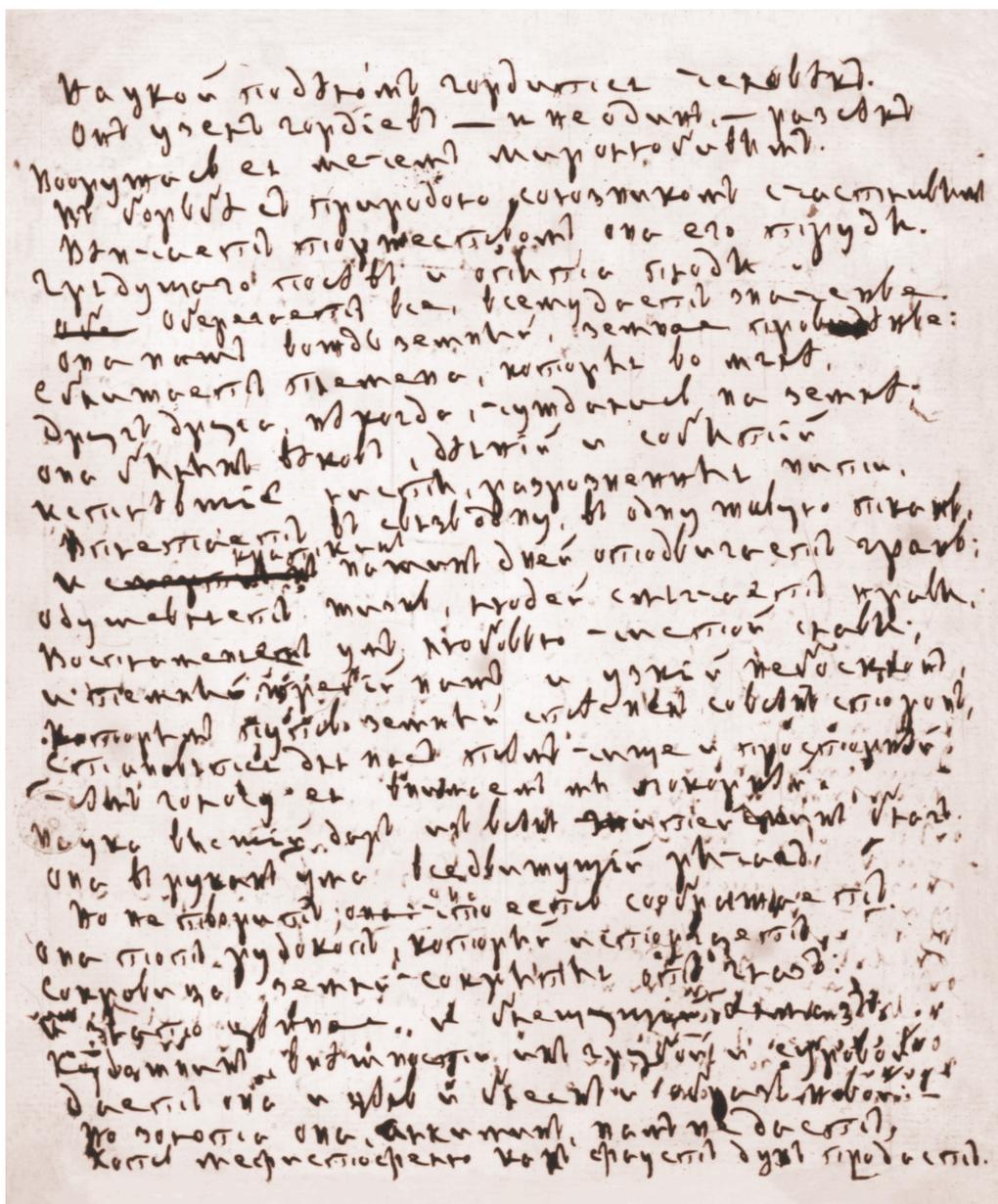
Наибольший интерес из того, что в результате системных архивных разысканий (с привлечением историко-литературного и лингво-поэтического анализа) теперь можно с уверенностью отнести к творчеству Вяземского, вызывают популярные в XIX в. анонимно бытовавшие стихотворения о Крымской войне («На нынешнюю войну», «Кто кому нуж-

нее?» / «И так не сказка уже это...», 1854) [23–24], шутивное дружеское послание «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведём...» (1853) [25]. Также имеются свидетельства принадлежности Вяземскому памфлетного обращения к Е.П.Ростопчиной по поводу её резонансного стихотворения «Насильный брак» (1846) [26].

В качестве иллюстрации патриотической позиции писателя по «восточному вопросу» приведём фрагменты его стихотворения «Кто кому нужнее?», написанного в агитационной манере с позиции доктрины «Православие. Самодержавие. Народность»:

*И так не сказка уже это,
Что Англичанин и Француз
Вступили в службу Магомета?
Что с Туркой заключив союз
Два христианские народа,
Во утешение бесам,
Идут вослед Искарриота
Предать Христа его врагам.
Стыдитесь, жалкие народы!
Всемирные опекуны,
Защитники чужой свободы,
А дома – слуги сатаны!
Не ваши ль предки в Палестине
За Гроб Господень лили кровь,
Зачем же вы хотите ныне
Попрать дела своих отцов.
Вы, просветители Европы,
Цивилизованный народ,
Антропологи, филантропы,
И разный окаянный сброд!
Довольно вы уж запятнали
Страниц в истории своей,
Когда казнили и терзали
Невинных и честных людей!
Чего ж теперь еще хотите?
Зачем вмешались в наш спор?
Как ни судите, ни рядите,
.....
Нет, вам Россия надоела,
Она вам в горле поперег!¹
Ну, что же? так и быть! Неужли*

¹ Поперег – арх. форма наречия поперек.



Ил. 3. Автограф начала стихотворения П.А. Вяземского
«Наукой поделом гордится человек...» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 917. Л. 24)

Ломать мы шапки будем вам?
Не знаем, мы для вас не нужны ль,
А вы не нужны вовсе нам!
Не нужно вин нам иноземных:
Мы, Господа благодаря,
Сумеем пить и Русским пенным¹
Здоровье Русского Царя.

Не нужны сукна нам и вата²,
И ваша байка³ не нужна:
Сошьем мундир мы для солдата
И из домашнего сукна.
Не нужны портеры, араки:
Мы дома пива наварим,
Да вас самих же после драки

¹ Пенное вино – «пенник, крепкое хлебное вино» (обл. и устар.).

² Западноевропейское заимствование в русском языке.

³ «Мягкая шерстяная или бумажная ткань с длинным ворсом»; слово голландского (по другим данным, французского) происхождения.

Опохмелиться пригласим.
 Не нужно английской нам стали:
 У нас железа рудники –
 Покойные Французы знали
 Остры ли Русские штыки.
 Не нужны ваши нам сардины
 И черепаши потроха:
 В Березине готова ныне,
 По-прежнему, для вас уха.
 Не нужны нам пружины ваши
 И все машины, вздор какой:
 Французов били ж бабы наши
 Где просто палкой, где клюкой!
 Не нужны ваши нам шинели,
 Пальто, салоны – на беду
 Они вас плохо как-то грели
 У нас в двенадцатом году.
 Не нужны нам стальные перья:
 Покойный славный ваш капрал
 Свое от трона отрешенье
 Простым гусиным подписал.

 Не нужны ваших шампанионов,
 Грибов нам хватит и для вас:
 С покойником Наполеоном
 Вы съели славный гриб у нас.¹
 И так давайте же делиться,
 Пусть будет всякий при своем,
 Мы не придем к вам поклониться,
 Бог даст, без вас мы проживем.

.....
 Но нет, мы ясно видим ныне,
 Что всякая к вам наша речь,
 Глас вопиющего в пустыне:
 Так пусть нас судят Бог да меч!

Заключение

В результате систематизации литературного наследия поэта нами был составлен «Алфавитный указатель поэтических произведений П.А.Вяземского», отражающий к настоящему моменту почти 1400 произведений писателя – от эпистолярных миниатюр (одностиший, двустиший) до циклизаций в виде «баркарол», «басен», «заметок», «отрывков», «очерков», «притч», «разговоров», «эпиграмм», «шарад», «логогрифов» (с указанием их печатных или архивных источников); опубликованы некоторые забытые произведения классика, ранее не известные его тексты, а также приписываемые ему [27]. Вместе с тем обнаруживаются всё новые факты поэтической деятельности Вяземского [см., напр.: 28], продолжаются коллективное исследовательское освоение архивных и эпистолярных массивов, уточнение авторства тех или иных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878–1896.
2. [Лонгинов М.Н.] Библиография сочинений князя П.А. Вяземского // Вяземский П.А. В дороге и дома: Собрание стихотворений. М.: В тип. Бахметева, 1862. С. 385–408.
3. Пономарёв С.И. Памяти князя П.А. Вяземского. СПб.: Тип. Академии наук, 1879.
4. Вяземский П.А. Избранные стихотворения / Ред., ст. и коммент. В.С. Нечаевой. М.; Л.: Academia, 1935.
5. Вяземский П.А. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Л.Я. Гинзбург. Л.: Советский писатель, 1958.
6. Вяземский П.А. Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. М.И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982.
7. Вяземский П.А. Стихотворения / Сост., подгот. текста и прим. К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1986.

¹ Архаический фразеологизм *гриб съел*, т.е. «потерпел неудачу, не получил желаемого, обманулся в расчётах».

8. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969.
9. П.А. Вяземский: Неизвестный и забытый (Из поэтического наследия) / Изд. подгот. П.Р. Заборов и Д.М. Климова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013.
10. Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.) / Вступ. ст., подгот. текста и прим. А.А. Морозова. Л.: Советский писатель, 1960.
11. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. / Сост., подгот. текста и прим. В.Е. Васильева, М.И. Гиллельсона, Н.Г. Захаренко. Л.: Сов. писатель, 1975.
12. Русская басня XVIII–XIX веков / Сост., подгот. текста и прим. В.П. Степанова, Н.Л. Степанова. Л.: Советский писатель, 1977.
13. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века) / Сост. и прим. М.И. Гиллельсона, К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1988.
14. «Арзамас»: В 2 кн. / Под общ. ред. В.Э. Вацуру и А.Л. Осповата. М.: Художественная литература, 1994.
15. Русская стихотворная эпитафия / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. С.И. Николаева, Т.С. Царьковой. СПб.: Академический проект, 1998.
16. Батюшков К.Н. Соч.: В 3 т. СПб.: Издание П.Н. Батюшкова, 1885–1887.
17. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Франкоязычное сатирическое стихотворение П.А. Вяземского о Крымской войне // Художественный перевод и сравнительное литературоведение: VIII. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 217–223.
18. Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899–1913.
19. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949.
20. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Забытый перевод водевиля П. Виллье и А. Гуффе «Le chanteur et le tailleur» («Певец и портной» П.А. Вяземского) // Художественный перевод и сравнительное литературоведение: VIII. М.: Флинта; Наука, 2017. С. 72–110.
21. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Комедия-водевиль Ж.-Г. Имбера и А.-Ф. Варнера «Le propriétaire sans propriété» в переводе П.А. Вяземского и В.Л. Пушкина («Помещик без поместья») // Там же. С. 111–144.
22. РГАЛИ. Ф. 195 (П.А. Вяземский).
23. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») // Русская литература. 2017. № 1. С. 133–145.
24. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Новые архивные данные об авторстве анонимного стихотворения «На нынешнюю войну» (1854) // Литературный факт. 2018. № 9. С. 282–293.
25. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве стихотворения «Разгульное житьё в Карлсбаде мы ведём...», или «Карлсбадский текст» в русской поэзии // Там же. 2018. № 7. С. 179–196.
26. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. К вопросу об авторстве анонимного стихотворения «Ответ вассалов», адресованного Е.П. Ростопчиной // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. № 5. С. 52–61.
27. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015.
28. Панов С.И. Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского «Орфографическое замечание» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 319–352.

ENGLISH

P.A. Vyazemsky's Poetic Heritage

Dmitry Nikolaevich Zhatkin – Doctor of Philology, Head of the Department of Translation and Methods of Translation, Penza State Technological University, supervisor of the project “Unpublished, Anonymous and Little-Known Works by P.A. Vyazemsky (Bibliography, Textology, Poetics)” (17-04-00069a).

E-mail: ivb40@yandex.ru

Nikolay Leonidovich Vasilyev – Doctor of Philology, Professor of the National Research Ogarev Mordovia State University, researcher in the same project.

E-mail: nikolai_vasiliiev@mail.ru

The paper focuses on the preliminary systemic insights into P.A. Vyazemsky's poetic heritage (1792–1878) based on the analysis of his numerous lifetime and posthumous publications (proved author's, co-author's, anonymous), the collection of letters written by Vyazemsky and his contemporaries, archival materials from the collections of the Russian State Archive of Literature and Art, Manuscript Research Department of the Russian State Library, Manuscript Department of the Institute of Russian Literature, Manuscript Department of the National Library of Russia, Manuscript Department of St. Petersburg State Theatre Library. They are based on the alphabetical bibliography of Vyazemsky's poems compiled by the project team, including almost 1,400 works (indicating their printed or archival sources with the necessary textual comments). The previously unknown poems that were not published or printed anonymously for some reason are revealed and partly put into scientific circulation. Among them, there are the patriotic poems “To the Current War”, “Who Needs Whom More?” attributed erroneously to other authors and popular in the 19th century. This research helped to broaden the understanding of Vyazemsky's activity as a poet.

Keywords: P.A. Vyazemsky, poetry, proved author's works, anonymous publications, letters, archives, bibliography

REFERENCES

1. Vyazemskiy P.A. Poln. sobr. soch.: V 12 t. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1878–1896 (in Russian).
2. [Longinov M.N.] Bibliografiya sochineniy knyazya P.A. Vyazemskogo // Vyazemskiy P.A. V doroge i doma: Sbranie stikhotvoreniy. M.: V tip. Bakhmeteva, 1862. S. 385–408 (in Russian).
3. Ponomaryov S.I. Pamyati knyazya P.A. Vyazemskogo. SPb.: Tip. Akademii nauk, 1879 (in Russian).
4. Vyazemskiy P.A. Izbrannye stikhotvoreniya / Red., st. i komment. V.S. Nechaevoy. M.; L.: Academia, 1935 (in Russian).
5. Vyazemskiy P.A. Stikhotvoreniya / Vstup. st., podgot. teksta i prim. L.Ya. Ginzburg. L.: Sovetskiy pisatel', 1958 (in Russian).
6. Vyazemskiy P.A. Soch.: V 2 t. / Sost., podgot. teksta i komment. M.I. Gillel'sona. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982 (in Russian).
7. Vyazemskiy P.A. Stikhotvoreniya / Sost., podgot. teksta i prim. K.A. Kumpan. L.: Sovetskiy pisatel', 1986 (in Russian).
8. Gillel'son M.I. P.A. Vyazemskiy: Zhizn' i tvorchestvo. L.: Nauka, 1969 (in Russian).

9. P.A. Vyazemskiy: Neizvestnyy i zabytyy (Iz poeticheskogo naslediya) / Izd. Podgot. P.R. Zaborov i D.M. Klimova. SPb.: Pushkinskiy Dom, 2013 (in Russian).
10. Russkaya stikhotvornaya parodiya (XVIII – nachalo XX v.) / Vstup. st., podgot. teksta i prim. A.A. Morozova. L.: Sovetskiy pisatel', 1960 (in Russian).
11. Russkaya epigramma vtoroy poloviny XVII – nachala XX v. / Sost., podgot. teksta i prim. V.E. Vasil'eva, M.I. Gillel'sona, N.G. Zakharenko. L.: Sov. pisatel', 1975 (in Russian).
12. Russkaya basnya XVIII–XIX vekov / Sost., podgot. teksta i prim. V.P. Stepanova, N.L. Stepanova. L.: Sovetskiy pisatel', 1977 (in Russian).
13. Russkaya epigramma (XVIII – nachalo XX veka) / Sost. i prim. M.I. Gillel'sona, K.A. Kumpan. L.: Sovetskiy pisatel', 1988 (in Russian).
14. «Arzamas»: V 2 kn. / Pod obshch. red. V.E. Vatsuro i A.L. Ospovata. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1994 (in Russian).
15. Russkaya stikhotvornaya epitafiya / Vstup. st., sost., podgot. teksta i prim. S.I. Nikolaeva, T.S. Tsar'kovoy. SPb.: Akademicheskii proekt, 1998 (in Russian).
16. Batyushkov K.N. Soch.: V 3 t. SPb.: Izdanie P.N. Batyushkova, 1885–1887 (in Russian).
17. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Frankoyazychnoe satiricheskoe stikhotvorenie P.A. Vyazemskogo o Krymskoy voyne // Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noe literaturovedenie: VIII. M.: Flinta; Nauka, 2017. S. 217–223.
18. Ostafevskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh: V 5 t. / Pod red. i s prim. V.I. Saitova. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1899–1913 (in Russian).
19. Pushkin A.S. Poln. sobr. Soch.: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1949 (in Russian).
20. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Zabytyy perevod vodevilya P. Vill'e i A. Guffe «Le chanteur et le tailleur» («Pevets i portnoy» P.A. Vyazemskogo) // Khudozhestvennyy perevod i sravnitel'noe literaturovedenie: VIII. M.: Flinta; Nauka, 2017. S. 72–110 (in Russian).
21. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Komediya-vodevil' Zh.-G. Imbera i A.-F. Varnera «Le propriétaire sans propriété» v perevode P.A. Vyazemskogo i V.L. Pushkina («Pomeshchik bez pomest'ya») // Tam zhe. S. 111–144 (in Russian).
22. RGALI. F. 195 (P.A. Vyazemskiy) (in Russian).
23. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniya «Na nyneshnyuyu voynu» («Vot, v voinstvennom azarte, voevoda Pal'merston...») // Russkaya literatura. 2017. № 1. S. 133–145 (in Russian).
24. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Novye arkhivnye dannye ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniya «Na nyneshnyuyu voynu» (1854) // Literaturnyy fakt. 2018. № 9. S. 282–293 (in Russian).
25. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. K voprosu ob avtorstve stikhotvoreniya «Razgul'noe zhit'yo v Karlsbade my vedyom...», ili «Karlsbadskiy tekst» v russkoy poezii // Tam zhe. 2018. № 7. S. 179–196 (in Russian).
26. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. K voprosu ob avtorstve anonimnogo stikhotvoreniya «Otvat vasalov», adresovannogo E.P. Rostopchinoy // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2018. № 5. S. 52–61.
27. Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Slovar' poeticheskogo yazyka P.A. Vyazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovavshikhnya ego stikhotvoreniy). M.: Flinta; Nauka, 2015 (in Russian).
28. Panov S.I. Neizdannaya stat'ya S.N. Durylina o stikhotvorenii P.A. Vyazemskogo «Orfograficheskoe zamechanie» // Literaturnyy fakt. 2018. № 10. S. 319–352 (in Russian).



М.А. КАРАЧЕВСКАЯ*

М.Ф. Гнесин: художественное мировоззрение и черты композиторского стиля

Объектом исследования послужило многообразное творческое наследие М.Ф. Гнесина: научные и критические тексты (преимущественно неопубликованные рукописи), изученные музыковедами лишь фрагментарно, а также музыкальные сочинения (в том числе ранее не изученные неосуществлённые замыслы). Предметом исследования выступили: в теоретических трудах – тезисы Гнесина о происхождении музыки, её сущности и свойствах, о её положении в системе искусств; авторская концепция синтеза искусств (в частности, музыки и живописи); взгляды М.Ф. Гнесина на проблемы культурной идентичности, мысли о путях развития русской музыки после 1918 г., о творческих задачах еврейской профессиональной композиторской школы; в музыкальных сочинениях – стилевые особенности композиторского творчества Михаила Фабиановича (форма, мелодика, гармония, ритмика). Целью проекта было впервые комплексно изучить все области многогранной деятельности М.Ф. Гнесина, охарактеризовать его эстетические взгляды, выделить основные направления научно-критического наследия, изучить стилевые особенности музыкальных произведений композитора и рассмотреть их в контексте его художественного мировоззрения.

Ключевые слова: М.Ф. Гнесин, Серебряный век, русская музыка, еврейская музыка, синтез искусств, музыкальное чтение

Михаил Фабианович Гнесин (1883–1957) (ил. 1) – представитель одной из самых знаменитых музыкальных семей в России. Пять его сестёр¹ были известными фортепи-

анными педагогами (ил. 2), три из которых – Евгения, Елена и Мария основали в 1895 году в Москве частное музыкальное училище, а в 1944-м – Институт имени Гнесиных (ныне РАМ им. Гнеси-

¹ Савина-Гнесина Евгения Фабиановна (1871–1940), Гнесина Елена Фабиановна (1874–1967), Гнесина Мария Фабиановна (1876–1918), Гнесина-Витачек Елизавета Фабиановна (1879–1953), Александрова-Гнесина Ольга Фабиановна (1881–1963).

* **Карачевская Мария Алексеевна** — кандидат искусствоведения, заместитель начальника Отдела компьютерных технологий и информационной безопасности Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, руководитель проекта «М.Ф. Гнесин: художественное мировоззрение и творчество» (17-04-50126 а(ф)).

E-mail: mashalight@yandex.ru



Илл. 1. М.Ф. Гнесин. 1938 г. РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 1095

ных). Широко известна огромная педагогическая, просветительская и общественно-музыкальная работа Елены Фабиановны, директора комплекса музыкальных заведений имени Гнесиных, автора ряда трудов по методике преподавания фортепиано. Младший брат М.Ф. Гнесина, Григорий Фабианович (1884–1938), был певцом, актёром, писателем, поэтом и переводчиком (ему принадлежат, в частности, переводы либретто различных зарубежных опер), оставившим обширное литературное наследие, из которого сохранилась лишь малая часть, в том числе книга «Воспоминания бродячего певца: Очерки Италии» (Петроград, издательство М. Семёнова, 1917). Музыкально одарёнными были мать композитора – пианистка и певица Белла Исаевна Флотзингер и его дед, народный певец и сказитель Исай Флотзингер (Шайке Файфер).

М.Ф. Гнесин – уникальная фигура в истории отечественной музыкальной культуры первой половины XX в. В его разносторонней деятельности сфокусировались самые разные грани таланта –

композитора, учёного-мыслителя, педагога, организатора. М.Ф. Гнесин известен как яркий и самобытный автор позднеромантического направления, наследник традиций Н.А. Римского-Корсакова и А.К. Лядова, и в то же время он – один из основоположников профессиональной еврейской композиторской школы. Гнесин обладал даром учёного, зафиксировавшего многие актуальные тенденции своего времени и предложившего новый взгляд на отдельные проблемы; он создал «теорию музыкального чтения» – уникальный метод «омузыкаленной речи», родственной Sprechgesang А. Шёнберга. М.Ф. Гнесин вёл и активную преподавательскую работу, будучи профессором Московской и Ленинградской консерваторий, Института имени Гнесиных; продолжая педагогические традиции Н.А. Римского-Корсакова, Михаил Фабианович создал собственную «школу», во многом инновационную для своего времени. Его талант создателя и просветителя проявился не только в публичных лекциях, но и в инициировании ряда



Ил. 2. О.Ф. Александрова-Гнесина, Ел.Ф. Гнесина, Е.Ф. Савина-Гнесина,
М.Ф. Гнесина, Е.Ф. Гнесина-Витачек

культурных проектов: организации Донской консерватории, открытия трёх музыкальных школ и общества «Музыкальная библиотека имени Н.А.Римского-Корсакова» в Ростове-на-Дону, проведении Весенних музыкальных праздников в Краснодаре и др.

Особенностью творческой личности Гнесина было то, что все направления его деятельности взаимосвязаны. Мысли об искусстве, зафиксированные им в научных текстах, нашли отражение как в педагогической практике, так и в музыкальном творчестве, являясь наглядной «иллюстрацией» внутренней «философии» композитора.

Научно-критические работы М.Ф. Гнесина

Литературное творчество — важная составляющая художественного наследия Гнесина, который называл себя «размыш-

ляющим музыкантом». Несмотря на то, что лишь малая часть текстов была опубликована (сохранилось примерно 200 работ Гнесина), а многие сохранились лишь в виде черновых набросков, тем не менее даже обзор одних наименований позволяет судить о широчайшем кругозоре их автора. Проблематика статей охватывает самые разные вопросы (как глобальные, так и узкоспециальные) в области не только музыки, но и живописи, поэзии, литературы, педагогики, философии, психологии.

В статьях и лекциях о русской музыке¹, составляющих преобладающую часть литературного наследия, М.Ф. Гнесин освещает ряд важных и актуальных для своего времени вопросов. В частности, в цикле очерков «О русском симфонизме (Эпический симфонизм и эпическая музыкально-сценическая драматургия)» (1940-е) он одним из первых в отечественном музыкознании затрагивает

¹ Среди них — «Эпос и драма в русской музыке» (1911), «Мистерия человечества и история музыки» (1916), «Народно-певческое дело в России» (1916), «Проводы масленицы» (1913), «Народный стиль у композиторов-интеллигентов» (1913), «Музыкальный фольклор и работа композитора» (1937) и др.

проблему игнорирования советской наукой русской программной симфонической музыки, а также рассматривает исторические типы симфонизма в связи с особенностями творческого мышления композиторов. В статье «“Интернационализм” и русская музыка» (1918) Гнесин отражает характерные для 1910-х гг. споры о путях развития русской музыки, о проблемах её «денационализации». Отдельный пласт составляет комплекс работ о Н.А.Римском-Корсакове, включающий характеристику педагогических принципов и личных качеств учителя, эстетических взглядов и художественного мировоззрения, его достижений в сфере музыкального образования, аналитические эссе об операх; часть этих текстов вошла в книгу Гнесина «Мысли и воспоминания о Н.А.Римском-Корсакове» (1956).

Материалы, посвящённые еврейской культуре¹, отражают острые вопросы национального самосознания евреев, проблемы культурной идентичности, феномен еврейской «самоненависти», содержат размышления Гнесина о месте еврейского искусства в общем культурном пространстве.

Важнейшими для понимания эстетических взглядов Гнесина являются его исследования о синтезе искусств. Одна из самых значительных работ композитора — статья «О природе музыкального искусства и о русской музыке» (1915), где автор затронул вопросы о сущности музыки, изложил собственное представление о её свойствах, одним из первых в отечественном музыкознании описал понятия музыкального времени и пространства, отличия предмета искусства от его художественного образа. Не утратили своей актуальности философские размышления Гнесина о все-

общей гармонии, взаимосвязях звука со словом, движением, жестом, цветом, комплекс текстов о «музыкальном чтении»: «Н.А.Римский-Корсаков и живопись» (1940-е), «Пластика в музыке и стихосложении» (1907), «Применение элементов музыки в декламации» (1907), «Происхождение языка и пения» (1900-е), «Музыка и слово» (1940-е), «О музыкальном чтении в драме» (1910-е) и др.

Наконец, результаты многолетней педагогической работы отразились в ряде трудов по теории музыки, теории и практике композиции², и прежде всего — в учебнике «Начальный курс практической композиции», где Гнесин предложил собственную классификацию двух видов композиторов в зависимости от типа их творческого мышления.

Эстетические взгляды М.Ф. Гнесина

Художественное мировоззрение Гнесина формировалось в эпоху, когда были чрезвычайно актуальны концепции всеобщей гармонии, неразрывной эстетической связи искусства и природы, физической и духовной жизни. По мнению одного из главных апологетов этой теории Вл.С.Соловьёва, художественное произведение есть «всякое осязательное изображение какого бы то ни было предмета и явления», а одной из основных задач искусства является «одухотворение природной красоты» [1, с. 83]. Для Гнесина любое искусство, и особенно музыка, — это прямое отражение определённых эмоций, конкретных впечатлений: «Выразительные свойства искусства всегда покоятся на каких-нибудь аналогиях с жизненными явлениями внешнего и внутреннего мира <...>» [2, с. 121]; «Не только отдельные музыкальные образы,

¹ «Рихард Вагнер и еврейство» (1913), «Музыкальные впечатления Палестины» (1914), «Евреи в искусстве» (1910-е), «О еврейской музыке» (1924), «Еврейское искусство и рабочий класс» (1925), «Антисемитизм и музыка» (1915) и др.

² «Ритм в музыке» (1915–1917), «Инструментальная нотация» (1924–1926), «Особенности форм в донских напевах былин» (1920-е), «Система тонов и интонации в музыке советского востока» (1930-е), «О методике преподавания композиции» (1947), «Об отношении к формообразованию» (1940–1950-е) и др.

но и целые формы могут ощущаться нами, как имеющие непередаваемую <...> словами “музыкальную” связь с процессами жизненными и мыслительными» [3, с. 23].

Подобное мироощущение было во многом привито Н.А. Римским-Корсаковым, создавшим, по словам Гнесина, из звуков и картин природы, народных песен новый музыкальный язык: «На этом языке говорим все мы, молодые музыканты, и настолько стали уже элементами нашей музыкальной речи все эти птичьи попевки и отрывки народных тем, что мы уже забыли о том, что когда-то они не принадлежали нам» («Эпос и драма в русской музыке» [4, с. 316]).

Находясь в оппозиции к приверженцам «абсолютной» музыки (Э. Ганслику, Г.А. Ларошу) и отстаивая право на существование программного симфонизма, Гнесин тем не менее признаёт, что для отдельных художников музыка является скорее конструктивным искусством. Он предлагает собственную классификацию композиторов по типу их творческого мышления – «конструктивисты» и «эмоционалисты». С конструктивным мышлением Гнесин связывает увлечённость композитора выстраиванием формы, стремление к линейному, динамичному развитию музыкального материала. Под эмоциональным мышлением он понимает исходный творческий импульс в виде «всплеска эмоций», вначале мыслимый вне музыкальной формы. «Подход художника конструирующего и художника выразительного сказывается в том, что первый нередко понижает выразительное действие отдельных элементов (тема, гармония), видоизменяя их на предмет более удобного развёртывания целого, превращая их в элемент движения <...>; второй – охотно изолирует отдельные элементы, чтобы ярче показать их выра-

зительную силу. <...> Построение целого достигается у него <...> путём развёртывания их в направлениях, наиболее способствующих углублению основного образа и раскрытию не показанных сразу его потенциальных выразительных черт. Замкнутые в своей законченности элементы композиции в этом случае труднее поддаются развитию <...>»¹ [6, с. 194–195].

Утверждая мысль о способности музыкального искусства к изобразительности, Гнесин приходит к выводу, что музыка, таким образом, сближается с другими видами искусства (в частности, с живописью) и выходит за пределы своих «первичных», чисто конструктивных свойств, приобретая свойства «предельные», изобразительные. По мнению композитора, музыкальное произведение не развёртывается во времени, но находится в некоем пространственно-временном *протяжении*. Статичность и неподвижность признаются столь же характерными для музыки свойствами: «Хотя в музыкальном произведении отдельные его части появляются в последовательности, одна за другою, создавая впечатление непрерывного движения, но это искусство обладает средствами и для воспроизведения неподвижности или относительной неподвижности. <...> Графичность в восприятии и воспроизведении вполне закономерны и для музыкального искусства» [7, с. 18–19]. Гнесин отмечает, что выход за пределы границ своего искусства всегда связан с созданием наиболее выдающихся произведений: «Совершенно так же, как художники и скульпторы, великим искусством достигая впечатления движения в своих неподвижных картинах и статуях, этим самым лишь раздвигают рамки своего искусства, и великий музыкант-композитор, найдя в музыке способы отражения неподвижности,

¹ Значимость сформулированных Гнесиным принципов для становления творческой индивидуальности и их актуальность в наши дни подтверждают современные исследования [5].

чрезвычайно обогащает этим своё искусство»¹ [9, с. 9].

Существование «предельных» свойств фактически стирает грань между различными видами искусств, и их разделение на пространственные и временные, образительные и конструктивные является, по мнению Гнесина, неправомерным. Таким образом, для него — ярко выраженного синестета, ощущавшего тесную взаимосвязь самых разных чувств (зрительных, слуховых, осязательных), совершенно естественной становится идея синтеза искусств: «Достижение синтеза искусств — это конечная цель в стремлении к высшей гармонии» [10, с. 5]. В поисках способов достижения синтеза Гнесин обращается к глубинному анализу элементов различных искусств — музыки (звук, интервал), поэзии (фонема, метр, ритм), живописи (цвет), танца (жест); изучает их непосредственное происхождение из человеческого «бытия», устанавливая связь между речевыми и музыкальными звуками, между элементарными ритмическими фигурами и «бытовыми» движениями, жестами, заимствованными из трудовой деятельности. В сферу анализа включаются и такие необычные элементы, как тембр инструмента (например, по мнению Гнесина, тембр гобоя содержит звуки *й*, *ä*, что соответствует зелёному и оранжево-жёлтому цветам, труба — звук *а*, соответствующий белому цвету, тромбон — звук *о*, соответствующий красно-чёрному цвету и т.п. [10]). И в каждом случае, исследуя природу различных искусств, Гнесин подчеркивает в качестве причины, первоосновы их возникновения эмоциональ-

ное начало — личные переживания, впечатления².

Мировоззрение и музыкальное творчество М.Ф. Гнесина

Гнесин, по его собственной классификации, относится к «эмоциональному» типу композиторов и в своём творчестве прежде всего развивает те черты, которые этому типу свойственны. Воспоминания Гнесина об истории возникновения некоторых его опусов связаны с непосредственным впечатлением: от природы, жизненных событий, литературных сочинений или произведений живописи. О романсе ор. 2 «Чайка» (1907) Гнесин вспоминал: «<Я> лежал в лодке, любясь облаками <...>. Было как-то особенно много чаек. Они слепили мне глаза и блеском крыльев на солнце, и своими криками. У меня как раз было намечено сочинение музыки к <...> стихотворению Бальмонта «Чайка», и мне все хотелось услышать в музыке отражение этого сверкания, голосов чаек <...>» [11, с. 144]. Картины М.А. Врубеля вдохновили Гнесина на создание Симфонического дирамбы «Врубель» для голоса с оркестром ор. 8 (1911) на текст стихотворения В.Я. Брюсова «М.А. Врубелю». Под впечатлением от стихотворения Е.А. Баратынского «На смерть Гёте» и от картины В.Э. Борисова-Мусатова «Реквием» был написан Квартет ор. 11 с одноимённым названием «Реквием» (1912–1914); под впечатлением от драмы П.Б. Шелли «Освобождённый Прометей» — Симфонический фрагмент «Из Шелли» ор. 4 (1906–1908). В Симфонической фантазии в ев-

¹ С.В. Аникиенко связывает подобное стремление к преодолению границ искусства с состоянием высшей творческой радости, экстаза, которого Гнесин, по словам исследователя, пытается достичь в своих инструментальных сочинениях [8, с. 59].

² В частности, в музыке Гнесин отмечает выразительные особенности отдельных интонаций: «Малые интервалы — ровное течение переживаний. <...> Оттенок радости увеличивает интервалы подъёма либо опускания голоса; страдания — уменьшает до тона или даже полутона. <...> Хроматизм — потеря границ, течение стихийных процессов, ослабление сознательной воли» [2, с. 124]. Аналогичны рассуждения о ритме: «Равные доли: <...> символ нормального течения жизни, <...> любования закономерностью мёртвой природы, блеском звёзд, спокойно волнующегося моря; <...> религиозное созерцание» [2, с. 122]. Сочетание же долей различной долготы отражает различные эмоциональные состояния (просьба, мольба, страх, гнев, радость, веселье, упадочность и др.), для которых Гнесин выводит определённые ритмоформулы.

рейском роде «Песнь о древней родине» ор. 30 (1918–1919) воплотились картины природы, увиденной Гнесиным во время его первой поездки в Палестину в 1914 г.

«Эмоциональный» тип мышления Гнесина повлиял на все компоненты его авторского стиля: форму, характер тематизма, способы развития музыкального материала, гармонию, ритмику, темпо-динамические нюансы.

Главная особенность музыкальной формы сочинений Гнесина — это её стремление к статике, к «нелинейному» развитию, к развёртыванию музыкального материала скорее «по вертикали», чем по горизонтали, длительное пребывание внутри одной эмоции, одной краски. Гнесин является «радикальным приверженцем» того типа композиции, который Д. Гойови назвал *органическим* [12, с. 105]. В основных чертах он характеризуется размытостью границ разделов сочинения, отсутствием контрастных музыкальных тем, равноправием фона и мелодии,

варьированием и повторением мотивов (основные способы развития материала), склонностью к стагнации формы (преимущество медленных темпов, любование аккордовыми красками, нивелирование функциональных связей — символов движения). Форму гнесинских сочинений его современники называли «лоскутной», «мозаичной»; в частности, Ю. Д. Энгель отмечал склонность композитора к «нанизыванию и перестановке мелких звеньев, а не к стройной органической спайке широких пластов» [13, с. 452], а Н. Я. Мясковский называл мозаичность «отличительной чертой гнесинского письма» [14]. Гнесин опирается преимущественно на классические формы (простая трёхчастная, сонатная), однако наполняет их иначе, прежде всего, благодаря особенностям тематизма, способам его развития и гармонии.

Для многих музыкальных тем Гнесина характерна краткость (ил. 3); мотивы, как правило, замкнуты, в них нет им-

Ил. 3. М. Ф. Гнесин. Квintет «Реквием» ор. 11



Ил. 4. М.Ф. Гнесин. Страницы из «Песни Песней» оп. 33

пульса к дальнейшему развитию. Страние некоторых тем напоминает круговое движение, возвращение к исходной точке (ил. 4). Основным способом развития тематического материала становится его многократное повторение – точное или варьированное. Значительное место занимают секвенции, которые при множественном использовании перестают носить динамизирующий характер и выполняют прямо противоположную функцию – «статизирующую». Композитор отмечал, что секвенции «утрачивают способность воздействовать как аналог движению именно вследствие передаваемого ими ощущения автоматизированного движения. Всякий автоматизм <...>, наталкиваясь на порог ощущения, вызывает впечатление слияния. <...> Повторы <...> нередко служат в музыкальном искусстве средством завораживать слушателя, сосредотачивая, останавливая его внимание» [6, 101–102].

Одним из важнейших компонентов, напрямую связанных с красочностью, изо-

бразительностью, для Гнесина является гармония. Он часто повторял, что гармония должна успеть запечатлеться у слушателя, поэтому для его сочинений характерно длительное пребывание в одной гармонии посредством органного пункта или разработки аккорда, путём использования повторяющихся аккордовых структур, дополнительно-конструктивных элементов (ДКЭ, термин Ю.Н. Холопова). Краска аккорда выходит на первый план, композитору важна гармоническая вертикаль, пространственный параметр («аккордово-фоническое письмо» по терминологии Д.Гойови). Лучшему восприятию гармонических красок способствуют медленные темпы, которые у Гнесина существенно преобладают.

Выразительным средством является и ритмика. Её способность отражать неподвижность выражается в одних случаях с помощью повторяемости заданного ритмического рисунка. В других случаях статический эффект способна создать и разнообразная ритмика, часто меняю-

щаяся на протяжении небольших отрезков нотного текста: благодаря непостоянству ритмического рисунка, отсутствию определённого алгоритма движения создаётся ощущение статичности, нелинейного развития, внезапности следующего такта, неизвестности будущего.

Подлинно синтетического произведения, по типу скрябинской мистерии, Гнесин не создал, но оставил интересные экспериментальные попытки его осуществления, например необычный опыт участия в организации Праздника древонасаждений — своеобразного мистериального действия, где соединились музыка, костюмированное шествие и предполагалось привлечение других видов искусства [15].

Склонность к синтезу проявилась в рассмотренных чертах композиторского стиля Гнесина, в стремлении придать музыке «статические», «пространственные» черты, свойственные живописи¹. Однако наибольшего синтеза Гнесин достиг в области музыки и слова. Прежде всего — в виде изобретённого им способа «музыкального чтения» (приёма, родственного мелодекламации), использованного в музыке к трагедиям Софокла «Антигона» ор. 13 (1909–1915), «Эдип-царь» ор. 19 (1917) и трагедии «Финикиянки» Еврипида ор. 17 (1912–1916). Глубочайший анализ связей звука речевого и звука музыкального нашёл непосредственное отражение и в камерном вокальном творчестве — основной обла-

сти гнесинского наследия. В интонациях, в ритмическом рисунке мелодической линии композитор всегда чутко следовал за текстом, соблюдая соответствующие подъёмы и спады голоса, паузы, динамику, смысловые ударения.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что значимость вклада Гнесина в историю отечественного искусства первой половины XX в. несомненна. Его собственная оригинальная научная позиция относительно различных проблем искусства, созвучная или же вступающая в дискурс с мыслями его выдающихся современников — А.Ф.Лосева, Вяч.И. Иванова, Л.Л.Сабанеева, Э.К.Метнера, И.И.Лапшина, К.Р.Эйгеса и других, составляет важную часть отечественного музыкознания. Творческие эксперименты Гнесина с музыкой и литературным словом, стремление сотворить единое художественное целое из элементов различных искусств и, с другой стороны, написание сочинений в стиле «новой еврейской школы» (в частности, попытки создания одной из первых национальных опер) — всё это отражает важные вехи развития отечественной музыкальной культуры начала столетия. Раскрыть творческую личность Гнесина — композитора и философа — и представить малоизвестные страницы его литературно-музыкального наследия было основной целью данного проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёв Вл. С. Общий смысл искусства // Философия искусства и литературная критика / Сост. и вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской; Коммент. А.А. Носова. М.: Искусство, 1991.
2. Гнесин М.Ф. О «музыкальном чтении в драме». Сводная копия текстов М.Ф. Гнесина, составленная Е.Ю. Кистяковской // Вс. Мейерхольд и Мих. Гнесин. Собрание документов / Сост. И.В. Кривошеева, С.А. Конаев. М.: Изд-во ГИТИС, 2008. С. 116–136.
3. Гнесин М.Ф. О природе музыкального искусства и о русской музыке // Музыкальный современник. 1915. № 3. С. 5–32.

¹ Отметим также уникальный перформанс, состоявшийся в 1913 г., когда Симфонический дирижёр «Врубель» Гнесина был исполнен параллельно с демонстрацией картин художника.

4. Аникиенко С.В. Музыкально-общественная и творческая деятельность М.Ф. Гнесина в Екатериноодаре (источниковедческий аспект): Дисс... канд. иск. Ростов-на-Дону, 2015.
5. Савин В.В. Об использовании принципов М.Ф. Гнесина в формировании творческого мышления музыканта в вузе культуры // Педагогика и искусство в современной культуре. Научные и научно-методические статьи. По материалам Второй всероссийской педагогической конференции (Санкт-Петербург, 24–25 февраля 2019 г.). СПб.: КультИнформПресс, 2019. С. 114–119.
6. Гнесин М.Ф. Начальный курс практической композиции. 2-е изд. М.: Музгиз, 1962.
7. Гнесин М.Ф. Исследование о Н.А. Римском-Корсакове. 1930–1939 гг. // РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 137. 202 л. Автограф, машинописная копия с правкой автора.
8. Аникиенко С.В. Экстаз и покой в инструментальных сочинениях М.Ф. Гнесина // Aspectus. 2014. № 4 (5). С. 54–61.
9. Гнесин М.Ф. Мысли и воспоминания о Н.А. Римском-Корсакове. М.: Музгиз, 1956.
10. Гнесин М.Ф. Применение элементов музыки в декламации (1907) // РГАЛИ. Ф. 2954. Оп. 1. Ед. хр. 101. 65 л.
11. Гнесин М.Ф. Страницы из воспоминаний // М.Ф. Гнесин. Статьи, воспоминания, материалы / Ред.-сост. Р.В. Глезер. М.: Советский композитор, 1961. С. 122–153.
12. Гойови Д. Новая советская музыка 20-х годов / Пер. с нем. и общ. ред. Н.О. Власовой. М.: Композитор, 2005.
13. Энгель Ю.Д. [М. Гнесин. Первый вечер современной музыки] // Энгель Ю.Д. Глазами современника. Избранные статьи о русской музыке 1898–1918 / Сост., ред. и вступ. ст. И.Ф. Кунина. М.: Советский композитор, 1971. С. 450–453.
14. Мясковский Н.Я. М. Гнесин. Соч. 10. «Посвящения». Музыка к стихотворениям Вяч. Иванова (№ 1, 2). // Н.Я. Мясковский. Статьи, письма, воспоминания: В 2 т. М.: Советский композитор, 1960. Т. 2. С. 100.
15. Сычёва Г.С. Праздник древонасаждений: эксперимент или путь к возрождению древней традиции? // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 2 (11). С. 3–6.

ENGLISH

M.F. Gnesin: Artistic Vision and Features of the Composer Style

Maria Alekseevna Karachevskaya – PhD in Art Studies, Deputy Head of the Department of Computer Technology and Information Security, Moscow State Tchaikovsky Conservatory, supervisor of the project “M.F. Gnesin: Artistic Vision and Legacy” (17-04-50126 a(f)).

E-mail: mashalight@yandex.ru

The research focuses on M.F. Gnesin's diverse creative legacy: scholarly and critical texts (mainly unpublished manuscripts) studied by music experts sporadically, as well as pieces of music (including not previously studied ideas). The paper dwells upon Gnesin's theses on the origin of music, its essence and properties, its position in the arts system – in the theoretical works; the author's concept of arts synthesis (in particular, music and painting); M.F. Gnesin's views on cultural identity, thoughts on further development of the Russian music after 1918, on the creative tasks of the Jewish professional composer school; in musical compositions – styles used by Mikhail Fabianovich as a composer (form, melody, harmony, rhythm). The purpose of the project is to obtain all-embracing insights into M.F. Gnesin's overall multifaceted activity, to describe his aesthetic views, to highlight the core areas of academic and critical legacy, to study the stylistic features of his music and to view them in the context of his artistic vision.

Keywords: M.F. Gnesin, Silver Age, Russian music, Jewish music, arts synthesis, musical reading

REFERENCES

1. Solov'yov V.I. S. Obshchiy smysl iskusstva // *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* / Sost. i vstup. st. R. Gal'tsevov, I. Rodnyansky; Komment. A.A. Nosova. M.: Iskusstvo, 1991 (in Russian).
2. Gnesin M.F. O «muzykal'nom chtenii v drame». Svodnaya kopiya tekstov M.F. Gnesina, sostavlenaya E.Yu. Kistyakovskoy // *Vs. Meyerkhof'd i Mikh. Gnesin. Sbranie dokumentov* / Sost. I.V. Krivosheeva, S.A. Konaev. M.: Izd-vo GITIS, 2008. S. 116–136 (in Russian).
3. Gnesin M.F. O prirode muzykal'nogo iskusstva i o russkoy muzyke // *Muzykal'nyy sovremennik*. 1915. № 3. S. 5–32 (in Russian).
4. Anikienko S.V. *Muzykal'no-obshchestvennaya i tvorcheskaya deyatel'nost' M.F.Gnesina v Ekaterinodare (istochnikovedcheskiy aspekt): Diss... kand. isk. Rostov-na-Donu, 2015* (in Russian).
5. Savin V.V. Ob ispol'zovanii printsipov M.F. Gnesina v formirovanii tvorcheskogo myshleniya muzykanta v vuze kul'tury // *Pedagogika i iskusstvo v sovremennoy kul'ture. Nauchnye i nauchno-metodicheskie stat'i. Po materialam Vtoroy vserossiyskoy pedagogicheskoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 24–25 fevralya 2019 g.)*. SPb.:Kul'tInformPress, 2019. S. 114–119 (in Russian).
6. Gnesin M.F. *Nachal'nyy kurs prakticheskoy kompozitsii*. 2-e izd. M.: Muzgiz, 1962 (in Russian).
7. Gnesin M.F. Issledovanie o N.A. Rimskom-Korsakove. 1930–1939 gg. // *RGALI. F. 2954. Op. 1. Ed. khr. 137. 202 l. Avtograf, mashinopisnaya kopiya s pravkoy avtora* (in Russian).
8. Anikienko S.V. *Ekstaz i pokoy v instrumental'nykh sochineniyakh M.F. Gnesina* // *Aspectus*. 2014. № 4 (5). S. 54–61 (in Russian).
9. Gnesin M.F. *Mysli i vospominaniya o N.A. Rimskom-Korsakove*. M.: Muzgiz, 1956 (in Russian).
10. Gnesin M.F. *Primenenie elementov muzyki v deklamatsii (1907)* // *RGALI. F. 2954. Op. 1. Ed. khr. 101. 65 l.* (in Russian).
11. Gnesin M.F. *Stranitsy iz vospominaniy* // M.F. Gnesin. *Stat'i, vospominaniya, materialy* / Red.-sost. R.V. Glezer. M.: Sovetskiy kompozitor, 1961. S. 122–153 (in Russian).
12. Goyovi D. *Novaya sovetskaya muzyka 20-kh godov* / Per. s nem. i obshch.red. N.O. Vlasovoy. M.: Kompozitor, 2005 (in Russian).
13. Engel' Yu.D. [M. Gnesin. *Pervyy vecher sovremennoy muzyki*] // Engel' Yu.D. *Glazami sovremennika. Izbrannye stat'i o russkoy muzyke 1898–1918* / Sost., red. i vstup. st. I.F. Kunina. M.: Sovetskiy kompozitor, 1971. S. 450–453 (in Russian).
14. Myaskovskiy N.Ya. M. Gnesin. *Soch. 10. «Posvyashcheniya»*. Muzyka k stikhotvoreniam Vyach. Ivanova (№ 1, 2). // N.Ya. Myaskovskiy. *Stat'i, pis'ma, vospominaniya: V 2 t.* M.: Sovetskiy kompozitor, 1960. T. 2. S. 100 (in Russian).
15. Sychyova G.S. *Prazdnik drevonasazhdeniy: eksperiment ili put' k vozrozhdeniyu drevney traditsii?* // *Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh*. 2012. № 2 (11). S. 3–6 (in Russian).

УДК 726.03, 726.54, 726.59, 726.5.03, 726.96
ГРНТИ 18.01.21, 67.07.11, 67.07.03
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-145-156



Е.В. ХОДАКОВСКИЙ, А.Б. БОДЭ, О.А. ЗИНИНА, А.Г. НОСКОВА*

Деревянное храмостроительство Русского Севера конца XVIII – начала XX века

Статья раскрывает основные задачи фундаментального и прикладного характера, связанные с изучением деревянного церковного зодчества Русского Севера позднего времени (конца XVIII – начала XX в.) – периода, которому в отечественной науке так и не было уделено должного внимания. Представлена источниковая база исследования по теме, на конкретных примерах показана специфика проводимых архивных и натурных изысканий на памятниках деревянной архитектуры Онежского и Каргопольского районов Архангельской области. Формулируются основные теоретические направления исследования деревянного храмостроительства на Русском Севере позднего периода.

Ключевые слова: деревянная архитектура, история русской архитектуры, Русский Север, XVIII век, XIX век, Архангельская область, Каргополье, архитектурные обмеры

* **Ходаковский Евгений Валентинович** — кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой истории русского искусства Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель проекта «Деревянная храмовая архитектура Русского Севера конца XVIII – начала XX в.» (18-012-00247а).

E-mail: E.Khodakovsky@spbu.ru

Бодэ Андрей Борисович — кандидат архитектуры, архитектор-реставратор, заведующий Сектором деревянного зодчества филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ), исполнитель того же проекта.

E-mail: bode-niitag@yandex.ru

Зинина Ольга Александровна — архитектор-реставратор, научный сотрудник Сектора деревянного зодчества филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, исполнитель того же проекта.

E-mail: olg-zinina@yandex.ru

Носкова Арина Георгиевна — искусствовед, научный сотрудник и учёный секретарь Сектора деревянного зодчества филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ, исполнитель того же проекта.

E-mail: arina-noskova@mail.ru

Отечественная наука имеет давний опыт изучения русской деревянной архитектуры, где со второй половины XIX в. одинаковое внимание уделялось как практическим исследованиям деревянных церковных построек на Русском Севере (Л.В. Даль, В.В. Суслов, Д.В. Милеев), так и их теоретическому осмыслению в общей системе развития русского зодчества (И.Я. Билибин, И.Э. Грабарь). Подобный сбалансированный подход характерен и для советского периода, когда сами архитекторы-практики одновременно затрагивали важнейшие вопросы фундаментального характера (А.В. Ополовников, Ю.С. Ушаков, В.П. Орфинский). Тем не менее основное внимание традиционно уделялось памятникам «классического периода», т.е., XV–XVIII столетий, в качестве верхней хронологической границы условно рассматривались даты возведения Успенской церкви в Кондопоге (1774) или ансамбля в Турчатово (1786–1795), а более поздние памятники оставлялись без внимания. В исторической и краеведческой литературе второй половины XIX – начала XX в. деревянные храмы, возведённые даже в послепетровское время, не вызывали особого интереса. Тем более церкви XIX столетия вряд ли могли привлечь внимание современников, которые, в лучшем случае, только начинали проявлять интерес к более древним архитектурным памятникам.

Многочисленные публикации в епархиальных и губернских ведомостях о строительстве новых храмов можно отнести, скорее, к категории источников, поскольку они носят исключительно информационный характер и не содержат критической и тем более историко-художественной оценки. При этом в дореволюционный период на контрасте старинных и новых церквей постепенно формировалось негативное отношение к поздним сооружениям. Даже члены Императорской Археологической комиссии о постройках начала XIX в. (церковь в Заячерище Тотемского уезда Вологодской губернии)

высказывали мнения, что «нужно заботиться о важных памятниках старины. Эта церковь – кустарной работы... Есть памятники более значительные» [1, с. 51–52]. Таким образом, в дореволюционное время поздняя деревянная храмовая архитектура Русского Севера не успела и не могла получить полной оценки в научной литературе.

Подобный избирательный подход сохранился и в работе первых советских исследователей. В ходе масштабных экспедиций П.Д. Барановского 1920, 1921 и 1926 г. изучались прежде всего памятники древности, что было вполне естественно и объяснимо. Исключение составила лишь Васильевская церковь в Чухчерьме (1824), зафиксированная в ходе первой поездки 1920 г.: «10 сент. в 4 ч. были в Чухчерьме. Девятиглавый Ильинский храм только осмотрели. Другой... храм клинчатый обмеряли Рыльский и Барановский. План и высоты внутри храма и на чердаке, фасад» [2, л. 3 об.]. Внимание архитекторов к поздней Васильевской церкви было обусловлено тем, что Ильинскую ранее обмерил Д.В. Милеев. Так и в известном всеобъемлющем труде С.Я. Забелло, В.Н. Иванова и П.Н. Максимова, вышедшем в 1942 г., опубликована фотография памятника XIX столетия в Сямозере – и то лишь в связи с его организующей ролью в общем массиве жилищной и хозяйственной застройки [3, рис. 9]. Таким образом, можно констатировать, что в сложившейся в первой половине XX в. научной парадигме не было отведено места поздним памятникам деревянного зодчества.

В послевоенный период игнорирование этой страницы в истории архитектуры Русского Севера сменилось жёстким неприятием ввиду контрастного противопоставления памятников, построенных до конца XVIII в. и активно реставрированных в конце 1940–1950-х гг. (Успенская церковь в Кондопоге, Успенский собор в Кемь), и поздних сооружений. Наиболее яростным критиком позднего де-

ревянного храмостроительства выступил А.В.Ополовников, один из ведущих советских архитекторов-реставраторов послевоенного времени. Можно сказать, что в определённом смысле А.В.Ополовников был «первооткрывателем» деревянной архитектуры XIX – начала XX в., но, дав ей суровую оценку, он же сразу и «закрыл» эту тему на долгие десятилетия. Его позиция впервые была изложена в монографии об итогах проведённых реставрационных работ в Карело-Финской ССР, а затем – в программной книге «Реставрация памятников народного зодчества», опубликованной в 1974 г. и ставшей итогом его многолетней практической работы. По мнению А.В.Ополовникова, высказанному ещё в 1950-е гг., «эволюция народного деревянного зодчества в XIX в. даёт законченную картину последовательной реакционной политики самодержавия в области народного искусства» [4, с. 21].

Пафос этих высказываний вполне понятен, и он может быть объяснён не только господствовавшей тогда марксист-

ской классовой установкой, но и общими для послевоенной реставрации подходами, направленными на максимально полное и всестороннее раскрытие и воссоздание именно древнерусского наследия. На этом фоне произведения позднего периода неизбежно оказывались на втором плане. Спустя два десятилетия позиция А.В.Ополовникова осталась прежней: объясняя изменения в традиционном облике северного деревянного храма, он утверждал, что «вторая половина XIX и начало XX века – это время полного распада древнерусского деревянного зодчества как общерусской народной архитектурно-строительной культуры и как одной из форм народного искусства и народной художественной культуры вообще. Под неодолимым натиском времени оно в этот период гибнет окончательно и сходит с исторической арены навсегда» [5, с. 33].

В сложившейся в постсоветский период ситуации с сохранением памятников деревянного церковного зодчества



Фото 1. Нименьга (Онежский район Архангельской области).
Церковь Преображения. 1878–1881 гг. Фото Е.В.Ходаковского (2018)



Фото 2. Пурнема (Онежский район Архангельской области).
Храмовый ансамбль XVII–XIX вв. Фото Е.В. Ходаковского (2018)

Русского Севера столь категоричное противопоставление «ранних» и «поздних» объектов на фоне колоссальных утрат уже стало казаться неприемлемым, и с 2010-х гг. в российской науке делаются первые шаги в сторону «реабилитации» деревянного храмостроительства Русского Севера позднего периода. В первом же выпуске серии сборников «Деревянное зодчество» в 2010 г. А.Б. Бодэ реконструирует облик Троицкой церкви 1796 г. на Юрьевой горе [6], а вслед за ним Е.Е. Федосеева представила масштабное исследование, посвящённое важнейшему памятнику 1820-х гг. — кубоватой Никольской церкви в Унежме [7]. Исследования деревянной архитектуры того же Беломорского региона были продолжены в статьях, посвящённых храмам 1878 г. в Нименьге [8] и 1860 г. Пурнеме [9] (фото 1, 2). В 2016 г. в сферу внимания А.Б. Бодэ и А.В. Бокарева попадает и Александро-Невская церковь 1885 г. в Ухтоме [10]. Хотя эти публи-

кации и ставят целью воссоздание строительной истории отдельных памятников и ансамблей, они во многом раскрывают общую проблематику истории храмового зодчества XIX столетия в целом.

Специализированной работой, где проблематика поздней архитектуры выводится на первый план, является обзорная статья А.В. Бокарева о деревянном строительстве в Архангельской епархии в XIX столетии [11]. Несмотря на то, что она основана исключительно на обзорах публикаций рубежа XIX–XX вв. («Краткие исторические описания приходов и церквей Архангельской епархии» и выпуски «Архангельских епархиальных ведомостей»), собранный фактологический материал приводит автора к убедительным выводам о закономерностях и эволюции северной деревянной архитектуры в самом обширном регионе Русского Севера.

Именно поэтому на данном этапе фундаментальная задача российской исто-

рико-архитектурной науки связана с необходимостью обоснования концепции о *целостном характере* общей истории русского деревянного зодчества, которое проходило разные и специфические этапы своего развития, но при этом всегда оставалось важнейшей частью отечественного архитектурного наследия. Решение этой фундаментальной теоретической задачи достигается путём накопления и последующего осмысления обширной фактологической базы, формирующейся в ходе практических исследований памятников деревянной церковной архитектуры Русского Севера позднего периода. Этот подход предполагает их комплексное источниковедение, где одновременно изучаются письменные документы и проводятся натурные обследования построек как наглядных «источников» информации, что особенно актуально в случае отсутствия архивных данных, поскольку, по сравнению с XVII–XVIII вв., позднее время даёт значительно более полный натурный материал, и наши представления о развитии архитектуры этого периода значительно яснее.

Безусловно, основная роль в реконструкции истории деревянной архитектуры конца XVIII – начала XX столетий принадлежит первоисточникам, относящимся к этому периоду и воссоздающим объективную картину сооружения деревянных церквей в северных губерниях наряду с бытованием храмов, их поновлениями, перестройками, реставрациями.

Общие аспекты этой истории отражены в опубликованных материалах, прежде всего, законодательного характера, регулирующих строительный процесс. Это именные императорские, синодские и сенатские указы, высочайше утверждённые доклады или положения, вошедшие в Полное собрание законов Российской Империи.

Помимо законодательной сферы важной категорией среди опубликованных источников являются издания образцовых чертежей, ставшие итогом всех мер,

направленных на стандартизацию и регулирование церковного строительства, особенно обозначившихся с первых месяцев царствования Николая I. Эти атласы содержат, среди прочего, «нормальные чертежи» и деревянных храмов. Многие из этих проектов брались за основу при возведении церквей в северных губерниях вплоть до 1917 г., а подтверждением их актуальности и востребованности в строительной практике является публикация в 1911 г. последней и практически неизменной с конца 1850-х гг. редакции «Атласа...». Все эти серии являются основополагающим источником для исследования типологии деревянной церковной архитектуры Русского Севера позднего периода.

Тем не менее, основной массив источников по истории деревянной архитектуры Русского Севера позднего периода так и остаётся неизданным, открывая широкие перспективы для исследования [12, 13]. Это, прежде всего, *дела о строительстве или ремонтах*, отражающие весь ход работ – от прошений о возведении нового или исправлении прежнего храма до акта приёмки готовой постройки или «репорта» об освящении. В состав некоторых дел входят и графические материалы – рисунки прихожан или причта, утверждённые проекты, планы и фасады. В XIX столетии по-прежнему сохранялась средневековая традиция составления подробных *описей* церквей и их убранства, включая не только иконы с окладами, богослужебные книги, священнические ризы, потиры, кресты и брачные венцы, но и замки, петли, крюки и переплёты, поскольку количество металлических изделий косвенно свидетельствовало об уровне благосостояния прихода. Описи содержат даты строительства, краткую композиционную характеристику, в нескольких словах оценивают техническое состояние церкви («на каменном фундаменте», «ветха» или «крепка»).

По структуре и содержанию к описям близки *клировые ведомости*, составляв-



Фото 3. Большой Бор (Онежский район Архангельской области).
Церковь св. Георгия Победоносца. 1873–1883 гг. Фото Е.В.Ходаковского (2019)

шиеся по единой схеме (в более позднее время они даже заполнялись на отпечатанном типографским способом бланке-опроснике). По единой схеме составлялись и *метрики*, в которых причт не просто заполнял основную информацию по истории храма, но и указывал на особо важные и ценные сведения в историко-художественном отношении. Рассылка метрик и их последующая обработка стали одним из основных направлений деятельности Императорской Археологической комиссии по инвентаризации архитектурного наследия в губерниях Российской Империи [14].

Распределение этих категорий источников по архивохранилищам в целом отражает систему регулирования приходского строительства в Российской Империи, сложившуюся в 1820-е гг. и предполагавшую систему взаимодействия приходов через благочиния с епархиальными центрами, которые находились

в постоянной переписке со Св.Синодом в Санкт-Петербурге, поскольку по Строительному уставу православные церкви строились «с ведома епархиального начальства и разрешения св.Синода» [15, с. 47]. Таким образом, фонды столичных органов управления содержатся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, а епархиальные – в региональных архивах в городах-центрах епархий в Архангельске (ГААО), Петрозаводске (НА РК), Вологде (ГАВО), Великом Новгороде (ГАНО).

Сохранившиеся памятники – это только самая малая часть деревянного наследия Русского Севера, в то время как сотни утраченных деревянных построек остаются вне поля зрения. Это обстоятельство значительно сужает исследовательские возможности и в итоге представляет неполноценную историческую картину развития тех или иных явлений и тенденций, особенностей региональных школ, общей



Фото 4. Ловзанга (Жуковская). Церковь св. Николая Чудотворца (Каргопольский район Архангельской области). 1881–1883 гг. Фото Е.В. Ходаковского (2018)

динамики и специфики строительства. Именно первоисточники подводят убедительную фактологическую базу, позволяют реконструировать облик, казалось бы, безвозвратно исчезнувших объектов и ввести их в общую панораму русской деревянной архитектуры. Выявление, изучение и систематизация первоисточников, ранее не опубликованных и не введенных в научный оборот, содержащих новые данные по деревянному строительству на Русском Севере в конце XVIII – начале XX в., безусловно, всегда будет одной из главных задач в рамках этой большой темы.

В случае с сохранившимися памятниками оптимальной для исследователя является возможность сопоставления архивной информации с данными натурных обследований. В Архангельской области к этой редкой категории относятся церкви св. Георгия Победоносца в деревне Большой Бор Онежского района (1873–1883, натурные обследования

проведены в 2019 г., фото 3), св. Николая Чудотворца в Ловзанге Каргопольского района (1881–1883, обмеры составлены в 2018 г., фото 4), Смоленской Иконы Божией Матери в Малой Шалге Каргопольского района (1833–1835, обмерена в ходе двух экспедиций 2018 г., фото 5). Архивные материалы по храму в Малой Шалге содержат как оригинальный проект, так и контракт с исполнителем строительных работ наряду с упоминаниями о более поздних ремонтах. Относительно церкви св. Георгия в Большом Бору, перестроенной из старой часовни, архивные источники ничего не упоминают о характере произведенных работ, однако данные натурного обследования, полученные в ходе обмеров, свидетельствуют о сохранении значительного объема строительного материала и плотницких технологий (тёска углов трапезной, наличие остатков «чёрного потолка» в основном объёме), не свойственных второй половине XIX в.,



Фото 5. Малая Шалга (Каргопольский район Архангельской области).

Церковь Смоленской Иконы Божией Матери (Одигитрии). 1833–1835 гг. Фото Е.В. Ходаковского (2018)

что позволяет с определённой уверенностью датировать этот памятник более ранним временем, а о работах 1873–1883 гг. говорить как о втором строительном этапе, а не датах возведения.

Сведения, полученные в ходе натурных обследований, приобретают особую ценность в случае, когда подробное документальное сопровождение памятников отсутствует. Например, детальных архивных сведений о ходе возведения и переделок Георгиевской церкви в Замошье Каргопольского района (1832–1838, фото 6) обнаружить не удалось, поэтому сам памятник является наглядным источником информации об основных фазах строительства. В ходе обмеров Георгиевской церкви в Замошье, проведённых в марте 2018 г. архитектором О.А. Зининой, сделано предположение о втором строительном этапе, когда храм был удлинен в западном направлении за счёт объединения трапезной и паперти. В смежной стене между ними появляется большой проём, в створе которого установили две колонны ввиду кон-

структивной необходимости. На позднейшей обшивке и карнизах зафиксированы следы покраски, позволяющие реконструировать цветовое решение фасада церкви на второй строительный этап.

Приведённые примеры практического изучения объектов деревянного зодчества свидетельствуют о постоянном процессе расширения фактологической базы и массива данных о характере работ, проводившихся на Русском Севере с конца XVIII и вплоть до начала XX в. Их классификация формулирует фундаментальную задачу теоретического осмысления этого феномена именно в рамках *единой истории деревянной архитектуры Русского Севера XV–XX вв.*, где поздний период, хоть и обладающий своей спецификой, воспринимается как часть общего целого и становится заключительным этапом многовекового процесса.

Наглядным подтверждением подобного целостного характера истории деревянного зодчества Русского Севера, объединяющей памятники разных периодов, являет-



Фото 6. Замошье. (Каргопольский район Архангельской области).
Церковь св. Георгия Победоносца. 1832–1838 гг. Фото Е.В. Ходаковского (2018)

ся такая важная страница, как формирование архитектурных комплексов, состоящих из разновременных элементов – как правило, зимней и летней церквей и колокольни, когда при возведении новых сооружений плотники неизбежно соотносили их с уже существующими древними постройками. Также и последовательность возникновения шедевров деревянного зодчества XV–XVIII столетий не могла быть в одночасье остановлена после строительства церкви Успения в Кондопоге или ансамбля в Турчасово. Поскольку колоссальная инерционная сила предшествующей традиции давала о себе знать ещё полтора века, история деревянной архитектуры должна быть продолжена и распространена вплоть до начала XX столетия.

Что касается художественной оценки поздних памятников, то здесь необходимо снова внимательно взглянуть на этот значительный пласт отечественного архитектурного наследия и пересмотреть некоторые устоявшиеся воззрения. Безусловно, деревянная архитектура и на заклю-

чительном этапе её развития обладает характерными чертами, отражая дух своего времени и являя собственную эстетическую систему. Это противоречит утверждению А.В. Ополовникова, что «деревянное зодчество XVIII – начала XIX века, несмотря на все происшедшие в нём перемены, по-прежнему оставалось самим собой» [5, с. 31]. Скорее, наоборот, именно с конца XVIII в., за редкими исключениями (например, церковь Успения в Кондопоге) деревянное зодчество всё больше подпадает под воздействие каменной архитектуры, всё чаще встречаются упоминания об обшивке «под камень».

В начале XIX в. указом Павла I от 25 декабря 1800 г. деревянной церковной архитектуре вообще было отказано в праве на существование, поэтому она никак не могла оставаться «самим собой». С отменой указа в 1835 г. наблюдается постепенное возрождение деревянного зодчества, которое довольно быстро скинуло «стилевые одежды» и заявило о себе как деревянной архитектуре «новой эпохи»

со своей эстетикой. Несмотря на общераспространённую идеологию рационализма и торжество эклектики деревянное храмостроительство обрело новую идентичность, став современным, но подчёркивающим свою преемственность от предшествующей традиции.

Таким образом, решение фундаментальных задач исследования позднего периода в истории деревянной архитектуры будет способствовать панорамному восприя-

тию феномена деревянного церковного зодчества Русского Севера без внутренних жёстких противопоставлений, но с объективной оценкой тех трансформаций, которые происходили в многовековой истории северного русского зодчества на разных этапах его существования – в древнерусский период, затем в эпоху петровских преобразований и далее – начиная с правления Николая I и вплоть до революционных событий 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 44. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1912.
2. Отдел хранения архитектурных архивов ГНИМА им. А.В. Щусева. Р. XIV. Оп. 17. Д. 1.
3. Забелло С.Я., Иванов В.Н., Максимов П.Н. Русское деревянное зодчество. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1942.
4. Ополовников А.В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М.: Государственное издательство по архитектуре и строительству, 1955.
5. Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М.: Стройиздат, 1974.
6. Бодэ А.Б. Троицкая церковь на Юрьевой горе // Деревянное зодчество. Вып. 1. Новые исследования и открытия: Сборник научных статей / Отв. ред. А.Б. Бодэ. М.; СПб.: Коло, 2010. С. 186–200.
7. Федосеева Е.Е. Архитектурный ансамбль Унежемского прихода. История строительства // Там же. М.; СПб.: Коло, 2010. С. 201–226.
8. Мелюх Е.А., Ходаковский Е.В. Преображенская церковь в селе Нименьга и деревянная архитектура Беломорья XIX в. // Архитектурное наследство. № 59. М.: URSS, 2013. С. 157–167.
9. Бокарев А.В., Бокарева Д.Ш., Мелюх Е.А., Ходаковский Е.В. Строительная история храмового комплекса поморского села Пурнема в XVI–XIX вв. // Архитектурное наследство. № 61. М., СПб.: Коло, 2014. С. 57–69.
10. Бокарев А.В., Бодэ А.Б. Александро-Невская церковь в селе Ухтома Вологодской области. История строительства // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. Вып. 5 / Отв. ред. А.Б. Бодэ. М., СПб.: Коло, 2016. С. 239–250.
11. Бокарев А.В. Деревянное церковное зодчество Архангельской губернии XIX – начала XX в. // Деревянное зодчество. Вып. 4. Новые материалы и открытия / Отв. ред. А.Б. Бодэ. М., СПб.: Коло, 2015. С. 256–292.
12. Носкова А.Г., Ходаковский Е.В. Перспективы изучения деревянной церковной архитектуры Русского Севера по архивным источникам // Деревянное зодчество. Вып. 5: Новые материалы и открытия / Отв. ред. А.Б. Бодэ. М., СПб.: Коло, 2016. С. 23–44.
13. Khodakovsky E., Noskova A. Archives and Historical Documents in Contemporary Research of the Wooden Architecture of the Russian North // Historic Wooden Architecture in Europe and Russia: Evidence, Study and Restoration / Ed. By E. Khodakovsky and Siri S. Lexau. Basel: Birkhäuser, 2016. Pp. 78–91.
14. Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. Р-III (Метрики старинных церквей. 1887–1888).
15. Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. XII. Ч. IV. Кн. II. Свод уставов строительных. СПб.: Типография II Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.

ENGLISH

**Wooden Temple Construction in the Russian North
of the Late 18th — Early 20th Century**

Evgeny Valentinovich Khodakovsky — PhD in Art Studies, Head of the Department of Russian Art Studies, St. Petersburg State University, supervisor of the project “Wooden Temple Architecture in the Russian North of the Late 18th — Early 20th Centuries” (18-012-00247a).

E-mail: E.Khodakovsky@spbu.ru

Andrey Borisovich Bode — PhD in Architecture, architect-restorer, Head of the sector of wooden architecture of the FSBI Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation — Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, researcher in the same project.

E-mail: bode-niitag@yandex.ru

Olga Aleksandrovna Zinina — architect-restorer, researcher, Wooden Architecture Sector of the FSBI Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation — Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, researcher in the same project.

E-mail: olg-zinina@yandex.ru

Arina Georgievna Noskova — art historian, researcher and Scientific Secretary of the Wooden Architecture Sector of the FSBI Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation — Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, researcher in the same project.

E-mail: arina-noskova@mail.ru

The paper explores the basic fundamental and applied objectives associated with the study of the wooden church architecture of the Russian North of the last centuries (late 18th — early 20th) — a period understudied in the domestic science. The authors provide sources for the research; specific examples show the features of the ongoing archival and field studies of the wooden monuments in Onega and Kargopol districts of Arkhangelsk region, identify the core theoretical areas of research focused on the wooden temple construction in the Russian North of the late period.

Keywords: wooden architecture, the history of the Russian architecture, Russian North, 18th century, 19th century, Arkhangelsk region, Kargopol district, architectural measurements

REFERENCES

1. Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii. Vyp. 44. SPb.: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1912 (in Russian).
2. Otdel khraneniya arkhitekturnykh arkhivov GNIMA im. A.V. Shchuseva. R. XIV. Op. 17. D. 1 (in Russian).
3. Zabello S.Ya., Ivanov V.N., Maksimov P.N. Russkoe derevyannoe zodchestvo. M.: Izd-vo Akademii arkhitektury SSSR, 1942 (in Russian).
4. Opolovnikov A.V. Pamyatniki derevyannogo zodchestva Karelo-Finskoy SSR. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo po arkhitekture i stroitel'stvu, 1955 (in Russian).

5. Opolovnikov A.V. Restavratsiya pamyatnikov narodnogo zodchestva. M.: Stroyizdat, 1974 (in Russian).
6. Bode A.B. Troitskaya tserkov' na Yur'evoy gore // Derevyannoe zodchestvo. Vyp. 1. Novye issledovaniya i otkrytiya: Sbornik nauchnykh statey / Otv. red. A.B. Bode. M.; SPb.: Kolo, 2010. S. 186–200 (in Russian).
7. Fedoseeva E.E. Arkhitekturnyy ansambl' Unezhenskogo prikhoda. Istoriya stroitel'stva // Tam zhe. M.; SPb.: Kolo, 2010. S. 201–226 (in Russian).
8. Melyukh E.A., Khodakovskiy E.V. Preobrazhenskaya tserkov' v sele Nimen'ga i derevyannaya arkhitektura Belomor'ya XIX v. // Arkhitekturnoe nasledstvo. № 59. M.: URSS, 2013. S. 157–167 (in Russian).
9. Bokarev A.V., Bokareva D.Sh., Melyukh E.A., Khodakovskiy E.V. Stroitel'naya istoriya khramovogo kompleksa pomorskogo sela Purnema v XVI–XIX vv. // Arkhitekturnoe nasledstvo. № 61. M., SPb.: Kolo, 2014. S. 57–69 (in Russian).
10. Bokarev A.V., Bode A.B. Aleksandro-Nevskaya tserkov' v sele Ukhtoma Vologodskoy oblasti. Istoriya stroitel'stva // Derevyannoe zodchestvo. Novye materialy i otkrytiya. Vyp. 5 / Otv. red. A.B. Bode. M., SPb.: Kolo, 2016. S. 239–250 (in Russian).
11. Bokarev A.V. Derevyannoe tserkovnoe zodchestvo Arkhangel'skoy gubernii XIX – nachala XX v. // Derevyannoe zodchestvo. Vyp. 4. Novye materialy i otkrytiya / Otv. red. A.B. Bode. M., SPb.: Kolo, 2015. S. 256–292 (in Russian).
12. Noskova A.G., Khodakovskiy E.V. Perspektivy izucheniya derevyannoy tserkovnoy arkhitektury Russkogo Severa po arkhivnym istochnikam // Derevyannoe zodchestvo. Vyp. 5: Novye materialy i otkrytiya / Otv. red. A.B. Bode. M., SPb.: Kolo, 2016. S. 23–44 (in Russian).
13. Khodakovskiy E., Noskova A. Archives and Historical Documents in Contemporary Research of the Wooden Architecture of the Russian North // Historic Wooden Architecture in Europe and Russia: Evidence, Study and Restoration / Ed. By E. Khodakovskiy and Siri S. Lexau. Basel: Birkh user, 2016. Pp. 78–91.
14. Nauchnyy arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury RAN. F. R-III (Metriki starinnykh tserkvey. 1887–1888) (in Russian).
15. Svod zakonov Rossiyskoy Imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy. T. XII. Ch. IV. Kn. II. Svod ustavov stroitel'nykh. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1857 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.9
ГРНТИ 15.21.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-157-166

**Г.В. ШУКОВА***

Психология восприятия: трансцендентальная перспектива

С позиций метаэмпирических оснований трансцендентального подхода к исследованию восприятия систематизированы и обобщены теоретические и эмпирические данные современных зарубежных и отечественных перцептивных исследований (около тысячи источников) по следующим направлениям: методологические и методические аспекты современной психологии восприятия; соотношение типов научной рациональности в современной психологии восприятия; процесс восприятия как особая функция психики и др.

Выделены основные методологические и методические тренды в развитии современной психологии восприятия: расширенные требования к объективности, достоверности и надёжности экспериментальных исследований; онтологизация предмета исследования; комплексность и междисциплинарность исследовательской схемы; активное использование современных технологических возможностей, в том числе в реновации классических методов исследования.

Аргументирована методологическая необходимость разработки радикально нового ресурса изучения восприятия с адекватных ему позиций метаэмпирических оснований — трансцендентального подхода, в котором непосредственно-чувственный процесс восприятия позиционируется как процесс формопорождения, что позволяет выделить порождающее качество этого процесса и зафиксировать его отличие от конструктивных качеств других информационных процессов.

На фоне современных тенденций позиционирования восприятия в качестве некоего вспомогательного этапа латентной репрезентации и категоризации предметов внешнего мира показана актуальность и определены средства решения проблемы выделения восприятия как особой функции психики.

Обоснован трансцендентальный тип научной рациональности, альтернативный гносеологической парадигме познания.

* **Шукова Галина Валерьевна** — кандидат психологических наук, заместитель директора Психологического института РАО, руководитель проекта «Психология восприятия: трансцендентальная перспектива» (16-06-00574а).

E-mail: shookova@yandex.ru

Ключевые слова: восприятие, психология восприятия, перцептивный процесс, методология исследования перцептивных процессов, трансцендентальный подход к исследованию восприятия, процесс порождения восприятия

Психология восприятия является одной из центральных проблем исследования психических процессов со времён философских школ античности. Сегодня эстафета познания перешла к когнитивной науке, в которой восприятие по-прежнему позиционируется в качестве одного из важнейших исследуемых объектов. Косвенным свидетельством тому является наличие целого ряда специализированных научных журналов («Perception», «Journal of Vision», «Vision Research», «Attention, Perception, & Psychophysics», «Journal of experimental psychology: Human perception and performance»...), ежегодный прирост публикаций в которых исчисляется тысячами. За рубежом исследования восприятия занимают весьма заметное место, чего никак, к сожалению, нельзя сказать о российской психологической науке.

В отечественной науке интенсивность разработки проблематики психологии восприятия сегодня существенно ниже не только, чем в зарубежной, но и чем в советской психологии. Пик популярности и востребованности перцептивных исследований в России пришёлся на 1960–1970-е гг., чему в не малой степени способствовало бурное развитие инженерной психологии. С конца 1980-х произошёл значительный спад интереса к изучению перцептивных процессов, после чего отечественная психология восприятия так и не вернулась в поле научного мейнстрима, занимая в общей массе научных изысканий совсем небольшое место, отнюдь не соответствующее фундаментальной роли перцепции как компонента психического пространства.

Тем не менее сегодня сложился ряд российских «когнитивных» научных центров,

не забывающих о перцепции в своём интересе к психологии познания и успешно синтезирующих методологические традиции советской психологии с достижениями мировой науки, что обеспечивает их теоретико-методологическое своеобразие в русле мировых научных стандартов и трендов (см., например, труды В.А.Барабанщикова, В.И.Белопольского, Б.Б.Величковского, О.А.Гончарова, А.Н.Гусева, М.С.Кухты, Г.Я.Меньшиковой, В.Н.Носуленко, И.Г.Скотниковой, М.В.Фаликман и др.). При этом малое число «перцептивных» научных коллективов задаёт весьма узкий спектр разрабатываемой в России перцептивной проблематики по сравнению с тем огромным тематическим разнообразием исследований восприятия, что наблюдается в зарубежной науке.

Несмотря на эти «количественные» различия, как немногочисленные отечественные, так и многочисленные зарубежные исследования перцепции в своём подавляющем большинстве находятся сегодня в едином методологическом пространстве. В массе своей современные исследования восприятия посвящены выявлению отдельных перцептивных свойств и эффектов, а также связей восприятия с другими психическими (прежде всего когнитивными) процессами. Иными словами, они носят частный характер и направлены преимущественно на расширение феноменологического поля, что не может не ограничивать ресурсы решения вопросов о природе восприятия. При множественности частных и вследствие этого достаточно поверхностных теоретических позиций феноменологически ориентированное познание имеет слабые перспективы перехода к качественно иному уровню широких

обобщений и формирования представлений о механизмах исследуемого процесса.

Существование сегодня множества концептуальных представлений о механизмах ощущений и восприятий, об их роли в общем психическом пространстве указывает скорее на слабость теоретических позиций, чем на торжество постнеклассического методологического плюрализма – широкий диапазон воззрений означает отсутствие чётких, достаточно полных и вследствие этого общепризнанных научных представлений о перцептивных процессах. Иными словами, при всей интенсивности разработки перцептивной проблематики знание о механизмах такого базового психического процесса, как восприятие, является сегодня принципиально ограниченным, а причины указанной ограниченности, как можно предположить, лежат в теоретико-методологической области.

Такое предположение в 1980–1990-е гг. сделал А.И.Миракян (фото), автор трансцендентальной психологии восприятия [1, 2], в которой непосредственно-чувственное (неосознаваемое) восприятие позиционируется как порождающий процесс – как образование перцептивной психической реальности в каждом акте восприятия, а не соотношение, как принято считать, субъекта и объекта восприятия с имплицитно заданными свойствами каждого из них. Порождение восприятия является ключевым условием обеспечения функциональной адекватности живого существа перманентно меняющемуся (в перцептивном плане) окружению. Основные постулаты трансцендентального подхода (метаэмпирические основания изучения порождения психического процесса) были сформулированы четверть века назад на материале философских и психологических представлений о восприятии. Сегодня появилась необходимость определить его положение в текущем научном контексте.

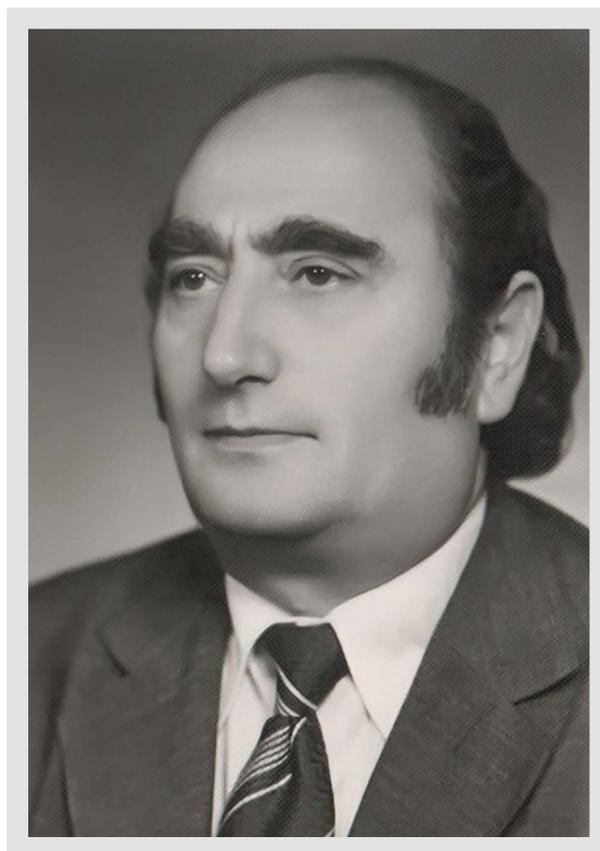


Фото. А.И. Миракян

Современная психология восприятия: направления поиска

Целью исследовательского проекта «Психология восприятия: трансцендентальная перспектива» явилось осмысление современной психологии восприятия (массив публикаций преимущественно 2010-х гг.) с позиций метаэмпирических оснований трансцендентального подхода и обоснование трансцендентальных объяснительных принципов перцептивной проблематики.

В рамках проекта решались следующие задачи:

- ♦ систематизировать и обобщить основные теоретические представления, методологические позиции и эмпирические данные современной психологии восприятия;
- ♦ осуществить теоретико-методологический анализ перцептивной проблематики и парадигмальных оснований современной психологии восприятия

на основе единой аксиоматики принципов трансцендентального подхода.

В ходе выполнения проекта проанализировано около 850 современных публикаций, из них около 600 – зарубежных. Систематизированы и обобщены теоретические и эмпирические данные перцептивных исследований по следующим направлениям: 1) методологические и методические аспекты современной психологии восприятия; 2) соотношение типов научной рациональности в современной психологии восприятия; 3) процесс восприятия как особая функция психики; 4) восприятие движения и стабильности видимого мира; 5) формопорождение; 6) восприятие времени; 7) восприятие симметрии/асимметрии; 8) константность восприятия; 9) иллюзорное зрительное восприятие; 10) перцептивное развитие и обучение.

Перцептивные процессы, выбранные для анализа, являются классическими объектами психологии восприятия, при этом в большинстве своём они относятся к одним из самых активно разрабатываемых сегодня вопросов перцепции.

В итоге создан «портрет» (точнее, наброски к нему – «натурщица» настолько необъятна, что на «холсте» ей не уместиться) современной психологической науки о восприятии: выделены актуальные проблемы, достижения, ограничения психологических исследований перцепции в мультипарадигмальном пространстве сегодняшних научных школ и направлений. Основными методологическими и методическими трендами в развитии психологического исследования восприятия являются расширенные требования к объективности, достоверности и надёжности экспериментальных исследований; онтологизация исследования, его комплексность и междисциплинарность; активное использование современных технологических возможностей, в том числе в реновации классических методов исследования.

Онтологизация перцептивного исследования

Под онтологизацией в «перцептивном» контексте имеется в виду неуклонно нарастающие в последние два-три десятилетия тенденции к формированию онтологических исследовательских подходов, «оживляющих» исследуемый процесс и сближающих его модель с происходящим в реальной жизнедеятельности. В середине XX в. такие попытки были единичны, сейчас онтологизация настолько заметна, что можно говорить о складывающейся иерархии «онтологичности» исследований восприятия: от механических решений, касающихся формальных сторон экспериментальной схемы, до радикально нового осмысления предмета изучения перцепции (например, [3]).

Иными словами, онтологизация в современной психологии восприятия осуществляется в двух направлениях: в отношении предмета исследования и в отношении его объекта. В первом случае речь идёт о трансформации парадигмальных оснований перцептивного исследования в сторону акцентирования бытийности психической реальности и повышения онтологической корректности психологического знания (подробнее см. [4]). Ярким примером второго – «объектного» – направления является достаточно популярная сегодня методология исследования «новой» перцептивной реальности, когда в качестве объектов фундаментального психологического исследования используются «естественные процессы» восприятия, например, европейских игральные карты [5], мишени при игре в гольф или дартс [6], звуков шагов человека [7].

Считается, что строгое изучение восприятия реальных стимулов («real-world stimuli»), когда «повседневные» перцептивные процессы максимально бережно перенесены «из жизни» в лабораторную ситуацию, позволяет увидеть новые – не фиксировавшиеся ранее – перцептивные закономерности и тем самым поставить новые исследовательские зада-

чи в отношении целостности восприятия и его природной сообразности (подробнее см. [8]).

Тем не менее на фоне явного увлечения вопросами приближения перцептивного эксперимента к естественным условиям жизни нельзя не отметить его потенциальные опасности в плане искажений общей картины объекта/предмета исследования. Онтологизация чревата упрощениями концептуальных моделей исследуемой реальности, например, отождествлением психического процесса с наблюдаемыми проявлениями или сведением многообразия естественного поведения к односторонним математическим описаниям.

Интегративные тенденции в развитии перцептивных исследований

Стремление к комплексности и междисциплинарности исследования восприятия является одним из проявлений глобальных интегративных тенденций современной науки. «Сегодня использование в когнитивных науках сетевых теорий, а также расширение комплексности научного исследования обещают существенно изменить представление об организации и динамике когнитивных и поведенческих процессов» [9, с. 348]. В качестве иллюстрации указанного тренда можно упомянуть мультидисциплинарный подход к исследованию визуальной перцептивной организации по гештальт-психологическому принципу простоты как основе функционирования визуальной системы [10], где интегрированы идеи экспериментальной психологии, когнитивной науки, искусственного интеллекта, информатики, математики, нейронауки, эволюционной биологии и философии науки.

Инструментально-методологические вопросы развития перцептивных исследований

Существенное место в развитии экспериментальных исследований восприя-

тия занимают сегодня требования повышения уровня их общей объективности, что опять же является отражением общенаучных тенденций. Здесь обсуждаемая проблематика включает в основном инструментально-методологические вопросы (1) параметров исследовательского дизайна (его корректности, строгости и обоснованности) и (2) стратегий элиминации искажающих социальных, экономических и психологических влияний. В интерпретации статистических закономерностей доминирует номотетический подход. При всех стремлениях учесть контекстные явления и субъективные факторы изучаемого процесса требования к объективности, достоверности и надёжности экспериментальных исследований имеют тенденцию к расширению и углублению, а позитивистская направленность анализа скрывается в вероятностных «одеждах» полученных статистик.

Значительное число современных работ посвящено вопросам расширения технологических, статистических и интерпретационных возможностей исследования восприятия (прежде всего, визуального). Разработка новых методов исследования перцепции и его организации является сегодня предметом постоянного внимания, причём не только целенаправленного: почти в каждой экспериментальной работе предлагаются если не новые методики, то радикальные «приращения» к имеющимся исследовательским инструментам, для чего современные технологии открывают широкие возможности. В этом контексте можно отметить появление «второго дыхания» у давно известных методических приёмов. Так, метод измерения реакции зрачка на свет переведён из разряда измерения элементарного рефлекса в инструмент изучения зрения высшего уровня [11].

Что касается вопросов интерпретации экспериментальных данных когнитивных исследований, то проблематика

выбора и обоснования объяснительных принципов является одной из самых популярных. В основном обсуждаются стандартные вероятностные и Байесовские вероятностные модели познания, причём по поводу обеих констатируется определённая степень разочарования в их объяснительных возможностях в отношении, прежде всего, функционирования психики в условиях неопределённости [12]. Вопрос об адекватных реальности принципах объяснения психики и поведения остаётся открытым; при этом совершенно определённо констатируется актуальность разработки новых вычислительных средств в области изучения восприятия.

Более того, несмотря на огромную историю анализа феномена «восприятие» в философии и науке, остро дискуссионным остаётся вопрос о природе данного процесса [13–16], что подтверждает актуальность поиска методологических ресурсов повышения эффективности и экологической валидности изучения перцепции. Множественность теоретических подходов к исследованию восприятия (прежде всего зрения), с одной стороны, переживается как постнеклассическая норма, а с другой – не исчезает несбыточная (несбыточная как раз в силу торжества постнеклассичности) мечта о «великой объединяющей теории» [17, с. 225] зрения. Резюмируем: методологические поиски, судя по литературе, касаются преимущественно способов исследования, но не его предмета. Одними из самых значимых ресурсов прогресса в познании перцепции считаются обеспечение строгого соответствия теоретического, эмпирического и статистического сегментов исследования, совершенствование экспериментального дизайна в части фиксации эмпирических данных и их обработки. Основные надежды, таким образом, возлагаются не на поиск принципиально иных методологических решений, а на укрепление и развитие уже имеющихся.

Исследование перцептивного процесса как порождающего

А нужны ли эти иные? Нужны, поскольку, как видно из литературы, изучение восприятия осуществляется сегодня преимущественно в феноменологическом контексте субъект-объектного соотношения компонентов перцептивного пространства, что подменяет порождающий процесс непосредственно-чувственного (неосознаваемого) восприятия неким перцептивно-интеллектуальным комплексом, в котором неосознаваемая перцептивная составляющая «растворяется» в осознаваемых процессах и становится недоступной познанию.

Трансцендентальный подход позволяет выделить порождающий процесс восприятия в виде предмета исследования, определив его место в общем контексте когнитивных процессов не на феноменологических, а на процессуальных основаниях – как некий относительно отдельный психический подпроцесс с особым способом осуществления, особыми свойствами и возможностями осознания его результатов как характеристик воспринимаемой реальности. Такое определение восприятия как особой функции психики [18] особенно актуально на фоне современных тенденций позиционирования восприятия в качестве некоего вспомогательного этапа латентной репрезентации и категоризации предметов внешнего мира. Вообще проблематика взаимоотношений восприятия с высшими психическими процессами активно дискутируется в текущей мировой научной периодике.

Метаэмпирические трансцендентальные принципы (подробнее об этом в трудах С.Л. Артеменкова, А.И. Миракяна, Р.М. Нагдяна, В.И. Панова) являются инструментом осуществления перцептивного исследования на более фундаментальном уровне реальности, чем уровень психической эмпирики, на котором характеристики порождающего психического процесса отождествляются с его осознанным результатом. Разработка проблематики законо-

мерностей порождающих психических процессов неосуществима эмпирическими методами и требует трансцендирования исследовательского мышления из «продуктной» реальности осуществления процессов восприятия в реальность возможности их порождения. Здесь необходимо мыслить трансцендентально (априорно) [19], что означает наличие особого типа научной рациональности — трансцендентального, альтернативного гносеологической парадигме познания, объединяющей, как известно, классический, неклассический и постнеклассический типы научного мышления.

Заключение

Итак, в ходе выполнения проекта показано, что в современной психологии восприятия имеет место целый ряд важных методологических трендов, определяющих развитие психологических перцептивных исследований. Характерная для психологии восприятия, как и во многом для современной психологической науки в целом, множественность исследовательских позиций и подходов, теоретические основания которых часто слабо связаны между собой, а порой и конфликтуют, создаёт эффект размывания знания. Методологическая раздробленность соседствует сегодня с противоположными тенденциями объединения исследований восприятия вокруг крупных теоретико-методологических идей, таких как когнитивизм, энактивизм, гештальтпсихология и т.п. Потребность в таком объединении является

следствием, прежде всего, осознания противоречивости и несопоставимости текущей перцептивной эмпирики, отчего научные представления о перцепции скорее фрагментарны и специфичны, нежели целостны и универсальны. Ситуация, таким образом, двоякая: интенсивное и бодрое приращение новой феноменологии и размышления об ошибочности глубоко укоренившегося представления о перцепции как отражении объективной действительности [14].

При этом методологическая рефлексия психологической науки о восприятии сконцентрирована сегодня в инструментально-технологической области: точнее, изошрённое и «экологичнее» измерять [20]. Редкие голоса в пользу корректировки/смены оптики познания не подкреплены теоретически.

На этом фоне трансцендентальный подход как альтернативный ресурс понимания процессуальной природы восприятия заслуживает внимания как средство анализа текущей ситуации в аспекте выделения ограничений субъект-объектной логики феноменологического структурирования изучаемой перцептивной действительности. И как метаэмпирическая платформа позиционирования неосознаваемого восприятия в качестве процесса формопорождения, в чём заключается его (восприятия) уникальность в отличие от других информационных процессов и что, судя по литературе, не удаётся «поймать» в контексте эмпирического анализа перцепции (подробнее в [21–23]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 1. М.: ИП РАН, 1999.
2. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн. 2. М.: ИП РАН, 2004.
3. Барабанщиков В.А. Онтологическая парадигма исследований восприятия // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 81–95.
4. Панов В.И. Пространство, время и движение — парадигмальные сдвиги // Вестник РУДН. Философия. 2017. Т. 21. № 4. С. 572–581.
5. Olson J.A., Amlani A.A., Rensink R.A. Perceptual and Cognitive Characteristics of Common Playing Cards // Perception. 2012. Vol. 41 (3). P. 268–286. Doi:10.1068/p7175.

6. Cañal-Bruland R., Pijpers J.R. (Rob), Oudejans R.R. D. Close, and a Cigar! – Why Size Perception Relates to Performance // Perception. 2012. Vol. 41 (3). P. 354–356. Doi:10.1068/p7255.
7. Cottrell D., Campbell M.E.J. Auditory Perception of a Human Walker // Perception, 2014. Vol. 43 (11). P. 1225–1238. Doi:10.1068/p7669.
8. Шукова Г.В. Современные исследовательские тенденции в области психологии восприятия // Психологические исследования: электронный научный журнал. <http://www.psystudy.ru>. 2016. Т. 50. № 9. С. 99.
9. Baronchelli A., Chater N., Christiansen M. Ferrer-i-Cancho R., Pastor-Satorras R. Networks in Cognitive Science. Review // Trends in cognitive sciences. 2013. Vol. 17. № 7. P. 348–360.
10. Helm van der P.A. Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
11. Binda P., Murray S. Keeping a large-pupilled eye on high-level visual processing // Trends in cognitive sciences. 2015. V. 19. № 1. P. 1–3.
12. Koenderink J. To Bayes or not to Bayes... // Perception. 2016. Vol. 45. № 3. P. 251–254. Doi:10.1177/0301006615619309.
13. Church J. Possibilities of perception. Oxford: Oxford University Press, 2013.
14. Koenderink J. The all seeing eye? // Perception. 2014. Vol. 43 (1). P. 1–6.
15. Rose D., Brown D. Idealism and Materialism in Perception // Perception. 2015. Vol. 44. № 4. P. 423–435. Doi:10.1068/p7927.
16. Smith-Kettlewell C.T. Reviews Possibilities of perception by J. Church // Perception, 2014. Vol. 43. P. 353–354. Doi: 10.1068/p4304rvw.
17. Wagemans J. Reviews: Structural information theory: The simplicity of visual form. Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization // Perception. 2015. Vol. 44. P. 222–226. Doi:10.1068/p4402rvw.
18. Артеменков С.Л. Функциональная роль восприятия в развитой психике человека // Альманах Научного архива Психологического института. Вып 8. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 307–315.
19. Нагдян Р. Методология трансцендентальной психологии. Ереван: Лусабак, 2018.
20. Шукова Г.В., Артеменков С.Л. Методологические проблемы современной зарубежной психологии восприятия // Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 3 (9). С. 10–27.
21. Артеменков С.Л., Шукова Г.В., Миронова К.В. Зрительное восприятие симметрии как фактор эстетического переживания // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 1. С. 166–177. Doi:10.17759/exrpsy.2018110110.
22. Шукова Г.В. Челпанов и проблема восприятия пространства // Трансцендентальная психология: Хрестоматия: В 3 т. Т. 2. / Сост. Р.М. Нагдян. Ереван: Издательский дом Лусбац, 2019. С. 100–120.
23. Шукова Г.В. Основные исследовательские тренды современной психологии перцептивного научения // Психология восприятия сегодня: парадигмы, теории, эмпирика: Сборник научных статей / Под ред. Г.В. Шуковой, В.И. Панова. М.: Акрополь, 2019. С. 52–62.

ENGLISH

Perceptual Psychology: a Transcendental Perspective

Galina Valeryevna Shukova – PhD in Psychology, Deputy Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Education, supervisor of the project “Perceptual Psychology: a Transcendental Perspective” (16-06-00574a).

E-mail: shookova@yandex.ru

Using the meta-empirical foundations of the transcendental approach to the study of perception, the author organizes and generalizes the theoretical and empirical data of modern foreign and domestic perceptual studies (about 1,000 sources) in the following areas: methodological and methodical aspects of the modern perceptual psychology; correlation of types of scientific rationality in the modern perceptual psychology; the process of perception as a special function of the psyche, etc.

The paper identifies the core methodological and methodical trends in the development of the modern perceptual psychology: expanded requirements for the lack of bias, accuracy and reliability of experimental studies; ontologization of the research subject; complexity and cross-cutting features of the research system; the active use of modern technological opportunities, including the renovation of classical research methods.

The author substantiates the methodological necessity of a brand new resource for studying perception from the proper positions of meta-empirical foundations – a transcendental approach, in which the directly sensory process of perception is positioned as a process of form generation helping to distinguish the generative quality of this process and capture its difference from the structural qualities of other information processes.

Against the modern trends in the positioning of perception as an auxiliary stage of latent representation and categorization of objects of the external world, the author shows the relevance and identifies the means of distinguishing perception as a special function of the psyche.

The paper substantiates the transcendental type of scientific rationality, alternative to the epistemological paradigm of cognition.

Keywords: perception, perceptual psychology, perceptual process, methodology for the study of perceptual processes, transcendental approach to the study of perception, the process of generative perception

REFERENCES

1. Mirakyan A.I. Kontury transtsendental'noy psikhologii. Kn. 1. M.: IP RAN, 1999 (in Russian).
2. Mirakyan A.I. Kontury transtsendental'noy psikhologii. Kn. 2. M.: IP RAN, 2004 (in Russian).
3. Barabanshchikov V.A. Ontologicheskaya paradigma issledovaniy vospriyatiya // Psikhologicheskii zhurnal. 2009. T. 30. № 5. S. 81–95 (in Russian).
4. Panov V.I. Prostranstvo, vremya i dvizhenie – paradigmal'nye sdvigi // Vestnik RUDN. Filosofiya. 2017. T. 21. № 4. S. 572–581 (in Russian).
5. Olson J. A., Amlani A. A., Rensink R. A. Perceptual and Cognitive Characteristics of Common Playing Cards // Perception. 2012. Vol. 41 (3). R. 268–286. Doi:10.1068/p7175 (in Russian).
6. Cañal-Bruland R., Pijpers J.R. (Rob), Oudejans R.R. D. Close, and a Cigar! – Why Size Perception Relates to Performance // Perception. 2012. Vol. 41 (3). R. 354–356. Doi:10.1068/p7255.

7. Cottrell D., Campbell M.E.J. Auditory Perception of a Human Walker // Perception, 2014. Vol. 43 (11). R. 1225–1238. Doi:10.1068/p7669.
8. Shukova G.V. Sovremennye issledovatel'skie tendentsii v oblasti psikhologii vospriyatiya // Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal. <http://www.psystudy.ru>. 2016. T. 50. № 9. S. 99 (in Russian).
9. Baronchelli A., Chater N., Christiansen M. Ferrer-i-Cancho R., Pastor-Satorras R. Networks in Cognitive Science. Review // Trends in cognitive sciences. 2013. Vol. 17. № 7. P. 348–360.
10. Helm van der P.A. Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
11. Binda P., Murray S. Keeping a large-pupilled eye on high-level visual processing // Trends in cognitive sciences. 2015. V. 19. № 1. P. 1–3.
12. Koenderink J. To Bayes or not to Bayes... // Perception. 2016. Vol. 45. № 3. P. 251–254. Doi:10.1177/0301006615619309.
13. Church J. Possibilities of perception. Oxford: Oxford University Press, 2013.
14. Koenderink J. The all seeing eye? // Perception. 2014. Vol. 43 (1). R. 1–6.
15. Rose D., Brown D. Idealism and Materialism in Perception // Perception. 2015. Vol. 44. № 4. P. 423–435. Doi:10.1068/p7927.
16. Smith-Kettlewell C.T. Reviews Possibilities of perception by J. Church // Perception, 2014. Vol. 43. P. 353–354. Doi: 10.1068/p4304rvw.
17. Wagemans J. Reviews: Structural information theory: The simplicity of visual form. Simplicity in vision: A multidisciplinary account of perceptual organization // Perception. 2015. Vol. 44. P. 222–226. Doi:10.1068/p4402rvw.
18. Artemenkov S.L. Funktsional'naya rol' vospriyatiya v razvitoy psikhike cheloveka // Al'manakh Nauchnogo arkhiva Psikhologicheskogo instituta. Vyp 8. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. S. 307–315 (in Russian).
19. Nagdyan R. Metodologiya transtsendental'noy psikhologii. Erevan: Lusabats, 2018.
20. Shukova G.V., Artemenkov S.L. Metodologicheskie problemy sovremennoy zarubezhnoy psikhologii vospriyatiya // Vestnik RGGU. Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie. 2017. № 3 (9). S. 10–27.
21. Artemenkov S.L., Shukova G.V., Mironova K.V. Zritel'noe vospriyatie simmetrii kak faktor esteticheskogo perezhivaniya // Eksperimental'naya psikhologiya. 2018. T. 11. № 1. S. 166–177. Doi:10.17759/exppsy.2018110110 (in Russian).
22. Shukova G.V. Chelpanov i problema vospriyatiya prostranstva // Transtsendental'naya psikhologiya: Khrestomatiya: V 3 t. T. 2. / Sost. R.M. Nagdyan. Erevan: Izdatel'skiy dom Lusabats, 2019. S. 100–120.
23. Shukova G.V. Osnovnye issledovatel'skie trendy sovremennoy psikhologii pertseptivnogo naucheniya // Psikhologiya vospriyatiya segodnya: paradigmy, teorii, empirika: Sbornik nauchnykh statey / Pod red. G.V. Shukovoy, V.I. Panova. M.: Akropol', 2019. S. 52–62.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902
ГРНТИ 03.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-167-185

**Е.А. РЫБИНА, В.К. СИНГХ,
Л.В. ПОКРОВСКАЯ***

Археологические исследования Людина конца в Новгороде (Троицкий раскоп)

Статья посвящена результатам археологического исследования Людина конца в Новгороде, где работы ведутся с 1973 г. Особое внимание уделено материалам, полученным во время раскопок в 2011–2018 гг.

Ключевые слова: Новгород, Людин конец, Троицкий раскоп, усадьба, хронология, берестяные грамоты, вещевые комплексы

С 1973 г. базовым объектом археологических исследований Новгорода является участок средневекового Людина конца, расположенный к югу от Кремля вблизи сохранившейся церкви св. Троицы, давшей название заложённому здесь раскопу.

Общая площадь Троицкого раскопа к 2019 г. достигла 8200 кв. м с мощностью культурного слоя до 5 м. Полностью исследованная часть (раскопы I–XIV) составляет 7428 кв. м. В 2013 г. к западу от Троицкого раскопа XIII был заложен

новый участок, Троицкий XV, площадь которого составила 232 кв. м. В 2015 г. на перекрёстке Троицкой и Редятиной улиц заложен Троицкий раскоп XVI (рис. 1).

С 1995 г. археологические исследования на Троицком раскопе финансировались РГНФ, с 2018 г. — РФФИ. Кроме того, МГУ им. М.В. Ломоносова ежегодно выделяет средства на археологическую практику студентов-историков и их руководителей.

В процессе раскопок исследуемой территории Людина конца было уста-

* **Рыбина Елена Александровна** — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Археологические исследования Людина конца средневекового Новгорода» (18-09-00372а).

E-mail: ear42@list.ru

Сингх Виктор Кашмирович — кандидат исторических наук, руководитель лаборатории истории и археологии средневекового Новгорода исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: arxeolog@gmail.com

Покровская Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru



Рис. 1. Ситуационный план Трицкого раскопа

новлено, что освоение этого участка началось в 30-е гг. X в. В его западной части в то время ещё существовали пашни, что подтверждается обнаруженными в предматериковом слое следами распашки. Но уже в слое второй половины X в. на всей раскопанной территории зафиксирована застройка [1].

За прошедшие 45 лет археологического исследования Людина конца здесь бы-

ли открыты четыре улицы, вскрыты и обследованы 19 усадеб, из которых 8 вошли в площадь раскопа полностью. Особенно важным было обнаружение комплекса усадеб второй половины XII в., принадлежавших боярской семье Мирошкиничей, из среды которой вышли самые известные посадники XII в. Сенсационным стало открытие и исследование в 1977 и 1982 гг. усадьбы и мастерской иконописца и ма-

стера фресковой живописи Олисея Гречина, жившего в конце XII в. [2]. Изучение этой усадьбы – бесценный вклад археологов в историю древнерусского искусства, большей частью анонимного.

В конце XX в. на Троицком раскопе были сделаны важнейшие научные открытия. С 1995 г. работы велись на усадьбе Е (площадь 1400 кв. м), которая оказалась самой большой из всех раскопанных усадеб в Новгороде. На этой усадьбе в слое XII в. (1998 г.) было впервые открыто место заседания «сместного» (совместного) суда князя и посадника и установлено время его организации (не позднее 1126 г.). В 1999 г. на этой же усадьбе в слое XI в. были найдены 38 деревянных пломб для запираания мешков с данью, т.е. государственными доходами. Анализ надписей на пломбах в совокупности с берестяными грамотами и другими находками дал возможность говорить о становлении государственных институтов, о времени ограничения княжеской власти и тем самым – о формировании республиканских институтов власти, отличающих Новгород от других древнерусских центров [3].

Беспрецедентным стало открытие на Троицком раскопе XII в 2000 г. древнейшей датированной славянской книги – «Новгородской псалтири» рубежа X–XI вв. [4]. Книга была написана на навощённых дощечках и служила учебным пособием, по которому учились первые христиане сразу же после крещения Новгорода. Прежде древнейшей датированной славянской книгой считалось Остромирово Евангелие 1050-х гг., а найденная в Троицком раскопе книга на полвека древнее.

За все годы работ (1973–2018 г.) на Троицком раскопе были найдены 474 берестяные грамоты преимущественно XI – первой половины XIII в., содержащие важнейшую информацию по раннему периоду новгородской истории и истории древнерусского языка.

Общее число индивидуальных находок на Троицком раскопе превышает 70 ты-

ся предметов из разнообразных материалов: железа, цветных металлов, дерева, кожи, кости, стекла, янтаря, камня, глины и др. В составе вещевой коллекции немало уникальных находок: два монетных клада (западноевропейских серебряных монет первой трети XI в. и арабских монет первой трети X в.), печать Ярослава Мудрого (единственный экземпляр), изделия прикладного искусства X–XIV вв., коллекция музыкальных инструментов, в том числе древнейшие гусли «Словища» XI в., и многое другое.

С 1989 г. краткие отчёты о раскопках в Людином конце ежегодно публикуются в сборниках «Новгород и Новгородская земля. История и археология», а также в «Археологических открытиях». Обзоры важнейших открытий, сделанных во время раскопок Людина конца в 1995–2010 гг., публиковались в «Вестнике РГНФ» [5, 6]. В связи с этим в данной статье основное внимание будет уделено рассмотрению материалов, полученных при раскопках в 2011–2018 гг. В эти годы участки Г и Г-1 Троицкого раскопа XIII были доведены до материка, на заложенном в 2013 г. участке XV последовательно изучались слои с XIV до XII в. включительно. На Троицком раскопе XVI работы ведутся на уровне XIV в.

Троицкие раскопы XIII (участки Г и Г-1) и XV

В границы этих участков вошли усадьба Ж на Троицком раскопе XIII, стык двух усадеб (Ф и X) и небольшой отрезок Черницыной улицы на раскопе XV. В ходе археологических исследований была изучена динамика усадебного развития с 30-х гг. X до второй половины XIV в., выделены отдельные строительные периоды, определены их хронологические границы, планировочная структура, характерная для каждого из ярусов усадебной застройки, а также синхронные им вещевые комплексы.

Из всех усадеб особый интерес представляет усадьба Ж, ранее частично иссле-

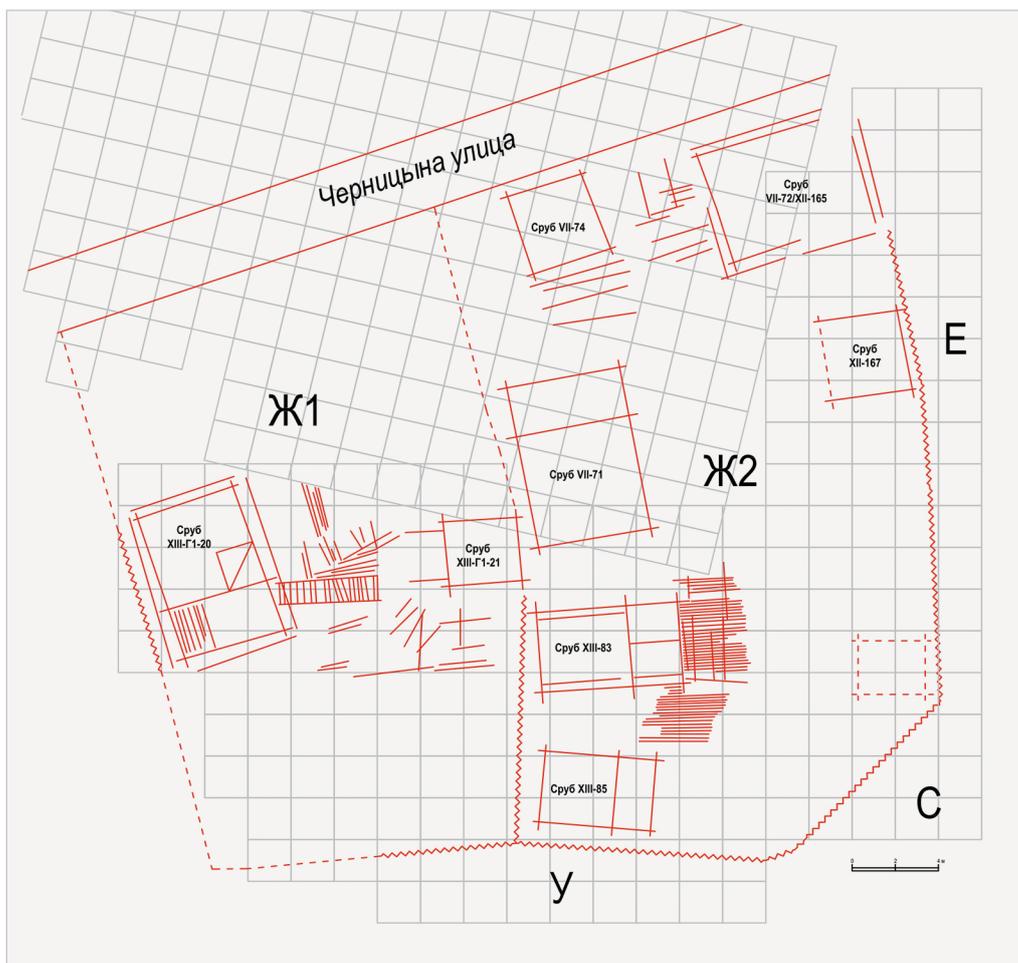


Рис. 2. Схема застройки усадеб Ж1 и Ж2 на рубеже X–XI вв.

дованная на других участках Троицкого раскопа в 1984–1986 гг. и в 2001–2009 гг. В результате работ 2011–2018 гг. её площадь была исследована практически полностью (рис. 2).

Усадьба Ж в X–XI веках

Как показали дендрохронологические даты построек первого яруса застройки, освоение территории усадьбы Ж началось в 30-е гг. X в. В начальный период здесь существовали две усадьбы (Ж1 и Ж2), границы которых фиксируются по следам частокольных оград в материке. На протяжении всего раннего периода на обеих усадьбах преобладают пятистенные срубы, поставленные на фундаментных площадках, в том числе с отдельно прирубленными сенями. Характер застройки и вещевой комплекс X в.

свидетельствуют о высоком социальном статусе первопоселенцев.

На рубеже X и XI вв. происходит смена усадебной застройки. В это время южная граница обеих усадеб смещается к югу на 6–8 м и сохраняется до конца XI в. В течение этого века менялись не только внешние границы усадеб. В 10-е гг. XI в. между двумя усадьбами исчезает частокол и усадьба становится единой. В конце 70-х гг. XI в. вновь наблюдается деление усадьбы на два комплекса. Это прослеживается по расположению построек на усадебном дворе, хотя частокол отсутствует.

Для X–XI вв. в застройке усадеб прослежены восемь сменяющих друг друга строительных ярусов, а также несколько горизонтов пожаров, полностью или частично уничтоживших усадебную застройку.



Рис. 3. Находки скандинавского облика. 1–2 — железные амулеты; 3 — привеска в виде рыбьей головы; 4 — крест «скандинавского» типа; 5 — ремённая пряжка; 6 — поясные накладки; 7 — наконечник ножен меча; 8 — фрагмент скорлупообразной фибулы; 9 — оселок-амулет; 10 — навершие роговой булавки; 11 — костяная игральная шашка

Жилая зона локализуется в южной тыльной части усадебных дворов. По периметру усадьбы и вдоль Черницыной улицы располагались хозяйственные и производственные постройки. Центральная часть

усадебного пространства, как правило, оставалась свободной от застройки, образуя внутренний двор, замощённый настилами и системой небольших переходов между постройками. В первые десятиле-

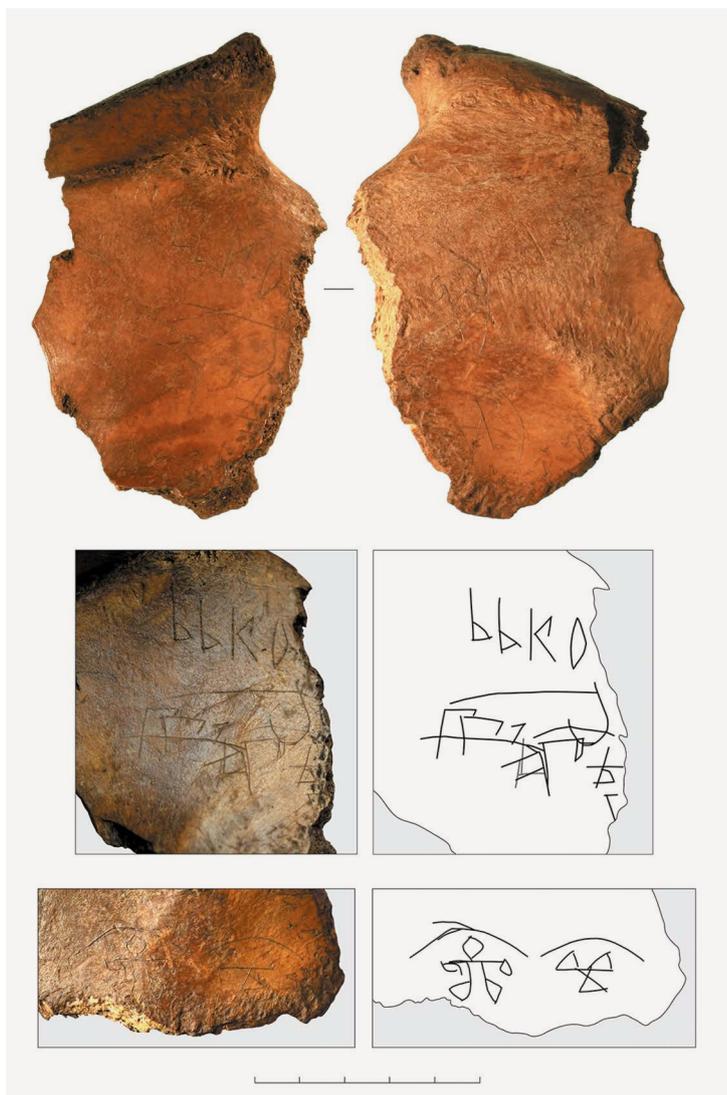


Рис. 4. Фрагмент кости животного с вырезанными на ней кириллическими и глаголическими буквами

тия XI в. в северо-восточной части усадьбы со стороны Черницыной улицы была устроена огромная вымостка длиной 20 м и шириной 6 м, обозначавшая въезд в усадьбу.

Вещевая коллекция, происходящая из слоёв X–XI вв., насчитывает 2300 находок, ассортимент которых необычайно богат и разнообразен. Наряду с обычными бытовыми предметами, характеризующими повседневную жизнь средневековых новгородцев и их занятия, в составе коллекции немало редких и даже уникальных изделий [7].

Особый интерес вызывает комплекс предметов (около 20 экз.) скандинавского облика (рис. 3), обнаруженный в слое второй половины X – начала XI в. В их числе костяная игральная шашка для игры *hnefatafl*, оселок-амулет, серебряный крест с позолотой, подвеска с тремя волютами, единственная в новгородской вещевой коллекции подвеска в форме рыбьей головы¹, поясные накладки в стиле Боре, пряжка с накладными деталями, фрагменты скорлупообразной фибулы и ножен меча. К этому же комплексу относятся также железный ключ с омеднением и шило (?) с массивной орнаментированной рукоятью. Все перечисленные изделия характерны для материковой Швеции и Готланда. Кроме того, аналогии многим из них обнаружены при раскопках в Старой Ладоге, Гнёздове и др. Количество скандинавских предметов на усадьбе Ж поражает. За все годы раскопок в Новгороде было обнаружено не более 20 отдельных скандинавских предметов, происходящих в основном с двух самых больших раскопок: Неревского (5 экз.) и Троицкого (13 экз.) [8].

Значительную группу находок составляют свидетельства денежного обращения и торговли. В слое X в. найдены дирхемы (14 экз.), милиарисий (редкая византийская монета) чеканки 931–944 гг., детали складных весов (4 экз.) и гирики-разновесы (12 экз.). Концентрация единичных скандинавских изделий или их фрагментов на усадьбе Ж в совокупности с обилием гирек и деталей весов свидетельствует о том, что первопоселенцы, обосновавшиеся в этой части Людина конца, были вовлечены в международную торговлю Новгорода, когда его

¹ Благодарим Н.В. Ениосову за атрибуцию этого предмета и ссылку на аналогии.

основными контрагентами являлись Норвегия, Швеция и Готланд.

Большой интерес для денежного обращения представляют также западноевропейские денарии XI в. (8 экз.) чеканки различных городов и правителей Саксонии и Фризии¹. Большинство монет изготовлено из низкопробного серебра или меди, что свидетельствует о «засорении» денежного обращения XI в. в Новгороде фальшивыми монетами.

О грамотности жителей при отсутствии берестяных грамот свидетельствуют два писала, книжные застёжки. Кроме того, особый интерес представляет найденный в слое второй половины XI в. обломок тазовой кости животного, на одной стороне которой тщательно вырезаны кириллические буквы – Ъ, К, О, на другой – две глаголические буквы (М и И) под титлами [9] (рис. 4). Это первая находка глаголической надписи, происходящая из раскопок Новгорода.

К числу редких предметов относятся цельный комплект удил с инкрустированными псалями, лука седла, навершия детских игрушечных мечей, которые были точными копиями боевых мечей. Уникальной находкой является деревянный футляр на лезвие боевого топора (рис. 5) [10].

В слое конца XI в. на территории усадьбы обнаружены два деревянных замка-цилиндра, использовавшихся для запечатывания мешков с данью, на одном из которых вырезан знак – трикветра.

Уникальной является массивная деревянная конструкция (рис. 6), происходящая из слоя второй половины XI в., не имеющая аналогов в археологическом материале. На основании этнографических данных А.М.Гринёв атрибутировал эту конструкцию как деталь повозки.

Все перечисленные находки из слоёв X–XI вв. свидетельствуют о высоком социальном статусе владельцев этой усадьбы на протяжении длительного времени.

¹ Благодарим П.Г. Гайдукова за определение монет.



Рис. 5. Деревянный футляр на лезвие боевого топора

Усадьба Ж в XII – начале XIII в.

Отличительной чертой этого периода является высокая концентрация берестяных грамот (более 100 экз.). Характер застройки и содержание берестяных грамот дают основание выделить в указанное время условно два строительных периода: первая половина XII в. и вторая половина XII – начало XIII в.

I период (1110-е – 1150 гг.). В первые десятилетия XII в. усадебная застройка сформировалась после пожара, уничтожившего все предшествующие строения на этой территории. К этому времени уже

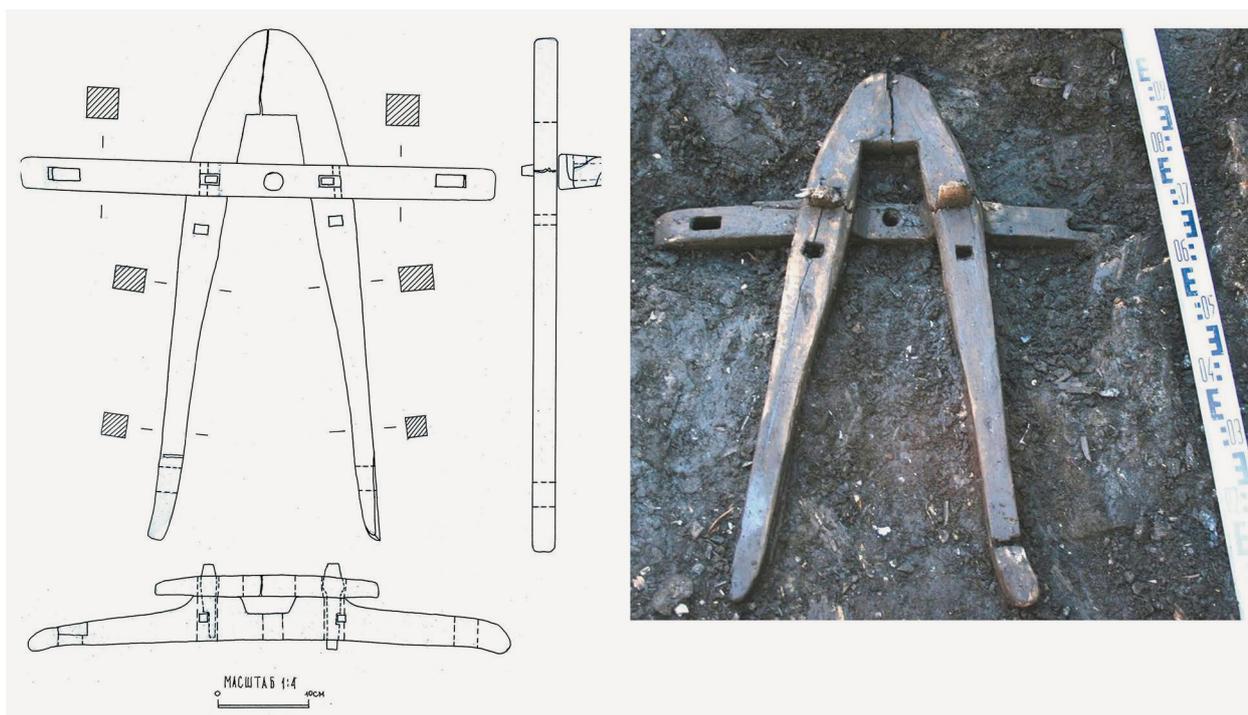


Рис. 6. Деревянная конструкция — деталь повозки (?)

сложилась традиционная планировка двора, при которой основное жилое здание располагалось вдоль центральной части тыльной границы усадьбы. Оно представляло собой большой сруб-пятистенок размерами $8,5 \times 6,0$ м. С севера к сеним сруба примыкала столбовая галерея, к которой подходила вымостка. Очевидно, она служила и въездом на усадьбу, приводящим непосредственно к центральной постройке. Кроме того, на территории усадьбы располагалось несколько сооружений хозяйственного назначения.

Во второй четверти XII в. формируется новый ярус усадебной застройки, но планировка в целом сохраняется. Это по-прежнему массивный сруб-пятистенок размерами $11,2 \times 8,3$ м. В жилой части сруба был зафиксирован мощный развал каменной печи. С севера к сеним примыкала столбовая галерея, аналогичная сооружению предыдущего яруса.

К этому периоду относятся грамоты № 1045–1050, в которых пересекаются имена авторов, адресатов и персонажей: Лука, Сновид, Домка, Уйца [11, с. 142–151]. Лука и Сновид хорошо известны по на-

ходкам 2010 г., когда была найдена переписка складников, т.е. купцов, совместно ведущих торговлю. В грамотах № 1045–1050 также обсуждаются торговые дела, денежные расчёты и проблемы возвращения долга. Особый интерес представляет целое письмо Луки (№ 1045) (рис. 7), который уже известен как автор пяти писем к отцу. В данном случае Лука со своим компаньоном Микулой сообщает Сновиду о безрезультатной поездке на север за пушниной: «От Луки и от Микулы к Сновиду. Мы (двое) не купили ничего: заволочская белка (беличья пушнина) — 8 гривен. А ты дай нам (двоим) какую-нибудь весть поскорее. Мы бы уже были дома, да распутица. И приветствую вас. Домке отдайте денег (добавлено над строкой: 14 кун) из семи гривен для Саввы Гюровича» [11, с. 142–144]. Упомянутый в этой грамоте Домка также участвовал в переписке со Сновидом (грамота № 1047): «От Домки к Сновиду. Спроси Уйца, тут ли мой должник. Если он тут, возьми с него две гривны. Если его тут нет, то так мне и дай знать (т.е. сообщи об этом)». Этот Уйца был автором гра-

моты № 1046, от которой, к сожалению, остались лишь обрывки, не дающие связного текста. Вероятно, Уйца был членом той же группы складников, что и Лука, Сновид, Микула, Домка.

В самых ранних грамотах этого периода (№ 1049, 1050) упоминается некий Словято, который также занят покупками и денежными расчётами. В целой и хорошо сохранившейся грамоте № 1050 речь идёт о взимании долга посредством вызова отрока (судебного исполнителя). Поражает, насколько в столь раннее время было развито правовое сознание. Документ датируется рубежом XI–XII вв.

Занятие жителей усадьбы торговлей отразилось не только в берестяных грамотах, но и в находках. Из слоя первой половины XII в. происходит 91 товарная пломба с изображениями различных святых, крестов, в том числе и процветших, а также разнообразных знаков. Такими пломбами опечатывались связки шкурок пушных зверей, поступающих в Новгород из восточных и северных районов Новгородской земли. Это является дополнительным подтверждением того, что торговля пушниной была одной из статей доходов жителей усадьбы.

Всего в слое этого периода найдено около 2000 предметов, характеризующих ремесло, материальную культуру, быт и мировоззрение жителей усадьбы. Важное значение для определения их социального статуса имеют найденные в этот период печати, пломбы для мешков с данью и другие находки. В слое начала XII в. были найдены четыре печати, две из которых содержат изображение процветшего креста на одной стороне и свято-

го — на другой. Одна печать принадлежала князю Всеволоду Мстиславовичу (1117–1131 гг.). Здесь же была обнаружена деревянная пломба с надписью «Иване» (рис. 8).

Заслуживает внимания костяная бита для игры в бабки со знаком Рюриковичей. К числу редких относятся и стеклянные сосуды с росписью, обломки которых найдены на усадьбе в большом количестве.

II период (1150–1190-е гг.). В этот период планиграфическая ситуация на данной территории заметно меняется. Граница усадьбы Ж сдвигается к западу на значительное расстояние, занимая практически всю усадьбу Ф, что прослежено по забутовке частокола. В слоях этого периода на Троицком раскопе вскрыты остатки большого пятистенного сруба. В основном помещении расчищены остатки отопительного устройства, расположенного в центре. Как и в предыдущих ярусах, основное жилое помещение располагалось в центре тыльной части усадебного двора (рис. 9). Сооружение представляло собой большой сруб-пятистенок размера 10 × 8,5 м, рубленный из брёвен диаметром 30–35 см. С севера к сеним дома примыкала галерея на столбовой основе. Края галереи оформлены двумя рядами мощных столбов. С запада, севера и востока к галерее подходили три крыльца (настила). За время существования дома (40 лет) подходы к нему перестраивались дважды.

К западу от усадьбы Ж вскрыты два яруса хлебной, дворовой, печи, примыкавшей к Черницыной улице и отделённой от усадебных дворов частоколами.



Рис. 7. Берестяная грамота № 1045

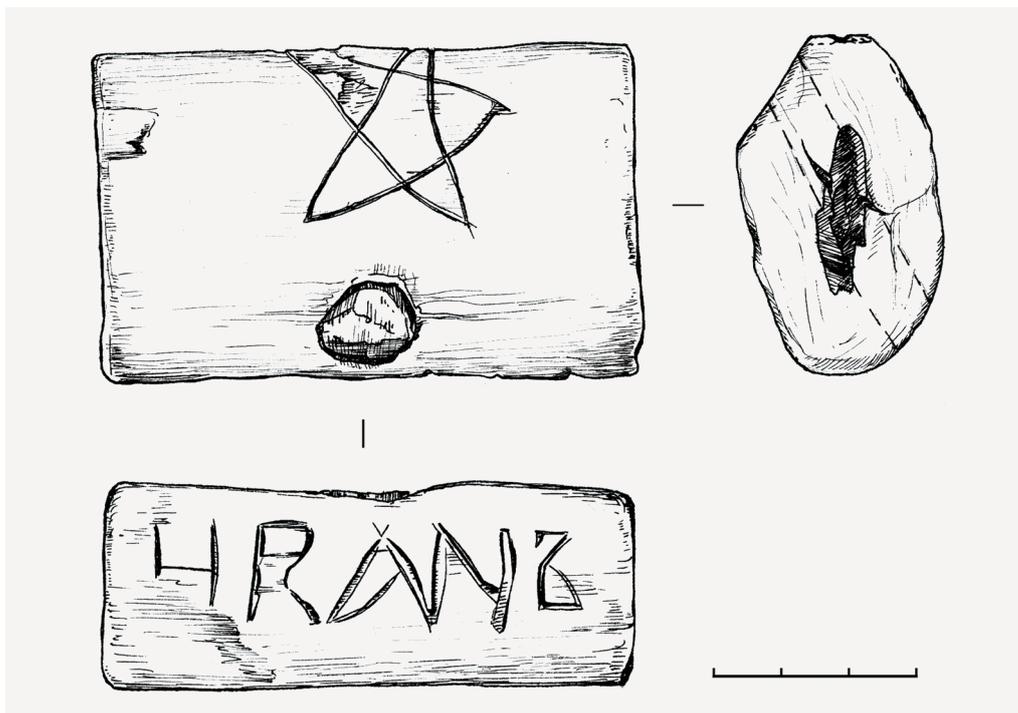


Рис. 8. Деревянная пломба с надписью «ИВАНЕ»

В рассматриваемый период на раскопках Троицкий III (участки Г и Г1) и XV были обнаружены 36 берестяных грамот, половина которых написана Якимом, хорошо известным нам по находкам 2010 г. (рис. 10). Всего ему принадлежат 38 текстов на бересте, среди авторов берестяных грамот Яким является самым пишущим новгородцем. Подавляющее число его грамот – это деловые записи, среди которых почти нет частных писем с адресной формулой. По содержанию записей становится очевидно, что Яким был управляющим крупным боярским хозяйством. Он вёл записи об оплате пушнины (№ 1021), о количестве зерна и семян (№ 1023, 1024, 1029/980, 1037), о поставке соли и т.д. [11, с. 120–137].

Большой интерес представляет грамота № 1021, в которой указана огромная сумма, уплаченная двумя феодалами за три тысячи сто беличьих шкурок. Один из них заплатил 45 гривен и две ногаты, другой – 44 гривны и пять с половиной кун, из чего следует, что одна беличья шкурка стоила около 0,7 кун. По мнению А.А.Гиппиуса, речь идёт о двух бо-

ярах – сыновьях знаменитого посадника конца XII в. Мирошки Нездинича, у которых Яким, очевидно, был управляющим [11, с. 119]. В грамоте № 1023, содержащей перечисление различного зерна и семян, поражает количество ячменя в 500 мер. К сожалению, объём этой меры нам пока неизвестен.

Особую категорию грамот Якима составляют короткие однострочные записки, очевидно ярлыки (всего 5 экз.). В основном в них указывается стоимость различных предметов. Любопытны две записки, не содержащие упоминания конкретного предмета или товара. В одной из них сказано: «А съ либскъ», т.е., что это ливский, очевидно, товар. В другой указана только стоимость: «А съ по 2 кунь». Видимо, это был ценник, прикреплённый к какому-то товару.

Несомненно, что наряду с добычей пушнины и сбором податей одним из основных занятий жителей этой усадьбы продолжала оставаться торговля. Яким – не только автор многочисленных текстов, но и адресат грамоты № 1100, автор которой Рощёна поручает Якиме ку-

пить шубу и четыре воротника из паволоки (драгоценная ткань). Судя по всему, Рощёна — жена того самого боярина, у которого служит Яким. Видимо, она находится за пределами Новгорода в боярском поместье, оттуда и посылает Якому письмо.

Кроме грамот Якима были найдены деловые письма о возвращении долгов других авторов (№ 1020, 1031), заговор от лихорадки («трясавице») (№ 1022) и др.

Ассортимент находок, происходящих из слоя второй половины XII в., богат и разнообразен. Многие находки являются индикаторами высокого социального статуса владельцев усадьбы Ж в это время. Прежде всего к их числу относится бирка из можжевельника с надписью «УСТЬЕ ЕМЬЦИ» [12, с. 18, рис. 2] (рис. 11). В прежние годы на Троицком раскопе были найдены две подобные бирки с надписями «МЕСТУЙ» и «УСТЬЕ ВА...» (очевидно «устье Ваги») [13, с. 85]. Видимо, как и деревянные пломбы в виде цилиндров, они привешивались к мешкам с данью, указывая на место её сбора.

Среди находок, характеризующих высокий социальный статус владельцев этой усадьбы, — византийская печать с греческой надписью, золотое трёхбусинное височное кольцо, янтарный крест с серебряными наконечниками, большое число обломков импортных стеклянных сосудов, многочисленные фрагменты амфор. Заметно увеличилась коллекция свинцовых товарных пломб (46 экз.) для опечатывания пушных шкур.

Отметим также редчайшую находку целой бронзовой кадилницы, фрагмент деревянной церы с остатками воска, по размерам полностью аналогичной знаменитой Новгородской псалтыри, состоящей из трёх подобных табличек.

Всего же на усадьбе Ж в слоях XII в. было найдено свыше пяти тысяч индивидуальных находок. Разнообразие бытовых предметов, хорошо известных по другим новгородским раскопам, наглядно иллюстрирует жизнь и быт средневековых новгородцев в XII в. Высокое социальное положение владельцев усадьбы характе-



Рис. 9. Основная жилая постройка усадьбы Ж во второй половине XII в.

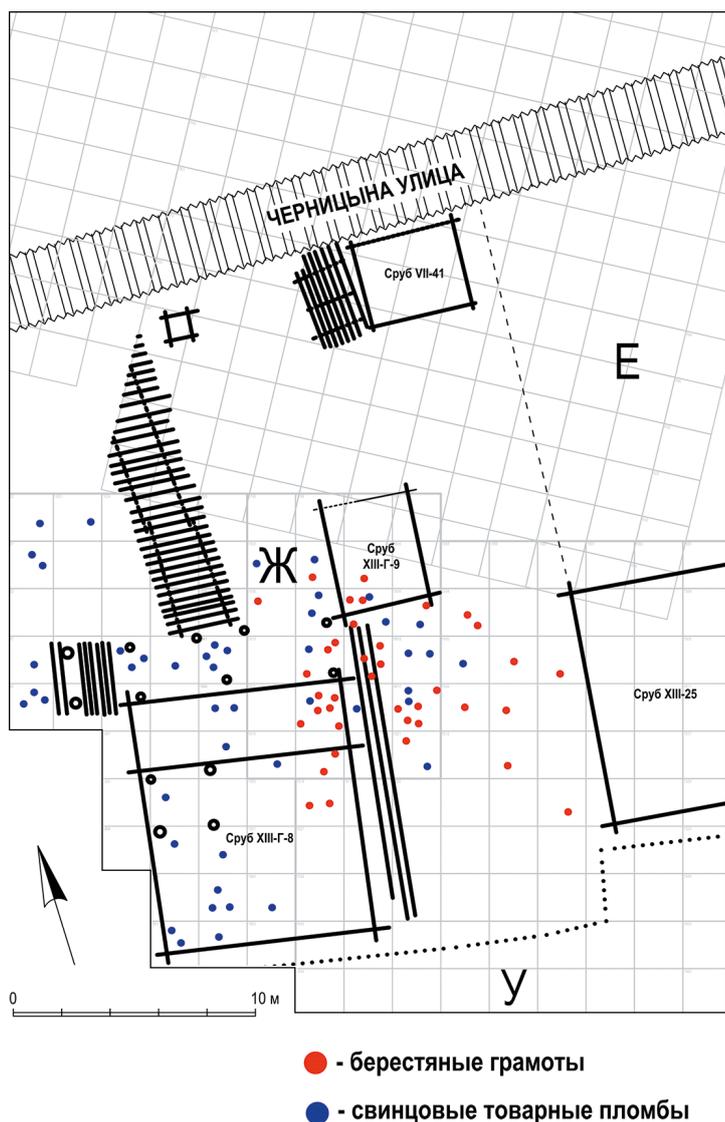


Рис. 10. План усадьбы Ж во второй половине XII в. с распределением берестяных грамот и свинцовых товарных пломб

ризует не только большое число найденных здесь берестяных грамот, но и коллекция статусных вещей.

Усадьба Ж в XIII–XIV вв.

На рубеже XII–XIII вв. площадь усадьбы сокращается, резко меняются характер застройки и состав находок, что, очевидно, обусловлено сменой владельца усадьбы Ж и её перепланировкой ещё до пожара 1207 г., который связывается с разгромом усадеб семейства Мирошкиничей.

В застройке XIII и XIV вв. в основном преобладают небольшие четырёхстенные срубы. По сравнению с XII в. про-

исходит существенное обеднение вещевого комплекса. В основном преобладают бытовые вещи, характерные для большинства новгородских усадеб: железные замки и ключи, инструменты, ювелирные украшения, каменные грузила и оселки, двусторонние гребни, деревянная посуда, чекмари, детали саней, кожаной обуви и т.д. Самой массовой категорией находок являются стеклянные браслеты, которые надёжно датируют эти напластования. Из ювелирных украшений отметим находку редких в новгородской вещевой коллекции двух карельских скорлупообразных фибул, сильная затёртость орнамента которых свидетельствуют об их длительном использовании.

Разнообразие изделий из цветных металлов и их количество на сравнительно небольшой площади исследованного участка, вероятно, связано с наличием на усадьбе ювелирного производства. Об этом также свидетельствуют многочисленные фрагменты тиглей, выплски цветного металла, литейная форма и разнообразное сырьё.

Другой производственный комплекс связан с косторезным ремеслом, который фиксируется по скоплению опиленных рогов лося и оленя. Здесь же найдены и двусторонние гребни, которые, вероятно, могли изготавливаться в данной мастерской.

Застройка других усадебных комплексов в XIII–XIV вв. также представлена небольшими однокамерными срубами, расположенными преимущественно вдоль мостовой улицы. Среди них хлебная (дворовая) печь. Прослежено несколько ярусов въездов на усадьбы. Открыт ряд срубов, сохранивших отопительное устройство и, по всей видимости, являвшихся жилыми.



Рис. 11. Деревянная бирка с надписью «УСТЬЕ ЕМЬЦИ»

В этих слоях обнаружены предметы, характеризующие повседневность жителей усадеб. В составе коллекции — бытовые изделия, универсальные инструменты, детали замков, ключи, небольшое число украшений и детали обуви. К редким для Новгорода изделиям относится полая птицевидная привеска с гребешком на голове и подвесками лапчатой формы, прикреплёнными к тулову. Подобные привески и подвески в виде утиных лапок характерны для круга финно-угорских древностей.

Троицкий раскоп XVI

Работы на Троицком раскопе XVI были начаты в 2015 г. (площадь — 540 кв. м). Он расположен напротив церкви Святой Троицы и отделён от основной части Троицкого раскопа Редятиной улицей (рис. 12).

На площади раскопа изучается городская усадьба, расположенная на перекрёстке средневековых Редятиной и Пробойной улиц. В южной части раскопа прослежена небольшая часть ещё одной усадьбы, выходящей на перекрёсток Воздвиженской и Пробойной улиц.

За время исследований на раскопе изучены около 40 построек различного назначения. Помимо построек средневекового времени на раскопе фиксируются остатки сооружений более поздних эпох. К ним относятся заглублённые фундаменты домов XIX — начала XX в., погреб и водоотводные системы XVIII–XIX вв. Кроме

того, прослежено несколько бочек XVI–XVII вв., использовавшихся в качестве водосборников.

В настоящее время работы на раскопе ведутся в слоях XIV в. Для этого времени характерны срубы четырёхстенной конструкции. Основная застройка сосредоточена по периметру усадебного двора: в южной части располагаются два жилых сруба, к которым со стороны Редятиной улицы ведёт настил длиной 20 м и шириной 6 м. Вдоль западной границы усадьбы в ряд расположены небольшие постройки хозяйственного и производственного назначения. Большинство сооружений пострадало в результате пожаров.

Берестяные грамоты

Всего на Троицком раскопе XVI были найдены пять грамот (№ 1065, 1085, 1086, 1092, 1111). И хотя все они обнаружены в обрывках, каждая из них несёт определённую информацию. Первой после снятия насыпного слоя на одном из участков раскопа, где обнаружился средневековый слой второй половины XIV — начала XV в., была найдена грамота № 1065. Она состоит из трёх обрывков, содержащих важную информацию о социальном статусе владельца усадьбы. Автор грамоты обращается к господину с просьбой «посадить» его, т.е. дать участок земли в Луках (ныне Великие Луки). Следовательно, владелец усадьбы был богатым новгородским боярином,



Рис. 12. Общий вид Троицкого раскопа XVI на уровне XIV в.

крупным землевладельцем, который выделял своим крестьянам участки земли для прокорма и сбора с него оброка.

Остальные грамоты найдены в слое XIV в. Грамота № 1085 обнаружена среди многочисленных обрезанных фрагментов бересты, на одном из которых было написано «покушаю». Однако никакого отношения к процессу еды это слово не имеет. Оно обозначало «пробовать», что зафиксировано в некоторых письменных источниках [14]. Следовательно, это целый документ, автор которого написал *пробую*.

Составленная из двух обрывков грамота № 1086 содержит просьбу прислать пшеницу для устройства *толоки*. Этот

термин, обозначающий коллективную работу всего села в помощь своему односельчанину в течение одного дня, впервые встречен в берестяной переписке.

Интересный текст содержался в грамоте № 1092, судя по её сохранившемуся левому краю. По уцелевшим фразам с большой долей вероятности можно предполагать, что речь идёт об охоте на соболя и, возможно, на куницу. В последней строчке мелкими буквами написано: князь *Конст(антин)*. Согласно датировке грамоты (первая половина XIV в.), это мог быть только тверской князь Константин Михайлович. Отметим, что упоминание имени князя в грамотах встречается чрезвычайно редко.



Рис. 13. Свинцовая печать новгородского посадника Ивана Фёдоровича Смятанки

Находки

Высокий социальный статус владельцев усадьбы подчёркивают также находки вислых свинцовых печатей: печать новгородского Совета Господ с изображением зверя и надписью «Печать Великого Новгорода», половинка печати новгородского тиуна, анонимная печать владычных наместников новгородского архиепископа с изображением Богоматери и креста сложной формы. Также найдена одна заготовка печати. Не вызывает сомнений атрибуция ещё одной печати, принадлежавшей новгородскому тысяцкому Есифу Фалеевичу. Он неоднократно упоминается в Новгородской первой летописи сначала как тысяцкий (1388

и 1391 гг.) [15]. До сих пор его печати ни в ранге тысяцкого, ни в ранге посадника не были известны.

Отдельно стоит сказать о трёх печатях без обозначения должности, с именем Фёдора Оксентиева и изображением св. Фёдора в рост. Прежде печати с таким именем не встречались, и в письменных источниках этот персонаж пока не обнаружен [16].

Большой интерес представляет находка единственной в сфрагистической коллекции Новгорода печати посадника Ивана Фёдоровича (рис. 13), имя которого содержится в Списках посадников (А – Иван Смятанка – 63 и Б – Иван Фёдорович – 68) и связано с возникновени-



Рис. 14. Деревянная разъемная форма для изготовления кирпичей

ем коллективного посадничества в 1354 г. Прежде чем стать посадником, Иван Фёдорович Смятанка в 1350 г. был тысяцким и возглавлял поход на Выборг. Известны две его печати в должности тысяцкого, на одной стороне которых находится изображение св.Иоанна Предтечи в полный рост, со свитком в правой руке. На другой стороне имеется четырёхстрочная надпись: *печать Евана тыс...ко* [17, № 595б, 595в]. Для посадничьей печати Ивана Фёдоровича изображение св.Иоанна Предтечи было оттиснуто с помощью матрицы печати тысяцкого (№ 595б), а надпись «ИВАНОВА ПЕЧАТЬ ПОСАДНИКА НОВГОРОЧЬКОГО» — ранее неизвестной матрицей.

В самом начале археологических исследований на раскопе был обнаружен интереснейший комплекс, характеризующий литейное производство. Он представлен скоплением обломков больших глиняных тиглей, характерных для второй половины XIV – первой половины XV в. [18, с. 251–253]. В каждом из таких сосудов можно было расплавить несколько килограммов цветных металлов. Здесь же найдены крупные фрагменты обмазки тигельной печи. По всей видимости, в конце XIV в. жители этой усадьбы занимались литейным делом.

Предметы, связанные со снаряжением коня и всадника, представлены удилами, двумя шпорами, подковой, накладкой для конской упряжи.

На усадьбе обнаружены фигуры, по меньшей мере, двух шахматных наборов — из кости и дерева. Среди них — фигуры короля (окрашена красной краской), коня, ладьи, пешки.

Интерес представляет находка деревянной оправы зеркала с остатками металлического зеркала и клея, на который оно крепилось. Неподалёку от него обнаружен кожаный футляр округлой формы, вероятно предназначенный для зеркала.

Сенсацией полевого сезона 2018 г. стала находка деревянной формы для изготовления кирпичей (рис. 14). В настоящее время археологические исследования древнерусских архитектурных памятников и печей для обжига кирпичей, а также сопоставление данных археологии с письменными и этнографическими источниками дают довольно полное представление о кирпичном производстве Древней Руси. Тем не менее до сих пор формы для изготовления кирпичей не были известны. Изучение системы формовки древнерусских кирпичей основывалось только на исследовании сохранившихся на них следов. Находка де-

ревянной разъемной формы для изготовления кирпичей на Троицком раскопе XVI подтвердила предположение о том, что глина набивалась в деревянную форму-рамку без дна.

Кроме формовочной рамки на Троицком раскопе XVI не выявлено следов кирпичного производства, которое должно было бы сопровождаться большим скоплением глины и кирпичей, а также наличием печи для их обжига. Вместе с тем напротив раскопа находится церковь св.Троицы, построенная в 1365 г. Не ис-

ключено, что поблизости от неё было организовано изготовление кирпичей.

Археологические исследования на Троицком раскопе являются неисчерпаемым источником информации о разных сторонах жизни и быта средневековых новгородцев, и их изучение ещё далеко до завершения. В кратком обзоре отмечены лишь наиболее значительные открытия последнего десятилетия, которые демонстрируют высокий потенциал новгородского культурного слоя для изучения древнерусской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А. Исследования древнейшего культурного слоя и погребённой почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 358–366.
2. Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
3. Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Издательско-полиграфический центр НовГУ, 2001.
4. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.) // Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 153–164.
5. Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н. Новые археологические исследования Людина конца в Новгороде (1995–1998 гг.) // Вестник РГНФ. 1999. № 3. С. 121–132.
6. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Сингх В.К. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 гг. // Вестник РГНФ. 2010. № 4. С. 115–128.
7. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М., Тянина Е.А. Работы в Людиноме конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г1 и XV) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2015. С. 51–65.
8. Рыбина Е.А., Хвощинская Н.В. Ещё раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 66–78.
9. Михеев С.М., Сингх В.К. Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI в. из Новгорода // Российская археология. 2016. № 1. С. 99–105.
10. Каинов С.Ю., Сингх В.К. Деревянный чехол топора с Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2016. С. 196–203.
11. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015.
12. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М., Тянина Е.А. Работы в Людиноме конце Великого Новгорода в 2017 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2019. С. 17–27.
13. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986.

14. Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.
15. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
16. Рыбина Е.А. О печатях Фёдора Оксентьева // Российская археология. 2018. № 4. С. 161–166.
17. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М.: Интрада, 1998.
18. Ениосова Н.В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения — 3: Материалы Международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2011. С. 243–254.

ENGLISH

Archaeological Study of Lyudin End in Novgorod (Troitsky Site)

Elena Aleksandrovna Rybina — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, supervisor of the project “Archaeological Study of Lyudin End in Medieval Novgorod” (18-09-00372a).

E-mail: ear42@list.ru

Viktor Kashmirovich Singh — PhD in History, Head of the Laboratory of history and archeology of Medieval Novgorod, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, researcher in the same project.

E-mail: arxeolog@gmail.com

Lyubov Vladimirovna Pokrovskaya — PhD in History, Principal Researcher, Department of Archeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, researcher in the same project.

E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru

The article focuses on the findings of the archaeological study of Lyudin End in Novgorod started back in 1973. Particular attention is paid to the materials obtained during the excavations in 2011–2018.

Keywords: Novgorod, Lyudin End, Troitsky site, estate, timeline, birch bark manuscripts, artefacts

REFERENCES

1. Aleksandrovskiy A.L., Gaydukov P.G., Krenke N.A. Issledovaniya drevneyshego kul'turnogo sloya i pogrebyonnoy pochvy na Troitskom XI raskope v Novgorode v 1998 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 13. Novgorod, 1999. S. 358–366 (in Russian).
2. Kolchin B.A., Khoroshev A.S., Yanin V.L. Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII v. M.: Nauka, 1981 (in Russian).
3. Yanin V.L. U istokov novgorodskoy gosudarstvennosti. Velikiy Novgorod: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr NovGU, 2001 (in Russian).
4. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskaya psal'tyr' nachala XI v. — drevneyshaya kniga Rusi (Novgorod, 2000 g.) // Vestnik RGNF. 2001. № 1. S. 153–164 (in Russian).

5. Khoroshev A.S., Rybina E.A., Gaydukov P.G., Sorokin A.N. Novye arkheologicheskie issledovaniya Lyudina kontsa v Novgorode (1995–1998 gg.) // Vestnik RGNF. 1999. № 3. S. 121–132 (in Russian).
6. Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Sorokin A.N., Stepanov A.M., Singkh V.K. Arkheologicheskie issledovaniya Lyudina kontsa v Novgorode v 2001–2010 gg. // Vestnik RGNF. 2010. № 4. S. 115–128 (in Russian).
7. Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Singkh V.K., Stepanov A.M. Tyanina E.A. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda v 2014 g. (Troitskie raskopy: XIII-G, G1 i XV) // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 29. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2015. S. 51–65 (in Russian).
8. Rybina E.A., Khvoshchinskaya N.V. Eshchy o raz o skandinavskikh nakhodkakh iz raskopok Novgoroda // Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.N. Nosova. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2010. S. 66–78 (in Russian).
9. Mikheev S.M., Singkh V.K. Glagolicheskie i kirillicheskie bukvy na kosti vtoroy poloviny XI v. iz Novgoroda // Rossiyskaya arkheologiya. 2016. № 1. S. 99–105 (in Russian).
10. Kainov S.Yu., Singkh V.K. Derevyannyi chekhol topora s Troitskogo raskopa // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 30. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2016. S. 196–203 (in Russian).
11. Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.). T. XII. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015 (in Russian).
12. Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Singkh V.K., Stepanov A.M. Tyanina E.A. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda v 2017 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 32. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2019. S. 17–27 (in Russian).
13. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). M.: Nauka, 1986 (in Russian).
14. Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Toropova E.V. Berestyanye gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe // Voprosy yazykoznanija. 2017. № 4. S. 7–24 (in Russian).
15. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950.
16. Rybina E.A. O pechatyakh Fyodora Oksent'eva // Rossiyskaya arkheologiya. 2018. № 4. S. 161–166 (in Russian).
17. Yanin V.L., Gaydukov P.G. Aktovye pečati Drevney Rusi X–XV vv. T. III. M.: Intrada, 1998 (in Russian).
18. Eniosova N.V., Reren T. Plavil'nye sosudy novgorodskikh yuvelirov // Novgorodskie arkheologicheskie chteniya – 3: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Arkheologiya srednevekovogo goroda. K 75-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda». Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2011. S. 243–254 (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-186-191

Ю.М. КОРШУНОВ*

Российско-германский научный colloquium «Советско-германские экономические отношения, 1917–1991 гг.» (Воронеж, 11–12 июля 2019 г.)**

В статье описывается международное научное мероприятие по экономической истории. Исследования, проведённые в его рамках в основном на базе новых архивных документов, имеют прикладное значение, так как развивают не только научные знания и контакты, но и могут содействовать улучшению межгосударственных экономических отношений, укреплению позитивного образа России за рубежом.

Ключевые слова: материалы российских и зарубежных архивов по экономической истории, торговля, экспорт, импорт, репарации, Совет экономической взаимопомощи

С организаторами colloquium выступили Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН и Воронежский институт высоких технологий (ВИВТ), на базе которого действует Научно-образовательный центр устной истории. Мероприятие прошло при поддержке РФФИ, ВИВТ, Правительства Воронежской области¹ и Уполномоченной Федерального правительства Германии по делам культуры и средств массовой информации.

Участниками colloquium стали представители исторической, экономической,

юридической науки двух стран: сотрудники научно-исследовательских институтов, университетов, руководители российских и немецких архивов, музеев.

На церемонии открытия с приветствиями выступили вице-губернатор Воронежской области В.А.Шабалатов, Главный федеральный инспектор по Воронежской области А.М.Солодов, начальник Управления гуманитарных наук РФФИ д.филол.н. В.П.Гребенюк, президент ВИВТ д.техн.н. Я.Е.Львович, научный руководитель ИВИ РАН академик А.О.Чубарьян и директор Политическо-

¹ Особенно хотелось бы поблагодарить за поддержку Департамент образования, науки и молодёжной политики Воронежской области в лице его руководителя к.техн.н. О.Н.Мосолова и первого заместителя руководителя к.и.н. Г.П.Ивановой.

* **Коршунов Юрий Михайлович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член Оргкомитета Colloquium.
E-mail: mmy2002@mail.ru

**Проект 19-09-20002.



Фото 1. На открытии коллоквиума (слева направо): президент ВИБТ д.техн.н. Я.Е. Львович, начальник Управления гуманитарных наук РФФИ д.филол.н. В.П. Гребенюк, вице-губернатор Воронежской области В.А. Шабалатов, научный руководитель ИВИ РАН академик А.О. Чубарьян, Главный федеральный инспектор по Воронежской области А.М. Солодов, директор Политического архива МИД ФРГ д.и.н. Э. фон Бёзелагер

го архива МИД ФРГ д.и.н. Э. фон Бёзелагер (фото 1), зачитавшая обращение Временной поверенной в делах ФРГ в РФ Б.Гжески. Представители воронежского руководства рассказали о результатах экономического сотрудничества региона и немецкого бизнеса, что было наглядно продемонстрировано на размещённых в зале заседания двух стендах (фото 2).

Российско-германским отношениям в XX в., напомнила Б.Гжески, суждено было многократно менять вектор своего развития. Переменчивыми были не только двусторонние торговые связи, менялись также народнохозяйственные системы двух государств и курсы их внешне-торговой политики. Тем не менее, в самые различные эпохи наши экономические контакты оставались очень тесными, взаимовыгодными и основывались на принципе взаимодополняемости различных экономических систем. Ещё в царские времена в России действовали многочисленные немецкие фирмы, ввозившие новые технологии. Особая доверительность, даже в годы сильнейшей блоковой

конфронтации, сложилась в сфере энергетики.

Несмотря на то, что коллоквиум был посвящён периоду 1917–1991 гг., речь шла и о нынешних экономических тенденциях, для которых характерна опора на очень широкий и стабильный российско-германский фундамент, охватывающий не только экономики двух государств, но и сферы культуры, диалога гражданского общества, образования и молодёжных обменов. Как свидетельствует статистика, Германия является для России вторым по значимости торговым партнёром в мире и главным в Европе. Невзирая на политические разногласия и связанные с ними экономические санкции, германская промышленность остаётся одним из важнейших инвесторов в России. По банковским подсчётам, в 2018 г. объём новых немецких инвестиций в России был сопоставим с общим объёмом инвестиций из Китая. Продолжает существовать значительный потенциал развития инвестиционного направления во всех сегментах, а не только в наиболее заметных: энергетике, фарма-



Фото 2. Стенд о сотрудничестве Воронежской области и немецкого бизнеса

цветнике, автомобилестроении и совершенствовании высокоскоростного железнодорожного транспорта.

При этом, по мнению Б.Гжески, ключевая роль в достижении успеха принадлежит взаимному пониманию и доверию. В эпоху глобализма изучение совместной истории в духе открытости и объективности является одной из важнейших базисных частей дружественных отношений.

Я.Е.Львович в своём приветствии обратил внимание на тот факт, что Научно-

образовательный центр устной истории – сугубо гуманитарная структура – не просто существует в рамках ВИВТ с 2014 г., но и очень удачно вписывается в систему технологического вуза.

Заведующая Научно-образовательным центром устной истории ВИВТ к.и.н. Н.П.Тимофеева напомнила собравшимся, что Воронежский регион по масштабу потерь во время Великой Отечественной войны уступает в нашей стране только Ленинградской области.

В.П.Гребенюк, оглашая приветствие председателя Совета РФФИ академика В.Я.Панченко, подчеркнул, что нынешний коллоквиум является седьмым по счёту российско-германским и международным научным мероприятием, которое получает поддержку РФФИ.

На коллоквиуме работали следующие секции: «Советско-германские экономические отношения в межвоенный период» (ведущие – д.и.н. А.Ю.Ватлин и к.э.н. С.И.Невский, оба – МГУ им. М.В.Ломоносова), «Нацистский принудительный труд и историческая ответственность Германии» (ведущий – д.ю.н. В.С.Христофоров, РГГУ) (фото 3), «Германия в условиях четырёхсторонней оккупации стран-победительниц, 1945–1949 гг.» (ведущий – к.и.н. А.Хильгер, Германский исторический институт в Москве), «Германо-советское

экономическое сотрудничество в годы холодной войны» (ведущий – к.и.н. Й.Морре, директор германо-русского музея «Берлин-Карлсхорст»), «Экономические аспекты германо-германского и советско-германского взаимодействия во второй половине XX столетия» (ведущий – д.и.н. А.М.Филитов, гл.н.с. ИВИ РАН).

Отличительной особенностью коллоквиума являлось то, что основная часть охваченных им исследовательских направлений базировалась в первую оче-



Фото 3. Заседание секции «Нацистский принудительный труд и историческая ответственность Германии». Слева направо: С. Бегальке, В.С. Христофоров, Э. Майер, А. Хильгер

редь на введении в научный оборот ранее мало известных архивных документов. Участники (фото 4) сформулировали новые подходы к изучению не только таких фундаментальных проблем экономических отношений двух стран, как влияние Брестского мира 1918 г. на заключение международных финансовых соглашений, реорганизация советско-германских связей в 1920-е гг., репарационный вопрос и аграрная реформа в оккупированной Германии после 1945 г., взаимоотношения восточноевропейских союзников в рамках Совета экономической взаимопомощи, советско-западногерманское сближение на рубеже 1960–1970-х гг., формирование российско-германских отношений в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сквозь призму экономических аспектов объединения ФРГ и ГДР, но и осветили такие специфические вопросы, как роль дипломатических миссий в развитии экономического взаимодействия в 1930-е гг., принудительный труд советских граждан в Германии в годы Второй мировой войны и историческая ответственность германской стороны в виде выплат за него,

значение частных запретных мер и сотрудничества правительств с отдельными фирмами для межгосударственного экономического климата.

В качестве наиболее удачных примеров внедрения большого количества архивных источников в научные работы можно привести выступления с.н.с. Института славяноведения РАН к.и.н. С.З. Случа «Советско-германские экономические отношения и “Миссия Канделаки”, 1935–1937 гг.» (материалы Архива внешней политики МИД России) и директора Российского государственного архива экономики (РГАЭ) к.и.н. Е.А. Тюриной «Торговые отношения СССР и ГДР в рамках Совета экономической взаимопомощи, 1960–1970-е годы» (материалы РГАЭ, фонд № 561 «Секретариат Совета экономической взаимопомощи» («СЭВ»)).

С.З. Случ, оценивая предшествующий обозначенному им исследовательскому периоду переломный в развитии германо-советских отношений 1933 г., пояснил, что, несмотря на стремительно ухудшавшиеся с этого времени германо-советские отношения, значение экономических кон-



Фото 4. Участники конференции

тактов в качестве связующего звена во все не уменьшилось. Заинтересованность в их поддержании сохранялась не только в экспортно-ориентированных отраслях германской промышленности и банковском секторе, но и в военных кругах. Причины этого коренились, во-первых, в большой заинтересованности в сырье, особенно стратегически важном (нефть и нефтепродукты, железная и марганцевая руда) и сельскохозяйственной продукции, прежде всего в технических и кормовых культурах. Во-вторых, СССР был единственной страной, в которой стратегическое сырьё можно было закупать не за валюту, дефицит которой постоянно испытывался в Германии, а на рейхсмарки. В третьих, крупные советские заказы германским фирмам обеспечивали их стабильную долгосрочную загруженность и способствовали уменьшению безработицы, смягчая социальную напряжённость в стране. И, наконец, по мере наращивания вооружённых сил и военного производства потребность в бесперебойном получении стратегического сырья из СССР неизбежно возрастала, что неоднократно отмечалось военно-экономическими ин-

станциями рейхсвера, а затем и вермахта.

Не менее важные факторы мотивировали и советское руководство к сохранению и расширению экономических связей с Германией. Среди них – возможности вести торговлю на безвалютной основе; приобретение на хорошо освоенном рынке высококачественной и высокотехнологичной продукции по приемлемым ценам; размещение крупных промышленных заказов, в том числе на продукцию военного назначения; и, самое главное, получение больших долгосрочных кредитов на выгодных условиях для оплаты этих заказов, чего не удавалось достичь СССР в торговле ни с одним государством.

Е.А.Тюрина, базируясь на документах СЭВ, показала, что среди первых поставок из ГДР в СССР были различные промтовары, ткани, обувь, парфюмерия, галантерея, пиво. Взамен СССР направлял в ГДР наручные часы, спортивные товары, янтарь, скатерти льняные, фотоаппараты, турбобуры. Причём в 1960-е гг. только у СССР и ГДР имело место превышение экспортных поставок над импортными, у всех же других стран – членов СЭВ импорт превышал их экспорт.

Говоря о расхождениях между двумя странами, Е.А.Тюрина объяснила, что в ГДР не видели необходимости противопоставления категорий «план» и «рынок», а СССР настаивал, что совершенствование организационных форм ведения внешней торговли проводится на единственно возможной основе – строжайшем соблюдении государственной социалистической монополии.

Актуальным в наши дни прозвучал вывод исследовательницы о том, что, несмотря на факторы развития внешнеторгового оборота ГДР, в том числе и с ФРГ, продолжалась политика дискриминационных мер в отношении ГДР со стороны Запада и наказания тех стран Европейского экономического сообщества, которые осмеливались торговать с ГДР.

Всем иностранным участникам colloquium была преподнесена англоязычная книга «Мир в исследованиях российских учёных: Аннотированный каталог научной

литературы, изданной в 1994–2017 годах при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований».¹ Лейтмотив названной книги – научная дипломатия в действии. Научную дипломатию РФФИ рассматривает как спектр реальных дел, способствующих укреплению и развитию международного научного сотрудничества. Научные труды, представленные в каталоге, свидетельствуют о глубокой вовлечённости отечественных учёных в мировой научно-образовательный и культурный процесс.

На практике развивая установку РФФИ о научной дипломатии, с достаточным основанием можно констатировать, что прошедший в Воронеже российско-германский научный colloquium «Советско-германские экономические отношения, 1917–1991 гг.» внёс вклад не только в развитие российско-немецких научных связей, но и в укрепление позитивного образа России в Германии.

ENGLISH

Russian-German Scientific Colloquium “Soviet-German Economic Relations in 1917–1991” (Voronezh, July 11–12, 2019)

Yuri Mikhailovich Korshunov – PhD in History, Principal Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, member of the Organizing Committee of the Colloquium.
E-mail: mmy2002@mail.ru

The paper describes the international scientific event on economic history. Its studies, which are based mainly on new archival documents, are of practical importance, because they nurture not only scientific knowledge and promote networking, but can also help to improve interstate economic relations and strengthen the positive image of Russia abroad.

Keywords: materials of the Russian and foreign archives on economic history, trade, export, import, reparations, Council for Mutual Economic Assistance

¹ The Universe in Russian Scientific Studies: Annotated Catalogue of scientific literature published in 1994–2017 with financial support of the Russian Foundation for Basic Research / Compilation by L.S. Krekshina, Ya.V. Smirnova; Foreword by Academician V. Ya. Panchenko; Edited by R.A. Kazakova. M., RFBR, 2018. — 328 p.: ill.

С.А. КИБАЛЬНИК*

XVII Симпозиум Международного Общества Ф.М. Достоевского (Бостон, США, 14–19 июля 2019 г.)**

С 14 по 19 июля этого года в Бостоне (США, штат Массачусетс) прошёл очередной, XVII Симпозиум Международного общества Ф.М. Достоевского. Настоящая статья представляет собой аналитический обзор этого научного форума, посвящённого изучению исследователями самых разных стран мира одного из самых замечательных русских писателей.

Ключевые слова: симпозиум, доклад, исследователь, российский, американский, мировой, литература

XVII Симпозиум Международного Общества Ф.М. Достоевского (International Dostoevsky Society, сокращённо – IDS) был посвящён 150-летию романа «Идиот»: первая его публикация в журнале «Русский вестник» завершилась в 1869 г. В работе Симпозиума приняли участие более 100 учёных из США, России, Великобритании, Канады, Китая, Бразилии, Аргентины, Японии, Австралии, Италии, Испании, Германии, Швеции, Бельгии, Венгрии, Франции, Польши, Хорватии, Болгарии, Украины. Проведение Симпозиума поддержали более 20 различных организаций Бостона и других городов США, а также отдельные учёные из США и Великобритании, Международное общество Ф.М. Достоевского, Северо-Американское общество Ф.М. Достоевского и другие организации.

Исследователи из России сделали около 20 научных докладов. Такое широкое

участие отечественных учёных в Симпозиуме стало возможным, благодаря поддержке многих из них Российским фондом фундаментальных исследований (конкурс «Достоевский» и другие).

Симпозиум начался с торжественного приёма: со вступительной речью и приветствием к его участникам обратился профессор Гарвардского университета В.М.Тодд III (фото 1). В день открытия Симпозиума его участников приветствовали К.Аполонио (Дюк университет), Ю.Корриган (Бостонский университет), президент IDS В.Н.Захаров (Россия, РФФИ), Почётный президент Д.Мартинсен (Колумбийский университет), а также старейший американский достоевсковед, Почётный президент Общества Р.Л.Джексон (Йельский университет).

Все пять рабочих дней Симпозиума открывались двумя пленарными докладами, посвящёнными особенно важным в на-

* **Кибальник Сергей Акимович** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской литературы (Пушкинский Дом) РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, член Российского и Международного обществ Ф.М. Достоевского. Статья подготовлена по проекту «Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры (18-012-90003).
E-mail: kibalnik007@mail.ru

стоящее время, дискуссионным проблемам изучения жизни и творчества Достоевского. Это были доклады Р.Ф.Миллер (Брендэйс университет, США), И.Л.Волгина (МГУ, Россия), К.Эмерсон (Принстонский университет, США), Г.С.Морсона (Северо-Западный университет, США), С.А.Кибальника (ИРЛИ РАН, Россия), К.Кроо (Университет Л.Этваша, Венгрия), С.Алоэ (Университет Вероны, Италия), Б.Н.Тихомирова (Литературно-мемориальный музей Ф.М.Достоевского в Санкт-Петербурге, Россия), Б.Барроса (Гранадский университет, Испания) и В.Н.Захарова (РФФИ, Россия).

Р.-Ф. Миллер анализировала поэтику детали в творчестве Достоевского, И.Л.Волгин говорил о роли А.Г.Достоевской в создании Ф.М.Достоевским романа «Идиот», К.Эмерсон – о Достоевском в интерпретации М.М.Бахтина, а Г.-С. Морсон – о значении парадокса в творчестве писателя. Доклад автора этой статьи был посвящён реинтерпретациям Достоевского в современной европейской психоаналитической философии (Жак Лакан, Славой Жижек), а выступление К.Кроо – «Запискам из подполья» в контексте литературной традиции. С.Алоэ проанализировал ономастику романа «Идиот», а Б.Н.Тихомиров – творческую предысторию этого романа (фото 2). Два заключительных пленарных доклада объединяла сходная проблематика: визуализация и статистический анализ языка Достоевского средствами цифровых технологий (В.Бенами) и перспективы развития проекта «Цифровой Достоевский» (В.Н.Захаров).

Особый интерес вызвал доклад К.Эмерсон, который ознаменовал существенные изменения в восприятии северо-американскими учёными концепции творчества Достоевского, выдвинутой в ранней книге М.М.Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1929): интерпретация произведений писателя вне религиозно-этических категорий была со стороны русского философа, как это явствует из его собственных позднейших свидетельств, вынужденным шагом, который, следова-



Фото 1. Выступает Вильям Миллз Тодд III (США).
Фото И.С. Андриановой

тельно, напрасно добровольно повторяют некоторые современные исследователи, слишком доверившиеся постмодернистским представлениям о безусловной отнесенности бахтинского «диалога».

Многочисленные секционные заседания были озаглавлены «Перевод и рецепция», «Восток и Запад», «Литературные подтексты», «Перевод и интерпретация», «Авторство», «Достоевский и общество», «Достоевский-мыслитель», «Личность», «Жизнь, работа, путешествия», «Мышкин и Настасья Филипповна», ««Идиот» и его прочтения», «Философия и теология», «Рецепция и интерпретация», «Жанр и поэтика», ««Идиот»: проблемы поэтики», «Я и другие», «Интерпретация и адаптация», «Поэтика, жанр, система», «Читатели Достоевского», «Достоевский на экране», «Литературные диалоги с Достоевским», «Достоевский и другие», «Достоевский и визуальное искусство», а также «Предметы и вещи».

Больше всего секционных заседаний было посвящено, естественно, проблемам интерпретации романа «Идиот», и в центре внимания докладчиков зачастую ока-



Фото 2. Выступает Б.Н. Тихомиров.
Фото И.С. Андриановой

зывался его главный герой, князь Мышкин. В докладах была освещена и первоначальная тенденция восприятия этого героя как безусловного представления писателя о «положительно прекрасном человеке», и тенденция к дегероизации Мышкина, отчётливо проявившаяся в последние десятилетия изучения творчества Достоевского.

Всё же в большинстве докладов звучало более взвешенное представление об этом одном из загадочных образов Достоевского как о «положительно прекрасном человеке», который, тем не менее, всё равно, хотя бы вследствие своей человеческой природы, не в силах разрешить трагические противоречия жизни, мучительно переживаемые другими его героями. Кое-что князь Мышкин оказывается всё же способен сделать: заронить в душу каждого из них частицу добра и света, которые согревают их в минуты этих переживаний, причём не только во время личного общения с ним, но даже и тогда, когда оно уже оказывается невозможным.

Как нам представляется, именно это знаменовали собой такие доклады, как «Трагедия непощения» (Д. Мартинсен, США), «Лихорадка князя Мышкина» (Я. Войводиц, Хорватия), «Идиотизм князя Мышки-

на» (С. Евдокимова, США), «Юродство и шутовство в романе “Идиот”» (И.А. Есаулов, Россия), «В поисках оригинала романа» (Л. Димитров, Болгария), «От Мышкина к Смердякову» (Дж. Пэйн, Великобритания), «Поэтика эпилога романа Достоевского “Идиот”» (Т.П. Баталова, Россия), «Роман Достоевского “Идиот”: история и типология комментирования» (В. Борисова, Россия).

В докладах российских учёных прозвучали серьёзные текстологические инновации: новые прочтения фрагментов рукописей романа «Идиот» (Н.А. Тарасова) и осмысление роли стенографических записей Анны Григорьевны в творческой работе Достоевского над этим романом (И.С. Андрианова) (фото 3). Были на симпозиуме открытия и в области изучения биографии Достоевского. Так, в докладах И. Дергачёвой (Россия) и В. Супино (Италия) были озвучены ценные разыскания относительно итальянского периода жизни Достоевского, в который роман «Идиот» был завершён.

Некоторые доклады наших западных коллег были весьма примечательны с точки зрения осмысления тех или иных аспектов художественных открытий, сделанных Достоевским. Например, в докладе Ю. Корригана (США) было показано, в каком отношении представление о бессознательном, проявившееся в понимании писателем психологии своих героев, шире и богаче, чем аналогичные теории, которые вскоре после этого будут развивать основоположники психоанализа. Исследователь пытался показать это, анализируя изображение среды обитания героев Достоевского, которая одновременно оказывается картой их внутреннего мира. Дж. Паттисон (Великобритания), анализируя изображение Христа в романе, может быть, впервые обратился не к «Мёртвому Христу» Гольбейна, а к образу Христа в письме Настасьи Филипповны к Аглае, который он по-

ставил в контекст его изображений в искусстве и науке того времени. Образ Настасьи Филипповны был в центре внимания и другого докладчика — Д. Мартинсен (США), которая показала, что её неумение прощать — не только других, но и себя, также как и аналогичная черта многих других героев романа, в конечном счёте и предопределяет их драму.

Целый ряд докладов российских и зарубежных учёных был посвящён другим произведениям Достоевского. Так, американский исследователь Дж. Коннолли обогатил наши представления о «Бедных людях», С. Дилворт (Швеция) и Ми Сюйян (КНР) — о «Записках из Мёртвого дома», американская исследовательница Э. Блейк — о сибирских стихотворениях Достоевского, канадская исследовательница К. Боуэрс — о повести «Неточка Незванова», американская исследовательница Г. Мэтзнер-Гор — о «Преступлении и наказании», российская исследовательница О. Седельникова и американка Э. Дреннан — о «Бесах», американская исследовательница С. Гренье и китайская исследовательница Джанг Бянге — о повести «Кроткая».

Философский контекст и интертекст творчества Достоевского стал предметом серьёзного внимания в докладах А.И. Тоичкиной (Россия), А. Вайман (США), А.И. Резниченко (Россия) и М. Боудена (Великобритания). Политическая составляющая творчества Достоевского затрагивалась в докладах Е.Г. Новиковой (Россия), Кр. Гарстки (Германия) и М. Брода (Польша). В выступлении Ж. де Фариа (Бразилия) рассматривались пересечения творчества Достоевского с юриспруденцией, в докладе Бр. Джонсона (США) — с медициной, в сообщении Сатоши Бамбы (Япония) — с физиогномикой.

Немало докладов было посвящено поэтике романа «Идиот». Это доклады П.Е. Фокина (Россия) «Поэтика речевого поведения персонажей как способ организации сюжета в романах Достоевского (на материале ро-

мана «Идиот»)», О.А. Богдановой (Россия) «Дачный топос в романе Достоевского «Идиот» и в литературе Серебряного века», Г. Хорвата (Венгрия) «Сингуляризация как формообразующий принцип в романе «Идиот»», Т. Робертса (США) «Лукач. «Идиот» и тотальность предметов у Достоевского», С. Владив-Гловер (Австралия) «Как представить непредставимое: рассказывание в «Идиоте»». В выступлениях О. Быстровой (Украина), К. Холланд (Канада), И. Эрман (США) рассматривались особенности языка и жеста у Достоевского.

Любопытные параллели между «философской фантастикой» Достоевского и В.Ф. Одоевского приводились в докладе А. Гонсалеса (Аргентина) (фото 4). Отзвуки романа «Идиот» в последующей русской литературе и его сценические адаптации конца XIX — начала XX в. рассматривались в докладах американских учёных Л. Себаллос и Б. Дженса. Э. Ченсыз и Л. Кнапп (США), а также М.К. Джидини (Италия) и И. Симпсон (Россия) анализировали рецепцию Достоевского в последующей западной литературе. Современные трансформации образа Достоевского в русских и западных биографических романах привлекли внимание шведского исследователя Х. Кристенсена, а отзвуки Достоевско-



Фото 3. Выступает И.С. Андрианова.
Фото Е.А. Фёдоровой



Фото 4. Выступает А. Гонсалес (Аргентина) (слева).
Справа председатель секции С. Алоэ (Италия).
Фото И.С. Андриановой

го в современной русской литературе вызвали интерес у С.Шаулова (Россия). Театральные и киноадаптации произведений Достоевского обсуждались в докладах Е. Мурениной (США), Т. Джерманович (Испания), А. Зелинской-Элиот (США) и др.

Объектом внимания К. Аполонио (США), М. Свансон (США), Ф. Брунелли (Аргентина), Джоу Кичао (Китай), Е. Саркозин (Венгрия) и многих других исследователей стали проблемы перевода произведений Достоевского на иностранные языки.

Бостонский Симпозиум в очередной раз показал, что англоязычное и русскоязычное изучение творчества Достоевского — это, как и раньше, во многом параллельные миры. Не часто приходится слышать в работах англоязычных исследователей ссылки на работы российских коллег. То же самое, надо признать, присуще работам российских учёных по отношению к любым иноязычным исследованиям. Одно из возможных решений данной проблемы — создание электронной библиотеки IDS, в рамках которой исследователи Достоевского получили бы возможность обмениваться своими монографиями, статьями, сборниками трудов.

Однако на сей раз эти два мира не были разделены полностью: в докладах многих российских участников широко применялись англоязычные слайды, некоторые выступали на английском языке. Многие зарубежные исследователи Достоевского делали свои доклады по-русски, причём говорили на этом неродном для них языке достаточно свободно, а то и просто великолепно.

В рамках Симпозиума состоялась также генеральная ассамблея Международного Общества. На ней единогласно были приняты и одобрены отчёт его президента В.Н. Захарова (Россия) и казначея Дж. Пэйна (Великобритания) (фото 5). В связи с исте-

чением полномочий, которые составляют не более двух сроков, были проведены выборы президента. Новым президентом единогласно избрана Кэрол Аполонио (США). Почётными президентами стали В.М. Тодд III (США) и Владимир Захаров (Россия). Национальным представителем от России в Международном Обществе Достоевского вместо скончавшегося в прошлом году К.А. Степаняна был избран П.Е. Фокин. Участники генеральной ассамблеи единодушно проголосовали за то, что следующий Симпозиум, пройдёт в Нагойе (Япония) (фото 6).



Фото 5. Отчёт президента IDS В.Н. Захарова (Россия) и казначея Дж. Пэйна (Великобритания). Фото П.Е. Фокина

Во время работы Симпозиума в одном из университетских особняков была торжественно открыта выставка иллюстраций к произведениям Достоевского, которую представили директор Литературного Музея России Д.П. Бак, заместитель директора Литературно-мемориального Музея Достоевского в Санкт-Петербурге Б.Н. Тихомиров и исполнительный директор инициативной художественной организации «Русские балеты» А. Вайнштейн.

Огромный интерес вызвала презентация книг и научных проектов, на которой выступили В. Супино (Италия), Дж. Пэйн (Великобритания), К. Боуэрс и К. Холланд (Канада), Е.Г. Новикова (Россия), Ю. Корриган (США), Б.Н. Тихомиров (Россия), Сл. Владив-Гловер (Австралия), А. Гонсалес и Дж. Мориллас (Испания), О.А. Богданова (Россия), С.А. Кибальник (Россия), И.А. Есаулов (Россия), Ф. Бьянчи (Бразилия), Э. Блэйк (США), М. Степенберг (Канада) и другие. Отрадно, что из 17 представленных изданий восемь книг российских учёных были изданы по грантам РФФИ.



Фото 6. Голосование на генеральной ассамблее Международного Общества Достоевского

Выступавшие с заключительными словами участники Симпозиума единодушно отметили, что он был организован великолепно и прошёл на высоком научном уровне.

Были высказаны также надежды на то, что грядущий в 2021 г. 200-летний юбилей Достоевского будет отмечен как в России, так и за рубежом достойно и содержательно.

ENGLISH

17th Symposium of F. Dostoevsky International Society (Boston, USA, July 14–19, 2019)

Sergey Akimovich Kibalnik – Doctor of Philology, Principal Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Professor, St. Petersburg State University, member of the Russian and International Dostoevsky Societies. The paper is based on the project “Dostoevsky in the Media Space of the Modern Russian Culture” (18-012-90003).

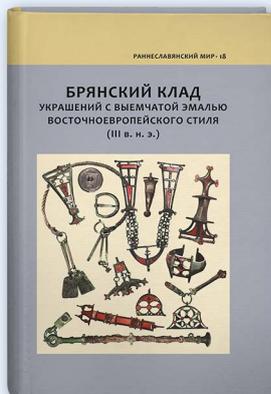
E-mail: kibalnik007@mail.ru

On July 14–19 this year, the next, 17th Symposium of Dostoevsky International Society will take place in Boston, Massachusetts, USA. This paper is an analytical review of this academic forum dedicated to the study of one of the most remarkable Russian writers by various researchers globally.

Keywords: symposium, report, researcher, Russian, American, world, literature

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-198-202

**Н.А. КРЕНКЕ***

Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. — 560 с.: ил. — (Раннеславянский мир. Вып. 18)**

Ключевые слова: выемчатые эмали, грабительские раскопки, клады

Брянский клад изделий с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля (датировка стиля — конец II – вторая половина III в., датировка самого клада – III в.) является самым представительным комплексом вещей этого круга. Клад насчитывал более 275 предметов. Коллективная монография, подготовленная под руководством А.М.Обломского (он же является и автором основных разделов книги), состоит из 17 глав. В её написании приняли участие более 20 специалистов из четырёх городов (Москва, Санкт-Петербург, Тула, Брянск).

Монография производит впечатление исключительно фундированного и многогранного комплексного исследования, к тому же прекрасно иллюстрирован-

ного. Литература по теме собрана в книге достаточно полно.

Разделы монографии делятся на четыре тематических блока. К первому из них относятся главы 1 (А.М.Обломский) и 2 (И.В.Белоцерковская, О.А.Радюш, О.С.Румянцева, А.М.Обломский). В них изложены сведения об обстоятельствах находки клада и передачи его в Государственный Исторический музей; о работах, которые провела Раннеславянская экспедиция Института археологии РАН на месте находки клада; общая характеристика комплекса (данные о количестве вещей по категориям). Здесь же приводится детальное описание вещей, входящих в состав клада, их рисунки и фотографии.

Во второй блок входят главы, посвящённые исследованию отдельных кате-

* **Кренке Николай Александрович** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.

E-mail: nkrenke@mail.ru

** Проект 18-19-00172д.

горий предметов из клада (главы 3–11) в типологическом и хронологическом аспектах. Для каждой из рассмотренных категорий приводятся типология, список аналогий, данные о хронологии.

В главе 3 (В.Е.Родинкова) рассмотрены пластинчатые венчики-диадемы с чеканной орнаментацией. Наиболее ранние венчики этой серии датируются концом I – началом II в. Позже пластинчатые диадемы стали характерны для женского убора, в который входят украшения с эмалевыми вставками.

В главе 4 (С.В.Воронятов, О.А.Хомякова) проанализированы витые гривны с окончаниями в виде петель. В Поднепровье, Верхнем Поочье и Подонье эти вещи, в основном, найдены в кладах. Близкие изделия были распространены и в Восточной Прибалтике. По мнению авторов, гривны являются вещами, показывающими высокий статус их владельцев.

Браслетам из Брянского клада посвящена глава 5 (О.А.Хомякова). Рассмотрены все браслеты из этого комплекса. Наиболее подробно разработана типология литых изделий с выступающими наружу гребнями. Эта группа украшений не имеет прямых прототипов, хотя не исключено, что их генезис связан с Восточной Прибалтикой. В конце II–III вв. такие браслеты распространены в основном на территории Поднепровья, Верхнего Поочья и лесостепного Подонья, о чём свидетельствует каталог, приложенный к главе.

Ранние окские фибулы с кнопкой на конце корпуса рассмотрены в главе 6 (А.М.Воронцов). Ареал этих фибул охватывает Верхнее Поочье, Подесенье и Верхнее Подонье. Их прототипы сформировались под влиянием двучленных сильнопрофилированных центральноевропейских фибул с отверстием для крепления тетивы на головке. «Окские» фибулы демонстрируют свою особую линию развития, но ранние их образцы связаны с комплексом вещей с выемчатыми эмальями.

Зеркало с петлёй на обороте и с мотивом орнаментации в виде квадрата – не типичная вещь для комплексов украшений с выемчатыми эмальями. Его анализу посвящена глава 7 (И.О.Гавритухин, В.Ю.Малашев). Аналогичные изделия известны от Нижнего Дона до Южного Зауралья и Северо-Восточного Кавказа в контексте позднесарматской культуры, а также памятников оседлого населения Нижнего Подонья и северокавказских аланов. Авторами на основании анализа датируемых вещей из погребальных комплексов определена дата таких зеркал – вторая половина II–III в.

Стеклянные бусы из Брянского клада рассмотрены в главе 8 (О.С.Румянцева). Сделан вывод, что бусы в целом типичны для первых веков н.э. Тем не менее набор, в котором сочетаются красные уплощённые параллелепипедные бусы и золотостеклянные, характерен для комплексов изделий с эмальями. В целом он может датироваться второй половиной II – началом IV в.

В главе 9 (А.М.Обломский) дан обзор аналогий прочим украшениям из клада. Весь набор вещей мог составлять имущество большой семьи: от трёх до шести женщин, одного ребёнка, от одного до трёх мужчин. Комплекс в целом может датироваться примерно серединой III в. н.э.

Глава 10 (Н.А.Биркина) посвящена проблемам реконструкции комплексов украшений из клада. Выделены пары фибул и браслетов, явно составлявшие комплекты, реконструированы две цепи типа Борзны, комплекты металлических деталей рогов для питья, плеть с утяжелителями ремней, комплекс головного убора типа вайнаги и др.

В главе 11 (О.А.Радюш) рассмотрены предметы мужской субкультуры – металлические детали плети и рогов для питья. Сделан вывод, что основное назначение этих вещей – служить показателем высокого социального статуса их владельца.

Во второй блок (главы 12 и 13) включены разделы, посвящённые археологическому контексту как Брянского клада, так и находок в лесном Подесенье восточно-европейских вещей с эмалями.

В главе 12 (И.Р.Ахмедов) рассмотрены находки вещей с эмалями к востоку от Днепра (в бассейне Хопра, на Оке, Волге и Каме). Приводятся карта вещей и их рисунки, проанализированы комплексы. В этом регионе изделия с эмалями немногочисленны, в комплексах обычно сочетаются с украшениями местных типов. Украшения с эмалями в основном относятся к III–IV вв. Их дериваты существовали в IV и V вв.

В главе 13 (составитель А.М.Обломский) опубликованы данные об исследованных раскопками памятниках киевской культуры в лесном Подесенье (Брянская обл. России), т.е. в регионе, где были обнаружены два клада украшений с эмалями — Брянский и Глажевский. Этих памятников всего восемь, все они относятся к деснинскому варианту киевской археологической общности. Впервые публикуются сведения о киевских материалах поселения Курово-6, собраны и приведены информация о многолетних раскопках селища Хотылёво-2, а также результаты разведки и небольших раскопок трёх памятников (Новоямское-3 и 3А, Уль-1) в долине р. Сев, т.е. непосредственно там, где был обнаружен Брянский клад. Эмали в Подесенье обнаружены на четырёх памятниках киевской культуры, изученных раскопками. Область повышенной концентрации киевских поселений и вещей с эмалями наблюдается в бассейне р. Сев.

Четвёртый блок составляют главы 14–16 и два приложения, где опубликованы результаты естественно-научных исследований. Материалом при этом служили вещи как из Брянского клада, так и из других мест, в том числе и из Мощинского клада.

В главе 14 О.С.Румянцева приводит наблюдения за технологией нанесения эмалевых вставок. Искусство украшения эма-

лями бронзовых предметов требует знания достаточно сложных технологических приёмов (которые реконструированы в главе), восходящих к традициям ремесленников Римской империи. О.С.Румянцева ставит вопрос, как именно было организовано ремесло эмальеров в Восточной Европе.

В главе 15 (О.С.Румянцева, А.А.Трифонов, Д.А.Ханин) опубликованы методика и результаты химического анализа восточноевропейских эмалей. Они сопоставлены с данными о составе стекла бус из Брянского и Мощинского кладов. Всего сделаны 34 образца от 28 изделий, что составляет достаточно представительную выборку. Близость состава стекла эмалей и бус красного стекла из разных пунктов свидетельствует об общих видах сырья и производственных традициях, в которых они были изготовлены. В разделе 2 этой главы приводятся данные, что на территории Римской империи (в Дакии, Галлии, Германии) и в Подунавье изделия с эмалями датируются, в основном, II–III вв., т.е. так же, как и в Поднепровье. Высказана идея, что угасание производства эмалей на территории Восточной Европы связано не столько с местными событиями, сколько с общим упадком эмалирования в римских провинциях.

Глава 16, посвящённая химическому составу бронзы и технологии изготовления изделий с эмалями, написана И.А.Сапрыкиной на основании 106 анализов металла вещей из Брянского и Мощинского кладов, а также из некоторых других пунктов, подготовленных С.А.Авдусиной (Приложение 1). В подобном объёме анализы металла украшений этого круга сделаны впервые.

Основным техническим приёмом изготовления вещей из Брянского клада было литьё по выплавляемой модели. Присутствуют также изделия, собранные из деталей, которые сделаны разными способами (литьём, ковкой и т.д.). Часть вещей были кованными. Химический со-

став вещей рассмотрен по категориям (венчик, гривны, нагрудные цепи, фибулы, пластинчатые и литые подвески, зеркало, браслеты, детали плети и рогов для питья).

Автор пришла к выводу, что украшения из клада были выполнены из ломатных цветных металлов. Бронзы, из которых сделаны вещи с эмалями, существенно отличаются от сплавов, применявшихся при изготовлении украшений черняховской культуры.

В Приложении 2, подготовленном А.А.Мамоновой, приводятся результаты анализа остатков текстиля на предметах из Брянского клада. Это – обрывки шнуров и верёвочек, сделанных из растительных волокон (лён или конопля).

Завершает работу глава 17 (А.М.Обломский), которая посвящена некоторым общим проблемам изучения вещей с эмалями на территории Восточной Европы. В лесном Поднепровье, как и в лесостепи, вещи с эмалями устойчиво связаны с позднезарубинецкими древностями (кроме почепских) и памятниками киевской культуры. А.М.Обломский предполагает, что клад в Поднепровье могли выпасть в землю в результате набегов донского населения на этот регион, а также (в южной части днепровского ареала) во время столкновений, произошедших при распространении населения черняховской культуры на восток Днепровского Левобережья, которое происходило около середины – третьей четверти III в.

В заключение хотелось бы высказать некоторые свои мысли по теме эмалей. Во-первых, следует сказать, что количество украшений, находившихся в употреблении, было исключительно большим. Известное нам число находок надо умножить на цифру с пятью нулями, если мы хотим оценить количество реально бытовавших изделий. Масштабы ареала распространения находок восточноевропейских эмалей при их стили-

стическом единстве, видимо, указывают, что всё это предметы экспорта в варварскую периферию (ширина этого «пояса» оказалась существенно больше, чем казалось ещё 20 лет назад, римские монеты и вещи системно встречаются в Тульской и Курской областях) из нескольких, тесно связанных между собой ремесленных центров на окраине «римского мира». Культура-донор навязала культуре-реципиенту (или культурам) моду на броские (и тяжелые!) металлические украшения. Возникла специфическая новая система ценностей.

Так происходило в истории человечества не раз, и поздние случаи относительно хорошо документированы (Европейский Север и Сибирь в XVIII–XIX вв.; Британская Колумбия XVIII в.). Очевидно, с «дикарями» производился неэквивалентный обмен на эти украшения (меха, рабы). Такой «бизнес» обычно имел относительно узкие хронологические рамки. «Дикари» имели свойство довольно быстро (около 100 лет) охладевать к изобилию металла на одежде, рынок насыщался. Появление на территории Восточной Европы мощного раннегосударственного образования, такого как готское королевство, должно было и действительно положило конец этой торговле, изменились приоритеты в системе ценностей.

Во-вторых, сокрытие кладов не обязательно нужно связывать с войнами и набегами. Мы хорошо знаем на примере средневековых русских городов, что закапывание кубышек с монетами в землю было наиболее распространённым способом хранения сокровищ. Вероятно, так же было и с массивными украшениями II–IV вв. Их ведь можно и нужно было предъявлять только в определённые редкие моменты (типа праздников потлача у индейцев Северной Америки). Что делать с ними в остальное время? Конечно, закапывать.

ENGLISH

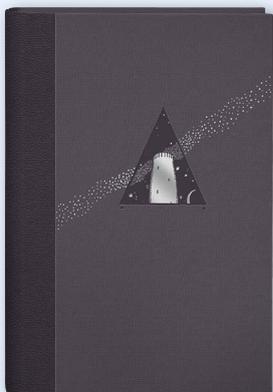
Bryansk Treasure of Jewellery with Chiseled Enamel of the Eastern European Style (3^d Century AD) / Publishing Editor A.M. Oblomsky. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; Vologda: Drevnosti Severa Publishing House, 2018. — 560 p.: Ill. — (Early Slavic World. Issue 18)

Nikolay Aleksandrovich Krenke — Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: nkrenke@mail.ru

Keywords: chiseled enamels, tomb raiding, treasures

DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-203-206

**С.В. ФЕДОТОВА***

Иванов Вяч.И. По Звёздам. Опыт философии, эстетические и критические. Статьи и афоризмы: В 2 кн. Кн. I: Тексты; Кн. II: Примечания / Отв. ред. К.А. Кумпан. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. — Т. I. — 432 с.; Т. II. — 672 с.: ил..**

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, первое академическое издание, эдиция, текстология, комментарий, классик символизма

Значение поэта и теоретика символизма Вячеслава Иванова (1866–1949) для литературы и — шире — культуры всего так называемого Серебряного века невозможно переоценить. Нет ни одного сколько-нибудь серьёзного художника и мыслителя эпохи, ни одного литературного направления, которые так или иначе не соотносили бы свои эстетические и религиозно-философские поиски с идеями хозяина знаменитой петербургской «Башни». Именно поэтому научное издание творческого наследия Иванова во всём объёме, с воспроизведением авторских вариантов текстов и многоаспектным комментарием давно ожидали специалисты в области русского модернизма.

Первое научное издание сборника философских, эстетических и критических статей Вяч. Иванова «По Звёздам» («Оры», 1909) состоит из двух книг: «Тексты» и «Комментарии». Первая — во всей

полноте воспроизводит статьи и структуру оригинала, включая посвящение «Л.Д. Зиновьевой-Аннибал» (покойной жене поэта). Огромную работу провели участники проекта (К.А. Кумпан, Т.В. Мисникевич, Г.В. Обатнин, А.Л. Соболев и др.) по установлению критически выверенных текстов на основе печатных и рукописных источников, известных на сегодня. Основной корпус сопровождается редакциями и вариантами, которые являются необходимой базой для реконструкции истории произведений Иванова (от ранних черновых автографов до первых публикаций), в таком объёме они представлены впервые.

Излишне говорить о значении текстологического свода для понимания направления творческой мысли поэта, которая развивалась не только в силу внутренних закономерностей, но и под влиянием внешних импульсов. Всё же приведём один пример. Статья «О весе-

* **Федотова Светлана Владимировна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
E-mail: lucia-th@yandex.ru

** Проект 17-04-16504д.

лом ремесле и умном веселии» получает дополнительное измерение, если проследить, как автор перерабатывает первоначальный текст. В окончательном варианте он «снимает» характеристики (К.Д.Бальмонта, В.Я.Брюсова, с одной стороны, и С.М.Городецкого, А.М.Ремизова, А.А.Блока, И.Коневского (Ореуса), М.А.Кузмина – с другой). Тем самым он абстрагирует подразумеваемую оппозицию декадентов и мифотворцев, уводит в подтекст частные детали и сохраняет status quo теоретика символизма, свободного от партийных пристрастий.

Вторая книга тома открывается преамбулой «О некоторых проблемах и принципах издания» (К.А.Кумпан). В ней описываются научный аппарат, структура всех разделов и т.д. Особое внимание уделено проблемам, повлиявшим на некоторое отступление от академических эдиционных стандартов. Остановимся на двух из них, во многом, как представляется, определивших «лицо» рецензируемого тома.

Первая связана с проблемой унификации своеобразного, «иератического» языка Вяч. Иванова в соответствии с современными языковыми нормами. Как известно, уже современники удивлялись (нередко с нотой иронии) обилию архаизмов, церковнославянизмов и эллинизмов, индивидуальных особенностей написания отдельных букв, морфем и т.д. В этом вопросе можно высоко оценить стратегию, выбранную составителями сборника, – максимально возможное сохранение идиостиля «велеречивого» поэта. Глубокое понимание религиозного отношения Иванова к русскому языку как преемнику эллинской и церковнославянской речи позволило им, вопреки «рациональным и психологическим препятствиям», а также чисто техническим трудностям, пойти на некоторое отступление от общепринятых в научных изданиях правил. В основных текстах, таким образом, сохранены узнаваемые приметы языка Иванова. К ним относятся архаиче-

ское написание отдельных слов (*эсоте-рический, тожество, гьероглиф* и др.), сложные прилагательные (*чёрножёлтый, внутренне-неизбежный* и др.) индивидуальная транскрипция иноязычных имён и названий (*Парнасс, Верлэн, Гейсманс, Мэтерлинк (Матерлинк)* и др.), в некоторых случаях даже буквы, особенно чтимые поэтом, например, фита («еолог», «каварсис», «еургия») и десятеричное и (i) («iамб»).

Вторая проблема определяет характер комментария. По структуре он традиционно состоит из трёх частей: 1) библиографической и текстологической справки с описанием рукописных источников, 2) историко-литературного и 3) реального комментария. Основную сложность комментирования текстов составители сборника видят в специфически ивановском типе «реминисцентной полифонии», выделяющей его даже на фоне общеизвестного «цитатного полигнетизма» символистов. Она проявляется в осознанной установке поэта на «тайнопись», скрытое использование «чужого слова», которое переплавляется в авторском дискурсе, символистки перекодируется, создавая многослойный палимпсест. Плотная интертекстуальность ранней эссеистики поэта потребовала колоссальных усилий для «дешифровки» аллюзий, имён-символов, философских понятий, библейских, мистических образов, неявных отсылок к сюжетам, цитатам, которые к тому же даются на многих языках.

Можно предположить, что главная трудность, с которой столкнулись комментаторы, – не в нахождении источников (хотя нельзя преуменьшать масштабность, а иногда, наверное, и почти «детективные» – по «косвенным уликам» – поиски текстов-посредников). Даже найденные и поставленные «vis-à-vis» с ивановскими текстами, они зачастую фактически не могут сами по себе прояснить сложную семантическую фигурированность мысли поэта. Эта очевидность вызывает необходимость очередного расши-

рения жанра академического комментария, корректного указания на подразумеваемые смыслы, как правило, за счёт привлечения параллельных цитат из других произведений Иванова.

Нельзя не отметить ценность выявленных отсылок к идеям, среди прочих, Ницше и Шопенгауэра, которых особенно много в первом ивановском сборнике философско-эстетических статей. В большинстве случаев, когда комментаторы обнаруживают своеобразную интерпретацию, полемическую обработку или определённую степень деформации автором текстов-источников, они дают фрагменты немецких текстов в русских переводах по наиболее доступным изданиям, а нередко – и цитаты на языке оригинала. Найденные отсылки к отечественной художественной и философской мысли (Лермонтова, Тютчева, Достоевского, Вл. Соловьёва и др.), органично входящие в сознание «русского европейца», также повышают значение реального комментария для понимания его «реминисцентной полифонии».

Уделяется внимание и не менее важным для Иванова источникам, связанным с использованием в его дискурсе понятий христианской духовной практики. Так, например, в комментарии к программной статье «Поэт и Чернь» (1904), в котором встречается выражение «умное делание», даётся определение аскетической техники Иисусовой молитвы у монахов-исихастов с историческими экскурсами и названием святоотеческой литературы, посвящённой этой теме. Однако, хотя указывается, что этот термин Иванов употребляет уже в «Эллинской религии страдающего бога», остаётся непонятным, откуда он его усвоил (по-видимому, выражение не входило в общекультурный тезаурус России в XIX в.). Можно найти ещё несколько моментов, требующих уточнения, но это замечание никак не снижает высокого качества проделанной работы.

Отдельного разговора заслуживает историко-литературный комментарий к ста-

тьям Иванова. Он также выходит за рамки строгого академизма, расширяя их привлечением как уже напечатанных писем и дневников самого поэта (и членов его семьи), так и неопубликованных архивных документов из фондов поэта и его ближайшего окружения. Публикация неизвестных материалов потребовала уточнений по поводу их реалий (лиц, событий, дат, цитат и т.д.), инкорпорированных в текст комментария. Попутно укажем число рукописей и документов, впервые полностью или частично опубликованных в томе: в научный оборот введено более 130 единиц.

Статьи Иванова комментаторы вписывают в контекст литературно-философской проблематики того времени (русского ницшеанства, вагнерианства, полемике по так называемому вопросу пола, споров внутри символистского лагеря), стремясь максимально точно реконструировать историю создания, публикации и оценки критиками как отдельных статей (выходивших в периодике), так и всей книги «По Звёздам» в целом. Расширение контекста в некоторых случаях приводит к плавному перетеканию комментария в жанр статьи. И этот факт отрефлексирован комментаторами как необходимая модификация академического канона. Такими полноформатными статьями являются комментарии к «Идее неприятия мира» (1906), «Двум стихиям в современном символизме» (1908), «Древнему ужасу» (1909), «Ты еси» (1907) и др., написанные Г.В. Обатниным и А.Л. Соболевым.

В заключение ещё раз отметим высочайший профессиональный уровень всех участников проекта, их внимательное отношение к авторской воле, сподвигшее на известное расширение энциклопедических академических правил, а также прекрасное оформление книги. На тёмно-синем фоне обложки воспроизводится издательская марка М.В. Добужинского – башня, вписанная в треугольник, насквозь пронизанный звёздным потоком. Такой дизайн символически «знаменует»

преимущественную связь как с оригинальной версией «По Звёздам», так и со старым добрым брюссельским собранием сочинений (ярко-голубого цвета), подготовленным в «домашнем» формате ближайшим окружением Вяч. Иванова.

Остаётся порадоваться тому, что рецензируемая книга стала настоящим научным событием накануне 70-летия со дня смерти классика символизма. Более достойную дань его светлой памяти трудно представить.

ENGLISH

Ivanov, Vyach. I. By the Stars. Philosophical, Aesthetic and Critical Experiments. Papers and Aphorisms in 2 vol. Vol. I: Texts; Vol. II: Notes / Publishing Editor K.A. Kumpan. St. Petersburg: Pushkin House Publishing House, 2018. — Vol. I. — 432 p.; Vol. II. — 672 p.: Ill.

Svetlana Vladimirovna Fedotova — Doctor of Philology, Principal Researcher, M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: lucia-th@yandex.ru

Keywords: Vyacheslav Ivanov, first academic publication, edition, textology, comment, classic symbolism

**ПАМЯТИ
ВИКТОРА ВИКТОРОВИЧА
ИВАНТЕРА**



**Академик РАН В.В. Ивантер
(14 ноября 1935 – 15 сентября 2019)**



От имени Российского фонда фундаментальных исследований и себя лично выражаю глубочайшие соболезнования по поводу ухода из жизни академика РАН Виктора Викторовича Ивантера, яркого учёного, советского и российского экономиста, основателя отечественной научной школы макрофинансового прогнозирования.

Российская наука потеряла авторитетного учёного, человека большой души, настоящего патриота России.

С 1961 года Виктор Викторович занимался экономической наукой. 33 года он работал в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН, 20 лет возглавлял Институт, а с 2018 года работал его научным руководителем.

Академик Ивантер — автор работ «Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв?», «Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегия», «Прогноз технологического развития экономики России с учётом новых мировых интеграционных процессов», «Прикладное прогнозирование национальной экономики», «Перспективы развития экономики России на ближайшие 20 лет».

Глубоко скорбим вместе с родными и близкими, коллегами по работе об этой невосполнимой утрате.

Виктор Викторович навеки останется в наших сердцах.

Светлая ему память.

*Председатель Совета
Российского фонда фундаментальных исследований
академик РАН В.Я. Панченко*

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2019, № 3 (96)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 13.09.2019. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 26,0. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз. Заказ № 404

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57